ЛЮДМИЛА СОКОЛОВА

МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ
ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКИ СУДЬБЫ

Московский модерн

в лицах и судьбах

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Короткая эпоха расцвета модерна была довольно резко прервана. Классический стиль в искусстве с его плавностью и текучестью форм, растительными орнаментами вряд ли бы прижился в молодом социалистическом государстве.

Но, несмотря на строительство коммунизма и воцарение новых порядков, шедевры модерна на улицах Москвы сохранились: многие из них в превосходном состоянии дошли до наших дней. И сегодня мы имеем возможность любоваться ими.

Так уж случилось, что самые яркие здания в стиле модерн не принесли счастья ни тем, кто их создал, ни тем, кто в них жил. В этой книге мы совершим увлекательное путешествие не только по улицам Москвы, но и во времени: вернемся назад, чтобы лучше понять день сегодняшний.

- Людмила Анатольевна Соколова
  - ○
  - ○
  - ○ Глава 1
    - ■
    - ■ Постройки Льва Кекушева в Москве
      - ■
      - ■ Богадельня имени Геера на Верхней Красносельской улице, № 15 (1894–1899)
      - ■ Дом наследниц Хлудовых в Театральном проезде, № 3 (1894–1896)
      - ■ Особняк Коробковой на Пятницкой улице, № 33 (1894–1899)
      - ■ Доходный дом Якова Бабушкина на Покровке, № 29 (1897)
      - ■ Особняк Листа – Кусевицкой в Глазовском переулке, № 8 (1898–1899)
      - ■ Усадьба М.С. Грачева в Ховрине (1898–1900)
      - ■ Химическая лаборатория Императорского технического училища на 2-й Бауманской улице, № 10 (1898–1899)
      - ■ Никольские (Иверские) торговые ряды на Никольской улице, № 5 (1899–1900)
      - ■ Особняк А.И. Кекушевой на Остоженке, № 21 (1900–1903)
      - ■ Доходный дом Кекушевой на Остоженке,

№ 19 (1900–1903)
- Особняк В.Д. Носова на Введенской площади (Электрозаводская улица, № 12) (1903)
- Особняк Миндовского на Поварской улице, № 44/2 (1904)
- Особняк М.Г. Понизовского на Поварской улице, № 42 (1903)
- Доходный дом И.П. Исакова на Пречистенке, № 28 (1904–1906)
- Особняк И.А. Морозова на Пречистенке, № 21 (1904–1906)
- Ресторан «Прага» на улице Арбат, № 2 (1906)
- Доходный дом В.Е. Быкова на 2-й Брестской улице, № 19/18 (1909–1910)
- Преображенская больница на улице Преображенский вал, № 19 (1912)

○ Глава 2
-
- Постройки Федора Шехтеля в Москве
  - Особняк П.В. Щапова на Бауманской улице, № 58 (1878)
  - Театр «Парадиз» на Большой Никитской улице, № 19 (1884 – фасад здания)
  - Особняк З.Г. Морозовой на Спиридоновке, № 17 (1893–1898)
  - Особняк Н.В. Кузнецовой на проспекте Мира, № 41, стр. 1 (1893)
  - Особняк Н.М. Кузнецова (Кузнецовой) на проспекте Мира, № 43 (1894–1896)
  - Торговый дом «Товарищества М.С. Кузнецова» на Мясницкой улице, № 8/2 (1898–1903)
  - Особняк Ф.О. Шехтеля в Ермолаевском переулке, № 28 (1896)
  - «Торговый дом Аршинова», Старопанский переулок, № 5 (1899)
  - Здание скоропечатни товарищества «Левенсон А.А.» в Трехпрудном переулке, № 9 (1900)
  - Особняк С.П. Рябушинского на Малой Никитской улице, № 6/2 (1900–1903)
  - Банк «Товарищества мануфактур П.М.

Рябушинского» на Биржевой площади (1903)
- Типография «Утро России» П.П. Рябушинского в Большом Путинковском переулке, № 3 (1907–1909)
- Торговый дом «Московского страхового от огня общества». «Боярский двор» на Старой площади, № 8 (1901)
- Особняк П.П. Смирнова на Тверском бульваре, № 18 (1901–1903)
- Особняк А.И. Дерожинской в Кропоткинском переулке, № 13 (1901)
- Московский художественный театр в Камергерском переулке, № 3 (1902)
- Ярославский вокзал на Комсомольской площади, № 5 (1902–1904)
- Особняк Шехтеля на Большой Садовой улице, № 4, стр. 1, 2 (1909)
- Кинотеатр «Художественный» на Арбатской площади, № 14 (1912–1913)

○ Глава 3
-
- Доходный дом страхового общества «Россия» на Лубянской площади, № 2 (1897–1899)
- Гостиница «Националь» на улице Моховая, № 15/1 (1900–1903)
- Особняк А.А. Морозова на Воздвиженке, № 16 (1897–1899)
- Гостиница «Метрополь» в Театральном проезде, № 2 (1899–1905)
- Особняк Высоцких в Огородной слободе, № б (1900–1901)
- Дом Пигита на Большой Садовой улице, № 10 (1902–1903)
- Доходный дом М.В. Сокол на улице Кузнецкий Мост, № 3 (1903–1904)
- Особняк (контора) И.-Л. Динга на 3-й Рыбинской улице, № 22–24 (1904)
- Особняк Тарасовых в Скатертном переулке, № 4/1 (1905)
- Доходный дом З.А. Перцовой в Соймоновском проезде, № 1 (1905–1907)
- Клуб Московского купеческого собрания (Театр «Ленком») на Малой Дмитровке, № б (1907)

        - Особняк В.В. Правдиной Садовая-Сухаревская, № 5 (1908)
        - Доходный дом М.Н. Миансаровой на Сухаревской площади, № 12 (1908–1912)
        - Дом И.К. Баева, проспект Мира, № 30 (1909)
    - Список книг и статей, из которых можно почерпнуть много полезных фактов об истории Москвы и московского модерна
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

Людмила Анатольевна Соколова Московский модерн в лицах и судьбах

© Соколова Л.А., 2014 © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Хочу сразу расставить точки над «i» – это ни в коей мере не научное исследование, поэтому употребление архитектурных терминов, а также искусствоведческих описаний я старалась минимизировать. Так что кого интересует именно это – ищите специальные книги. Мне же было интересно другое: кто и для кого построил прекрасные здания модерна, как сложились судьбы этих людей.

Не странно ли, что своим расцветом московский модерн обязан в значительной степени богатым купцам-старообрядцам? Во второй половине XIX века это была новая генерация российского купечества, открытая последним веяниям в науке, технике и искусстве, на глазах превращавшаяся в новый класс – буржуазию. Даже если вычеркнуть заслуги в развитии экономики и промышленного производства России таких людей, как Мамонтовы, Морозовы, Третьяковы, Бахрушины, Солдатенковы, Хлудовы, Прохоровы, Коноваловы, Рябушинские, Абрикосовы и многие другие, – их вклад в превращение Москвы в один из крупнейших и красивейших европейских городов огромен! Это при их финансовой поддержке во всех жанрах искусства: живописи, графике, архитектуре, поэзии, музыке и театре – утвердился новый стиль, модерн, и проник в жизнь и быт, диктовал моду на одежду и манеру поведения.

Так уж случилось – и при этом выявляется некая закономерность, – что самые яркие здания в стиле модерн не принесли счастья ни тем, кто их создал, ни тем, кто в них жил. А в XX веке и большинство из них выпали из городского социума, став закрытыми домами приемов или территориями других государств. Поэтому московский модерн впору называть посольским.

В этой книге мы совершим увлекательное путешествие не только по улицам Москвы, но и во времени: вернемся назад, чтобы лучше понять день сегодняшний.

Итак, вперед!

Глава 1
Лев Кекушев. Вопросы без ответов

Лев Николаевич Кекушев (07(19).02.1859–1914?) – один из самых ярких российских архитекторов, которого принято считать родоначальником московского модерна, – остался, пожалуй, самой загадочной фигурой в таком многослойном и неоднородном пласте нашей культуры, как модерн.

Его жизнь многие годы проходила на виду. Заметьте, в это время издавалось немало газет, все повально увлекались фотографией, набирал силы кинематограф! Но они словно договорились о нем молчать… Кекушев оставил после себя почти столько же загадок и противоречивых суждений, сколько памятников своего гения в виде двух десятков особняков и доходных домов, нескольких часовен и храмов, железнодорожных станций Мытищи и Одинцово, Торговых рядов на Никольской, трех ресторанов – среди них «Прага», – больниц и богаделен. И положил начало этим загадкам он сам: Лев Николаевич любил манипулировать цифрами и фактами своей биографии.

Лев Николаевич Кекушев

В одном можно быть уверенным: место его рождения точно не определено. Не говоря уже о дате и обстоятельствах смерти, которые неизвестны…

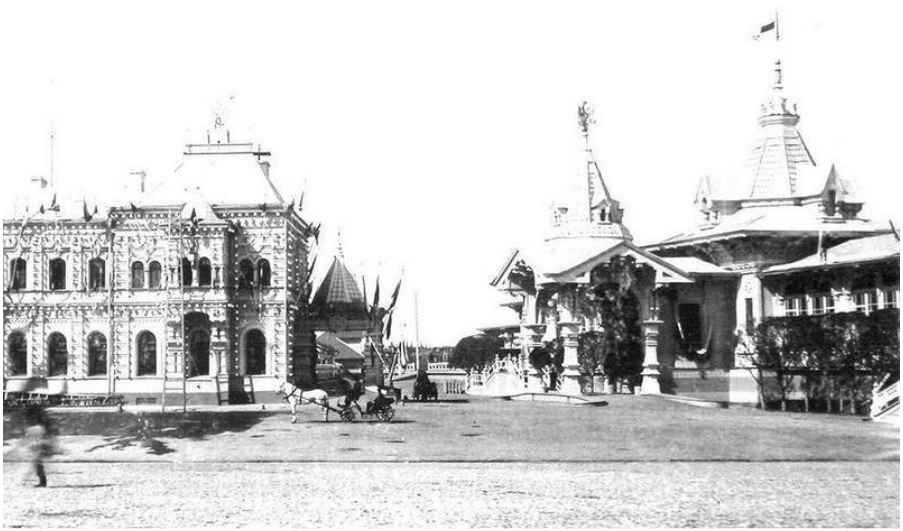
Он родился (как принято считать официально) 19 февраля 1862 года в Вильно в семье русского офицера, дворянина, и польки. Окончил виленскую гимназию. Но, поступая в Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров, отмежевался от родовой связи с бунтующей Польшей, указав местом рождения

Симбирскую губернию и подправив дату своего появления на свет. Вот так и начались несоответствия, которые добавили головной боли исследователям его творчества.

В 1889 году Кекушев переезжает в Москву, где в качестве помощника Семена Семеновича Эйбушитца – австрийца, принявшего русское подданство и ставшего известным московским архитектором, – принимает участие в постройке доходного дома и бань наследниц Хлудова и Охотного ряда. Дела у молодого амбициозного архитектора пошли, надо думать, неплохо, потому что уже на следующий год он открывает собственную архитектурную фирму.

Вначале Кекушев зарекомендовал себя как талантливый дизайнер, создавая детали интерьеров, разрабатывая элементы внутреннего декора из дерева и металла для фабричного производства. Блестящий эрудит, знаток мирового искусства, отличный рисовальщик, Лев Николаевич был мастером историко-архитектурных стилизаций. Поэтому так близок ему оказался модерн, смело смешивающий художественные формы, родившийся из осмеянной эстетами эклектики и превратившийся в новый стиль, подаривший миру короткий, но блистательный период расцвета в архитектуре, живописи, музыке, поэзии…

В 1893 году Кекушев проектирует и строит в Москве первое здание в стиле модерн – доходный дом в Варсонофьевском переулке (далее в хронологическом порядке будет рассказано подробнее об этом, как и о некоторых работах Мастера).



Императорский павильон (*справа*)

Вскоре общественное мнение вознесло его имя на гребень успеха, потому что уже весной 1896 года в связи с предстоящей коронацией Николая II именно Льву Николаевичу, тогда участковому архитектору Московской городской управы, было поручено срочно построить Императорский павильон на Брестском вокзале для встречи царской семьи.

Чем можно удивить царскую чету и их многочисленную свиту, людей, привыкших к холодной роскоши Северной столицы и всегда снисходительно относившихся к «патриархальной Москве»? И Кекушев дерзко решает показать ее новым ракурсом, совместив нарядную старину с европейским изыском, который уже проторил дорогу к сердцам богатых москвичей.

В начале мая 1896 года в правой части вокзала вырос нарядный расписной деревянный терем.

Императорский павильон понравился всем, потому как еще долго служил для торжественных встреч знатных особ. Разобрали его лишь в 1908 году во время строительства современного вокзального здания.

Кроме этого Лев Николаевич для праздничных торжеств по случаю коронации императора оформлял Тверскую улицу, Воскресенскую площадь и здание Государственной думы.

После этого Лев Кекушев вообще становится заметной фигурой в московской элите. Он много и плодотворно работает над строительством особняков, доходных домов, перестройкой зданий, дизайном интерьеров, совмещая активную практику с преподавательской деятельностью в Строгановском и Инженерном училищах, Московском инженерном училище путей сообщения.

В своем творчестве Лев Николаевич использовал близкий ему по романтическому духу франко-бельгийский модерн. Его профессиональным почерком стали тщательная проработка и изысканность интерьеров, составляющих с архитектурой здания единое целое.

Кекушев дерзко – и, я бы сказала, с неким вызовом – решает «подписывать» свои дома-произведения. А что – художники ведь это делают? Да только видят их картины единицы. А тут – нате вам, смотрите, удивляйтесь, восхищайтесь, негодуйте! – львы! В виде статуй, барельефов – своеобразная визитная карточка. Теперь-то вы не забудете, ни с кем не спутаете, кто построил эту красоту! «Лев» – Лев Кекушев!

Сам он говорил так: «Во-первых, это все-таки своего рода царь всех животных. Во-вторых, он являет собой символ грозного стража. А в-третьих, должен ведь я как-то помечать свою

очередную работу. Вот и ставлю завуалированную подпись: *Лев*».

Лев Николаевич словно смеялся над теми, кто сразу каталогизировал его творчество, навесил ярлыки, ожидая модерна и только модерна в чистом виде. А он взял да и построил для купца 1-й гильдии Митрофана Семеновича Грачева великолепный дворец в Ховрине, совершенно не похожий на то, что делал раньше, и на то, что будет строить в будущем, подкинув новую пищу для разговоров и пересудов.

И вообще, Кекушеву явно нравилось эпатировать почтеннейшую публику. Надо сказать, публику эту, в том числе и заказчиков-толстосумов, архитектор скоро «воспитал» и «построил», и каждое его новое творение вызывало все больше восторгов и безусловного принятия. Самые богатые люди выстраивались в очередь, чтобы заказать Льву Николаевичу особняк, перестройку дома или обновление интерьеров.

Кекушев был прекрасным рисовальщиком, и его проекты, выполненные в красках, напоминали изящные картины. Поэтому неудивительно, что чаще всего в конкурсах побеждал он.

Помимо таланта архитектора Кекушев обладал и деловой хваткой: сколотил значительное состояние и стал строить собственные доходные дома в Хамовниках, в Олсуфьевском переулке, купленный у баронессы Надежды Филаретовны фон Мекк и перестроенный, особняк на Гоголевском бульваре, № 21, а также дома на Остоженке № 19 и 21, которые Мастер записал на имя супруги Анны Ивановны и которые так и вошли в историю московского модерна, как особняки Кекушевой.

Теперь самое время рассказать об этой Анне Ивановне (Ионовне) и о семье архитектора. Правда, сведения эти чрезвычайно скупы.

По свидетельству признанного авторитета в области московского модерна доктора искусствоведения Марии Владимировны Нащокиной, написавшей несколько монографий и интересную статью «Жизнь и судьба архитектора Льва Кекушева», Мастер женился 20 апреля 1897 года на уроженке Полтавщины – «дочери отставного штабс-капитана Анне Ионовне Болотовой, очаровательной русоволосой девятнадцатилетней девушке с пухлыми щечками… Венчание состоялось в церкви Святых Великомучеников Космы и Дамиана в Шубине, расположенной рядом с домом генерал-губернатора Москвы на Тверской площади».

Тридцатипятилетний жених был богат и известен, невеста была моложе его на 15 лет. Была ли это взаимная любовь? Хочется верить, что так! Со стороны зодчего – несомненно! Трогательное свидетельство тому – посвященное невесте

безыскусное стихотворение собственного сочинения, сохранившееся в архиве семьи:

Если друг я Тебе,
Расскажу все вполне
Откровенно.
Лишь в глаза Ты взглянешь,
То сейчас же поймешь
Несомненно,
Что улыбка и взгляд
Беспрестанно твердят
Про то чувство —
А назвать не хочу,
Ведь в конце закричу
Громогласно!
Если будет ответ
На сердечный привет,
Вот прекрасно!
Все святое отдать
И своею назвать,
Дорогою.
Ведь в блаженстве тогда
Будем жить до конца
Со женою.
Вот и песне конец,
Как пойдем под венец
С молодою.

29 февраля 1898 года у супругов родился первенец, сын Николай. Судьба его отразила героическую и драматическую эпоху развития нашей страны.

В своей книге воспоминаний «Звериада» он написал об отце всего несколько скупых строк. В том числе и такие слова: «Отец, вышедший из военной семьи, ненавидел царскую муштру и воспитывал меня в ненависти ко всему военному». К сожалению, это не спасло юношу от судьбы: когда родители разошлись, мать, не считаясь с желанием сына, отдала его «на казенный кошт» – сначала в реальное училище, а в 1914 году – в 1-й московский кадетский корпус. А вот в 1915 году Николай каким-то необъяснимым случаем оказывается в Одессе, где два года проучился в Сергиевском артиллерийском училище.

В 1917 году девятнадцатилетний Николай добровольцем ушел на фронт, где воевал в составе 60-й артиллерийской бригады. А в декабре – ну, понятное дело, волнения на фронте –

он демобилизуется. Революцию он принял с восторженным энтузиазмом и романтическими иллюзиями. С сентября 1918 года он – командир части в Красной армии, в мае 1921-го – демобилизован.

Увидев изнутри ужасы братоубийственной войны, Николай обратил глаза к небу – отнюдь не к Богу! – и «заболел» им навсегда. Сначала пошел учиться в Электротехнический институт, а затем на курсы бортмехаников. Служил летчиком на Среднеазиатских авиалиниях. В 1924 году награжден орденом Красного Знамени за боевые действия в Средней Азии. В 1930 году перешел на работу в полярную авиацию. 27 марта 1931 года был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Усть-Ухтинский лагерь, где работал… на рытье траншей. Но в декабре 1931 года – судьба, можно сказать, над ним смилостивилась – Николай был освобожден из лагеря. Работал бортмехаником в полярной авиации в Главсевморпути. Был бортмехаником экипажа П.Г. Головина, который 5 мая 1937 года первым в истории освоения Арктики пролетел над Северным полюсом в ходе подготовки к высадке полярной экспедиции Ивана Папанина. В том же году за участие в экспедиции на Северный полюс был награжден орденом Ленина, а в 1938 году ему было присвоено звание почетного полярника. Во время финской войны Николай Кекушев сопровождал суда в Белом море. В годы Великой Отечественной войны он совершил 59 вылетов на невооруженном Ли-2 в осажденный Ленинград, вывозя блокадников на Большую землю, служил в ВВС Северного флота. С 1943 года служил инженером отряда по борьбе с подводными лодками в авиации дальнего действия, с 1944-го – инженером авиагруппы особого назначения, с 1945-го – инженером на заводе в Германии по ремонту и перегонке трофейных самолетов. В 1948 году участвовал во второй экспедиции на Северный полюс.

Но его, как и сотни тысяч героев, не обошла сталинская репрессивная машина: в августе 1948 года Николай Кекушев был арестован и заключен в Лефортовскую тюрьму. Приговорен к десяти годам ИТЛ и отправлен в лагерь в Джезказгане, где работал грузчиком и землекопом, потом на обогатительной фабрике. В 1955 году был освобожден из ссылки и вернулся в Москву. После реабилитации работал в авиации. В 1960 году – сказались годы голода, холода и непосильной работы в ГУЛАГе – обострились приобретенные в лагере болезни и Николай Кекушев вышел на пенсию.

Так что с сыном Николаем все более-менее ясно. А вот с другими детьми – туман… То есть опять вопросы без ответов.

В 1900 году у Кекушевых родилась дочь Татьяна. А через год – Екатерина.

Семья Кекушева

Наверное, семья была вполне благополучной, если ее глава решил, что пора позаботиться о фамильном гнезде. И в 1903 году Лев Кекушев с семейством наконец переехал в собственный дом. Не всякий даже вполне состоявшийся архитектор мог позволить себе построить собственный особняк. Кекушев смог. И не где-нибудь, а в самом центре Москвы, на ее «Золотой миле» – Остоженке.

Участок под застройку был невелик, да и не ровный. Но Лев Николаевич сумел «вписать» в небольшое пространство нарядный особняк, напоминающий волшебный замок из детских снов. Может, таким представлял себе маленький Левушка, слушая сказки, дворец Спящей красавицы или Принца, куда Золушка приехала на бал. Еще во время строительства этого замка поглазеть на него съезжалось пол-Москвы.

И вот особняк на Остоженке, № 21, представлявший собой, как бы сейчас сказали, эксклюзивное жилье, – просторный, великолепно меблированный по его собственным чертежам, с

участком и службами сразу стал одним из самых заметных и красивых зданий в Москве начала 1900-х годов. Это роскошное семейное гнездо говорило о взлете профессиональной карьеры Кекушева и достигнутом финансовом благополучии.

Особняк этот, как и построенный рядом под номером 19 доходный дом, Лев Николаевич записал на имя супруги: они вошли в историю как «дома Кекушевой».

Это говорит о том, что первые годы семейной жизни Кекушевы были однозначно счастливы. Лев Николаевич был, видимо, любящим семьянином. Сохранились, правда, единичные фотографии, запечатлевшие его с женой и детьми не только на новой собственной даче в Серебряном Бору, но и рядом с его авторскими новостройками – вероятно, архитектор показывал их молодой супруге. Но вот ни дневниковых записей, ни воспоминаний очевидцев, рассказывающих о личной жизни архитектора, нет. Увы! И что характерно: прочитав большое количество записок его современников, статей исследователей его творчества, я не нашла ни одного человека, который назвал бы его другом. Как-то даже странно: весь на виду, десятки самых именитых заказчиков и ни одного друга?!

А вот упоминания о сложном характере Мастера встречаются не раз.

Как бы то ни было, но в этом роскошном особняке, задуманном как родовое гнездо, семья Кекушевых прожила совсем недолго: сказочной идиллии в этом фантастическом замке в самом сердце Москвы, которым восхищались, которому завидовали, не получилось… Лев Николаевич был сложной натурой, погруженной в себя. Анна Ионовна – дамой властной. Характеры искрили от столкновений.

Вот тут самое время поговорить еще об одной загадке, связанной с именем великого архитектора.

В Интернете часто встречается история о том, что старшая дочь Кекушева Мария не выдержала постоянных скандалов и сбежала из дома родителей. И против их воли вышла замуж за представителя известной купеческой фамилии Сергея Топленинова. Их деревянный дом в Мансуровском переулке, № 9 считается прототипом домика Мастера в булгаковском романе.

Вот что пишет Борис Мягков в книге «Булгаков на Патриарших»: «Оказывается, у одного из прототипов Мастера – Сергея Топленинова – была «своя Маргарита» с не менее романтической историей, связанной с «готическим особняком». Звали ее Мария Кекушева, дочь известного архитектора Льва Кекушева, чей двухэтажный дом-особняк до сих пор красуется совсем близко от «дома Мастера» (как и в романе!) – на

Остоженке, 21. Вначале их отношения складывались трудно: ее домашние были против этой связи, и прибежищем влюбленных было скромное топлениновское жилье. Мария убежала из своего благополучного «готического» особняка в подвал к Сергею. Прошло несколько лет, ситуация изменилась, они поженились, и Сергей Топленинов перебрался к своей возлюбленной в особняк, где жил до самой смерти…»

Внимание, вопрос: откуда взялась дочь Мария, если у Льва Николаевича было всего две дочери – Татьяна и Екатерина, материальные свидетельства существования которых имеются? Возможно, Мария Кекушева была сестрой архитектора? Ведь его дочери от Анны Ионовны были в то время подростками и ни о каких любовных приключениях еще не помышляли.

Словом, еще один вопрос без ответа. Да и не мог Топленинов жить в особняке на Остоженке, № 21 «до самой смерти», потому как вскоре этот сказочный замок семье архитектора уже не принадлежал…

Известно точно, что период семейного и финансового благополучия у Льва Кекушева продлился недолго. В 1906 году он оставляет семью и переезжает на съемную квартиру. Затем следует развод. Почему? Встречаются туманные предположения, что он «подружился с зеленым змием», как и такие, что виной всему – увлечение жены другим мужчиной, которое он простить не смог…

Два особняка после развода остались в собственности Анны Ионовны. Но вот бизнес-леди из нее не вышло: через несколько лет «замок» на Остоженке был ею продан. Вскоре за ним последовал и доходный дом № 19.

Аркадий Федорович Крашенинников – заслуженный историк архитектуры, много лет проработавший в Музее архитектуры имени Щусева, рассказывал, что, лишившись домов, мадам Кекушева писала в разные инстанции письма с просьбой о финансовой помощи. На ее слезные мольбы откликались не очень, так что сына – невзирая на его ненависть «к муштре» – она отдала на «казенный кошт» в кадетский корпус. А сама даже была вынуждена работать массажисткой (?!) – о как!

Тут встает еще один резонный вопрос: «Где деньги, Зин?» Сказочный особняк, на который засматривалась вся Москва, и большой доходный дом рядом должны были стоить немалых денег. Почему же семья востребованного архитектора оказалась без средств к существованию?

Нет ответа…

Ну а что же сам Лев Николаевич?

Он еще создаст несколько шедевров. Но после 1910 года

интерес к так любимому им модерну практически иссякнет, что, вероятно, и вызовет у Мастера творческий кризис. Не исключено, что он усугубился отдельными неудачами…

А после 1912 года судьба Мастера обрела вообще загадочный и, можно сказать, трагический оттенок. Нащокина пишет, что «складывается впечатление, что он перестал принимать какие-либо заказы, лишь время от времени, помещая в журналах фотографии своих старых работ. Его последние, известные нам проекты датированы 1912 годом. Если бы Кекушев тогда умер, невозможно представить, чтобы информация об этом миновала прессу, хотя бы московскую, ведь речь шла о судьбе не рядового мастера, а одного из самых блестящих архитекторов Москвы начала XX века».

Она считает, что, скорее всего, Льва Кекушева настигла психическая болезнь.

Аркадий Федорович Крашенинников разыскал упоминание о Кекушеве в справочнике «Вся Москва» за 1912 год, что свидетельствует о том, что тогда архитектор был жив и даже менял места жительства. А вот в справочниках более поздних его фамилия не встречается.

А.Ф. Крашенинников: «Его дочь Екатерина жила в Скатертном переулке, д. 10, кв. 7 и многие годы работала в Институте архитектуры. Но до самой ее смерти никто не знал, что она – дочь того самого, великого и загадочного Льва Николаевича Кекушева».

В автобиографии, написанной в 1935 году, Екатерина указала, что ее отец, архитектор, построивший около шестидесяти зданий, был помещен в психиатрическую клинику, где умер в 1917-м в возрасте пятидесяти пяти лет.

А вот в уже упомянутой «Звериаде» Николай Кекушев вскользь говорит, что в момент зачисления в кадетский корпус – а это произошло в 1914 году – «его (отца. – *Авт.*) уже не было в живых».

Вот и поди разберись!

М.В. Нащокина: «Смерть выдающегося архитектора остается тайной – неизвестны ни год смерти, ни место погребения».

По имеющимся сведениям, Лев Николаевич умер от психического заболевания в полной нищете. В той самой Преображенской больнице[1], которую сам же и построил.

Почему в нищете и забвении?

Доходный дом в Варсонофьевском переулке, № 6 (1890–1893)

А.Ф. Крашенинников, исходя из оценочной стоимости построенных Кекушевым зданий, пришел к выводу, что тот заработал никак не меньше миллиона. Куда делись его деньги? Прокутить, проиграть бы он их не смог: газеты тут же разнесли бы эту весть и нам бы ее сохранили.

Так что опять вопросы без ответов.

Лев Николаевич Кекушев как был, так и остался одной из самых выдающихся – и, несомненно, самой загадочной – фигур

русского модерна.

Он построил в Москве несколько десятков прекрасных зданий. Расскажем о некоторых.

Этот пятиэтажный дом принято считать первой по времени московской постройкой в стиле модерн и полностью самостоятельной работой Кекушева.

Свое название Варсонофьевский переулок получил от расположенного в нем монастыря, основанного матерью митрополита Филиппа Колычева Варсонофией – в миру Варварой. Рядом с монастырем было кладбище для неизвестных путников, бездомных, убогих и погибших насильственной смертью. Быть погребенным здесь считалось большим позором, поэтому в Смутное время Лжедмитрий I приказал захоронить здесь тела Бориса Годунова и его семьи. Впоследствии они были перезахоронены в Троице-Сергиевой лавре.

В 1764 году Варсонофьевский монастырь был упразднен, монастырский Вознесенский собор стал обычной приходской церковью Вознесения. В конце XIX века переулок был застроен доходными домами, многие из которых сохранились до нашего времени. А в 1931 году церковь Вознесения была снесена.

Участок земли, на котором впоследствии был построен дом № 6, был частью большого владения, которое принадлежало сперва купцам Плетневым, потом почетным гражданам столицы Губкиным, у которых его перекупил князь Валериан Оболенский-Нелединский-Мелецкий. Часть источников упорно считают, что это был князь Гагарин, даже объект называют «Доходный дом Гагарина».

Я люблю историческую точность, но здесь, право, главное, что построен дом был Львом Кекушевым, и мы до сих пор можем любоваться приемами, ставшими его отличительными знаками, которые впоследствии автор довел до совершенства.

Кстати, именно в этот респектабельный переулок И. Ильф и Е. Петров поселили Эллочку-людоедку, героиню «Двенадцати стульев»: «Два стула увезла на извозчике, как сказал другой юный следопыт, «шикарная чмара». Мальчишка, как видно, большими способностями не отличался. Переулок, в который привезли стулья, – Варсонофьевский, – он знал, помнил даже, что номер квартиры семнадцатый, но номер дома никак не мог вспомнить».

Одним из первых известных жильцов этого дома стал композитор Александр Скрябин, поселившийся здесь в 1898 году, через год после того, как написал знаменитую Вторую сонату и Концерт для фортепьяно с оркестром.

Александр Николаевич Скрябин (1871–1915) – выдающийся

русский композитор и пианист. Его поиск новых выразительных музыкальных средств вылился в новаторство – гармоническое слияние звука, цвета и света и создание цветомузыки. Я – да не обрушится на мою голову возмущение музыковедов! – назвала бы его творчество модерном в музыке.

Биографию Александра Николаевича – музыканта с мировым именем – подробно пересказывать не буду, остановлюсь лишь на нескольких моментах его личной жизни. Музыкой он «заболел» с детства и в пять лет уже прекрасно играл на рояле, сочинял свои произведения. Но отец посчитал, что более уместным для сына будет продолжение семейной карьеры военного. Скрябину пришлось окончить 2-й московский кадетский корпус, но затем он показал твердый характер и полностью посвятил себя музыке. Его судьба, кстати, яркий пример того, что в выборе профессии (при наличии таланта, естественно) надо слушать себя.

Александр Николаевич Скрябин

По окончании Московской консерватории Скрябин вначале был концертирующим пианистом, но в 1894 году «переиграл» правую руку и в течение некоторого времени не мог выступать. Благодаря этому неприятному и болезненному событию в его жизни мир обязан появлению Скрябина-композитора.

В этот дом Скрябин въехал с молодой женой, пианисткой Верой Ивановной Исакович, также выпускницей Московской консерватории. У них родились четверо детей (первая дочь Римма умерла в семь лет). Дочь Елена впоследствии станет супругой выдающегося советского пианиста В.В. Софроницкого. Позже появятся на свет дочь Мария и сын Лев.

Семь лет продлится этот брак, в котором, по свидетельству современников, композитор не был счастлив, и закончится в 1902 году, когда Александр Николаевич познакомился с Татьяной Федоровной Шлецер, племянницей профессора Московской консерватории. Это была настоящая любовь, та, что на всю жизнь. От этого брака родятся трое детей: Ариадна, Юлиан и Мария. Кстати, Ариадна впоследствии выйдет замуж за поэта Давида Кнута, примет иудаизм, а во время оккупации Франции нацистами станет героиней Сопротивления, чью жизнь и смерть от немецкой пули французы помнят по сей день.

Несмотря даже на появление в новой семье детей, официальная супруга так и не даст Скрябину развода, и ему придется жить с любимой женщиной в гражданском браке, на что современное общество смотрело весьма неодобрительно.

В 1902 году Скрябин съедет из дома в Варсонофьевском, много будет выступать за границей как пианист и дирижер. Последние его годы пройдут в доме по адресу Большой Николопесковский переулок, № 11, где он жил со своей гражданской семьей. Там его и постигнет скорая и нелепая смерть: он выдавил фурункул в носогубном треугольнике, в результате чего возник сепсис, от которого великий композитор и скончался. Похоронен он на Новодевичьем кладбище. А в доме в Большом Николопесковском с 1922 года по сей день действует Государственный мемориальный музей А.Н. Скрябина.

В начале 1900-х годов в доме, построенном Кекушевым, поселился **Иван Владиславович Жолтовский** (1867–1959).

Родился будущий известный российский и советский зодчий, академик архитектуры, заслуженный деятель науки и искусства РСФСР и БССР, лауреат Сталинской премии, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени 16 (28) ноября 1867 года в Пинске (ныне Брестская область, Белоруссия) в католической семье.

Еще во время учебы в Высшем художественном училище при Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге он работал помощником у разных питерских архитекторов, а по окончании училища переехал в Москву.

Иван Владиславович Жолтовский

Вначале он собирался уехать на работу в Иркутск, но получил приглашение преподавать в Строгановском училище и остался в Москве. Именно в этом кекушевском доме с эркерами рождался его проект гостиницы «Метрополь», который он представил на конкурс. Но в конкурсе победил проект Кекушева и Шевякова, а вот строить гостиницу стали по проекту Валькота – такой вот странный узел, в который судьба связала жизни нескольких архитекторов.

Жолтовский построил в Москве несколько замечательных зданий, среди них: Дом скакового общества на Скаковой аллее, № 7, особняк Г.А. Тарасова на Спиридоновке, знаменитый дом-дворец на Моховой и др. До революции его заслуги в области архитектуры были бесспорными, новой властью он тоже был обласкан.

Иван Владиславович прожил долгую жизнь. Умер 16 июля 1959 года в возрасте 91 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

В советские годы шикарные квартиры этого дома разделили на коммуналки, часть лепнины и изразцов отбили, где-то двери заложили, где-то пробили новые и в комнаты поселили трудящихся. Хотя, как ходят упорные слухи, трудящимися их можно было назвать с большой натяжкой: часть жильцов были штатными сотрудниками находящегося неподалеку зловещего Большого дома на Лубянке либо его тайными осведомителями.

В 2000-х годах 110 жильцов (с большими проблемами для последних) расселили, и дом полностью перестроили, разместив в нем 27 элитных квартир. От памятника архитектуры лишь частично сохранились фасады, а кекушевские интерьеры были безвозвратно утрачены. Правда, на цены на эту недвижимость это никак не повлияло: в 2003 году пятикомнатная квартира площадью 217 квадратных метров стоила 401 450 долларов, а сейчас одна из квартир в этом доме выставлена на продажу за 3 миллиона долларов… О как!

Постройки Льва Кекушева в Москве

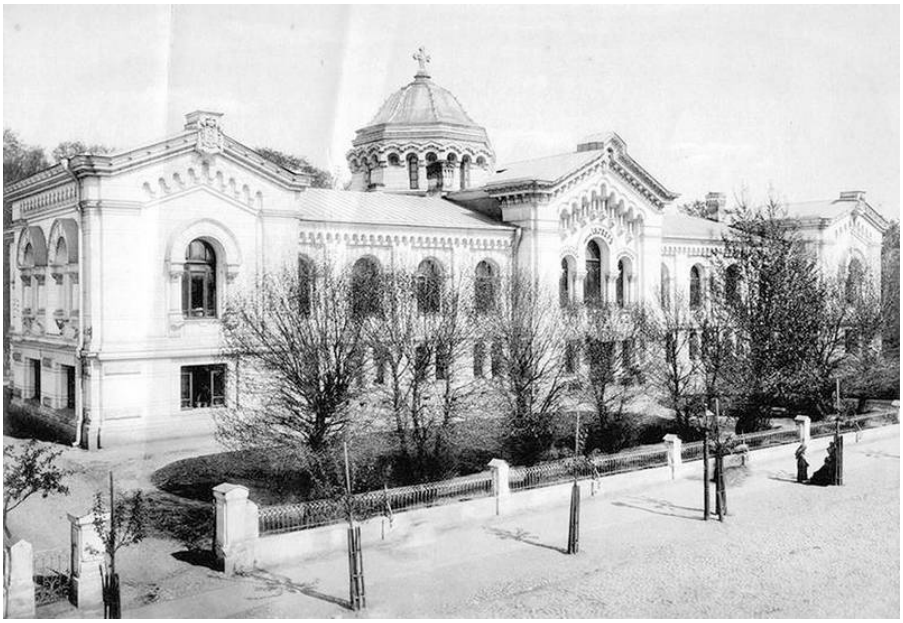
Лев Кекушев проектировал и строил не только роскошные особняки, доходные дома для состоятельных жильцов, но и объекты различного назначения. И все они были оригинальными, так сказать, штучными изделиями.

Богадельня имени Геера на Верхней Красносельской улице, № 15 (1894–1899)

Иосиф Николаевич Геер, швейцарец по происхождению, принял российское гражданство, в 1835 году вступил в Московскую 1-ю купеческую гильдию и женился на русской. Так что он сам, да и все вокруг, несмотря на иностранную фамилию, считали его русским. Дела у него шли отлично, но срок земной жизни истек в 1894 году. И безутешная вдова Наталья Петровна обратилась к городскому голове К.В. Рукавишникову с предложением: она передает в собственность города большой участок земли возле Ново-Алексеевского монастыря стоимостью 250 тысяч рублей при условии, что на ней будет построена богадельня. Решение на присвоение имени новому заведению принималось на самом верху, и в апреле 1895 года последовало высочайшее соизволение на присвоение убежищу, учреждаемому городской управой «на жертвуемой г-жою Геер в собственность г. Москве земле, наименования по имени мужа жертвовательницы Иосифа Николаевича Геера».

1 января 1899 года богадельня с домовой церковью в честь святого покровителя мужа праведного Иосифа Обручника – как пишут в справочниках, «небольшое по размерам, но монументальное по формам двухэтажное здание в неовизантийских формах», – построенная Кекушевым при участии архитектора И.А. Иванова-Шица, была открыта. Она предназначалась для престарелых жителей Москвы обоего пола числом до 100 человек. Принимали в нее по распоряжению городской управы. В богадельне были хорошие условия для проживания, лазарет, в котором постоянно дежурил фельдшер.

Наталья Петровна не только подарила участок, но и на свои средства приобрела всю церковную утварь, купила иконы с дорогими окладами, необходимую церковную мебель, все облачение для священнослужителей и заказала иконостас.



Богадельня имени Геера на Верхней Красносельской улице, № 15 (1894–1899)

«Не забудем, что при богадельне имелся хороший парк, где призреваемые проводили немало времени.

Открытие богадельни состоялось в январе 1899 года в присутствии многочисленных почетных гостей и высокого духовенства. Здание же отнюдь не выглядело приютом, а размахом и великолепием походило на великокняжеский дворец. В Москве много говорили и писали о новом богоугодном заведении, ставили его в пример…» (историк-архивист Юлиан Толстов).

Кстати, тремя годами ранее Наталья Петровна построила неподалеку отсюда, на своей же земле городское убежище для сирот.

Чем был знаменит при жизни Иосиф Николаевич Геер, история умалчивает. Но супруга увековечила его имя в веках.

Вывод: добрые дела сохранят ваше имя для потомков!

С 1968 года до начала 1990-х в историческом здании бывшей богадельни имени И.Н. Геера располагался Разноэкспорт системы Минвнешторга. Что сейчас в этом «охраняемом объекте культурного наследия регионального значения», не знаю.

Дом наследниц Хлудовых в Театральном проезде, № 3

(1894–1896)

Это роскошное здание Кекушева с трехгранным эркером на углу Театрального проезда и улицы Рождественка вошло в историю под названием «Доходный дом наследниц Хлудовых».

Вероятно, дом нравился не только заказчицам и москвичам, но и самому Мастеру, потому что он квартировал в нем несколько лет. Это здание в самом центре Первопрестольной облюбовали весьма именитые жильцы. Известная актриса Мария Андреева[2] выбрала его еще и потому, что до МХТ, в котором она служила, было рукой подать.

На нижнем этаже были расположены магазины и конторы.

«До революции в доме кроме квартир помещалось правление Русского технического общества и его Музей содействия труду. Содействовал он не только труду, в нем в дни революции 1905 года проходили заседания Московского Совета и его исполкома, начавшего кровавое восстание, подавленное огнем пушек. В марте 1906 года здесь было назначено собрание актива большевиков. На него должен был прийти находившийся в городе нелегально Владимир Ульянов-Ленин. Но раньше его наведался в музей околоточный надзиратель. На подходе к дому вождя предупредили о грозящей опасности, и он, не искушая судьбу, срочно уехал в Питер, вернувшись в Москву в марте 1918 года в должности председателя Совнаркома, то есть правительства» (*Колодный Л.* Москва в улицах и лицах).

Дом наследниц Хлудовых в Театральном проезде, № 3 (1894–1896)

В 1934 году здание было капитально перестроено по проекту С.Е. Чернышева. А перестройка всегда означает, что от первоначального вида мало что остается. Кроме того – вот уж повезло, так повезло! – была еще одна перестройка по проекту М.М. Посохина в 2001 году. Так что нам остается ностальгический вздох, глядя на старые фотографии и сравнивая их с тем, что стало с домом сегодня.

Но сейчас самое время рассказать о Хлудовых, которым это здание принадлежало.

Хлудовы – один из богатейших купеческих кланов Москвы.

Об этой семье можно написать увесистую книгу, где, как в авантюрном романе, переплетались бы судьбы десятков людей: с их странными смертями, безбашенным лихачеством, безусловным практическим умом и удачливостью в делах, скопидомством и неслыханной щедростью, европейской образованностью и мужицкими замашками…

Хлудовы были родом с Рязанщины и объявились в Первопрестольной после войны с Наполеоном. Иван Иванович Хлудов поначалу ютился с семьей в хижине на берегу Яузы. Район назывался Швивая Горка. Он был ткачом и великим тружеником. Начинал с изготовления и продажи кушаков. Вскоре нанял нескольких работников и обзавелся собственным делом. В 1834 году у него уже было две лавки, а в следующем – новый собственный дом, затем он «приписался» в 1-ю купеческую гильдию. Сыновьям Савелию, Алексею, Назару, Герасиму и Давыду отец оставил собственное дело и около 200 тысяч рублей капитала. Наследники оказались, как говорится, рукастые да головастые, не посрамили отца: в 1842 году учредили торговый дом полного товарищества под фирмой «А., Н., Г. и Д. Ивана Хлудова сыновья». Они построили в Егорьевске ткацкую фабрику, оснастили ее машинами из Англии, занимались торговлей хлопком и создали «Паевое товарищество Егорьевской мануфактуры».

Разные слухи ходили по Москве об этих «миллионщиках».

«О семье Хлудовых расскажу по возможности все, что мне пришлось слышать от их родственников и от лиц, близко знавших их.

Хлудовы в Москве пользовались популярностью, но нельзя сказать, чтобы солидное, почтенное купечество относилось к ним хорошо из-за их поведения и образа жизни. Слухи о безумных

кутежах и других противоморальных поступках разносились по Москве и на стариков купцов наводили ужас. Мне известно, как один из почтенных старых купцов говорил своей вдовой невестке: «У тебя много дочерей, смотри, если будет сватать какой-нибудь Хлудов, упаси Бог выдать за него дочь замуж, горя не оберешься!» (*Варенцов НА.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое).

О, и почитайте у Владимира Гиляровского в книге «Москва и москвичи» рассказ о Михаиле Хлудове – кутиле, удалом храбреце, который и на войне побывал, и эпатировал обывателей прогулками по городу с ручной тигрицей Сонькой, которую к тому же частенько укладывал в супружескую постель между собой и женой! Тот еще образ!

Но все ли в этом «правда, правда, и ничего кроме правды»? Ведь любое высказывание современников, любое воспоминание субъективно.

Вот Михаил Вострышев в книге «Московские обыватели» пишет о них иначе: «Фамилия текстильных фабрикантов Хлудовых гремела по Москве во второй половине XIX века. Конечно, в этом большую роль играло их многомиллионное состояние – одно из самых значительных в Первопрестольной. Но слава знаменитой купеческой династии создавалась не только деньгами…»

Но людская молва завистлива. Люди больше обращали внимание не на достоинства, а на пороки богатых негоциантов. «Хлудовы были известны в Москве, – вспоминает М.К. Морозова, – как очень одаренные, умные, но экстравагантные люди. Их можно было всегда опасаться, как людей, которые не владели своими страстями».

Действительно, Хлудовы были одними из самых щедрых благотворителей и подарили Москве (а сколько адресов их дарений было в Егорьевске и других городах!):

богадельню имени Герасима Ивановича Хлудова;

палаты для неизлечимо больных женщин;

бесплатные квартиры имени П.Д. Хлудовой;

бесплатные квартиры имени Г.И. Хлудова;

бесплатные квартиры имени Конст. и Ел. Прохоровых (в девичестве Хлудовой);

ремесленную школу;

детскую больницу имени М.А. Хлудова, которая являлась университетской клиникой по детским болезням.

На деньги Г.И. Хлудова были благоустроены Крутицкие казармы.

В связи с этим нас интересует один из самых щедрых

дарителей из Хлудовых – Герасим Иванович.

Герасим Иванович Хлудов (1822–1885)

В статье Д.И. Покровского «Очерки Москвы» в «Историческом

вестнике» за 1893 год есть такое упоминание о Герасиме Хлудове:

«Дом свой Герасим Иванович вел на самую утонченную ногу, да и сам смахивал на англичанина. У него не раз пировали министры финансов и иные тузы финансовой администрации. Сад при его доме, сползавший к самой Яузе, был отделан на образцовый английский манер и заключал в себе не только оранжереи, но и птичий двор, и даже зверинец. Прожил Герасим Иванович более полжизни в этом доме безмятежно и благополучно, приумножая богатство, возвышая свою коммерческую репутацию, и сюда же был привезен бездыханным, от подъезда купеческого клуба, куда шел прямо из страхового общества, с миллионами только что полученной за сгоревшую Яузовскую фабрику премии.

Подобно своему брату Алексею Ивановичу, Герасим Иванович был коллекционером. Он собирал картины, и преимущественно русской школы. Его галерея начала составляться с начала 50-х годов. Он положил ей основание, купив у юноши Перова, только что выступившего со своим могучим талантом, его «Приезд станового на следствие» – в 1851 году и «Первый чин дьячковского сына» – в 1858 году. В течение 60-х годов к ним присоединилось несколько других хороших картин: «Разборчивая невеста» Федотова, «Вирсавия» Брюллова (эскиз), «Вдовушка» Капкова, пейзажи Айвазовского и Боголюбова, «Таверна» и «Рыночек» Риццони. Коллекция эта более не существует: после смерти Г.И. Хлудова она была разделена между его наследниками».

Человеком Герасим Иванович был азартным. Так и хочется добавить – завистливым, но в коммерции это не порок, а мощный стимул прогресса. Имея миллионные обороты с фабрик и торговых предприятий, Хлудову не давал покоя успех актера Силы Сандунова, в бани которого народ валом валил. И Герасим Иванович решает построить бани, которые затмили бы славу Сандуновских. Он приобретает у грузинских царевичей Ираклия и Окропира Георгиевичей большой земельный участок от Неглинного проезда до Рождественской улицы, причем вместе с баснословно дорогой недвижимостью (особняком и домовой церковью Рождества Богородицы).

И архитектор С.С. Эйбушитц при участии Кекушева построил роскошные бани в Китайском проезде, которые стали называть Китайскими, а народ говорил попросту: Хлудовские. По уровню технического оснащения и небывалой роскоши убранства новые бани превзошли все ожидания!

Китайские бани Хлудовых

В 1881 году, еще при жизни Герасима Ивановича Хлудова, был построен первый корпус комплекса для рядовых москвичей, цена входного билета для которых была пять копеек. Позже были построены помещения с русскими, финскими, турецкими залами, отделанные ценными породами дерева и сусальным золотом. В них цена за вход была от полтинника до трех рублей за трехкомнатные апартаменты. Немало московской знати побывало в них, не исключая великих князей, графов, генерал-губернатора, вельмож, приближенных к государю, иностранных дипломатов и просто очень богатых людей и людей известных, как Лев Толстой, Антон Чехов и др.

По сути, Хлудовские бани были первым в стране многофункциональным комплексом, где можно было не только отлично помыться, но и отдохнуть, заказать выпивку и закуску, пообедать, посетить врача, массажиста или костоправа. Именно здесь появилась первая в России механическая прачечная: пока пациент мылся, его одежду стирали, сушили и гладили. А еще там был роскошный банкетный зал, в котором 28 апреля 1893 года семья Хлудовых с многочисленными гостями отмечали окончание строительства собственного особняка по проекту того

же Семена Эйбушитца в содружестве со Львом Кекушевым, что рядом, на углу Неглинной.

Китайские бани приносили владельцам отличный доход.

После кончины Герасима Ивановича его наследницы, четыре дочери (единственный сын Павел умер еще при жизни отца), которые удачно вышли замуж за представителей богатых купеческих фамилий – Прасковья Прохорова, Клавдия Вострякова, Александра Найденова и Любовь Лукутина, – дружно и умело продолжали дело отца. В частности, к баням были пристроены первые в Москве крытые плавательные бассейны.

Дочери выполнили завещание отца в части благотворительности и сами щедро дарили городу бесплатные квартиры, богадельни, медицинские и учебные заведения.

После 1917 года Хлудовы успели эмигрировать во Францию. Но до сих пор ходит в народе то ли правда, то ли легенда о закопанных где-то хлудовских сокровищах.

В советское время Китайские бани стали называться Центральными и работали они вплоть до начала 1990-х годов. В 1924–1925 годах здесь же открылся Московский коммунальный музей – предшественник современного Музея истории Москвы. После закрытия бань в них разместились рестораны.

Особняк Коробковой на Пятницкой улице, № 33 (1894–1899)

Свое название эта улица в Замоскворечье получила от церкви Параскевы Пятницы – святой, почитаемой на Руси. По генплану 1935 года церковь снесли. На ее месте с 1943 года находится вестибюль станции метро «Новокузнецкая». В XIX веке Пятницкая была престижной купеческой улицей с богатыми особняками.

Особняк Коробковой на Пятницкой улице, № 33 (1894–1899)

Один из таких, что и сегодня сразу цепляет взгляд, – голубой особняк под номером 33. У него интересная судьба. В 1866 году его построили для купца Трифона Коробкова. А в 1894 году по заказу его супруги Ольги Коробковой дом перестроил архитектор Лев Кекушев.

Сразу виден узнаваемый прием архитектора – асимметрия: с одной стороны особняка оригинальная башенка, «чем-то напоминающая купеческий сундук с крышкой – чешуйчатым куполом с эффектным скульптурным декором и ажурной кованой решеткой на гребне», а с другой – угловой башенки нет. На наш, дилетантский, взгляд, может, это и говорит о какой-то незаконченности, но, господа, – это модерн и это Кекушев, который смело ломает симметрию и обожает разновеликие окна.

«Немаловажно, что все эти работы были сразу высоко оценены, современники увидели в них черты нового и особую индивидуальную манеру автора. Публикуя фотографии особняка Т.И. Коробкова на Пятницкой улице, журнал «Строитель» утверждал: «Эта работа может считаться одною из лучших среди множества исполненных им [Кекушевым] в Москве построек» (*Нащокина М.* Жизнь и судьба архитектора Льва Кекушева).

На фронтоне эркера симпатичные кариатиды, символическое

назначение которых «поддерживать» коммерческие дела и «равновесие» в доме. Намекает на профессию хозяина расположенный выше жезл Меркурия, которого, как известно, римляне записали в покровителя торговли. Правда, жезл отличается от общепринятого изображения тем, что является факелом. Скорее всего, намек на просвещенного торговца.

Действительно, Трифон Иванович, кроме того, что был крупным предпринимателем, представителем московских финансово-биржевых кругов и владел собственным бумажным производством, был известным собирателем искусства и меценатом. Его красавица жена **Ольга Петровна Коробкова** – к ней и перешел особняк на Пятницкой после смерти мужа – была радушной и хлебосольной хозяйкой. В этом доме бывали художники, поэты, музыканты и писатели, многим из них хозяин оказывал ощутимую материальную поддержку. Сюда писатель Владимир Гиляровский привел студента Московского училища живописи, ваяния и зодчества Александра Герасимова. И Трифон Иванович разглядел в молодом человеке талант и всячески его опекал. Художник часто бывал в этом доме и летом не раз гостил в загородном имении Коробковых, где написал симпатичные работы «Усадьба Коробково» и «Тропинка в лесу».

Искусством интересовались и дети Коробкова. Сын Сергей учился в художественной студии и был членом художественного объединения «Свободное творчество». Дочь Ольга Коробкова-Пайпе увлекалась театром. Впоследствии она поступила в студию Театра Вахтангова и была зачислена в труппу. Брат с сестрой жили в этом особняке после смерти родителей, пока большевики не реквизировали их дом вместе с роскошной обстановкой, а владельцев, по сути, выбросили на улицу.

Досталось им от новой власти по полной. Только вот за что?

«Коробкова Ольга Петровна. Родилась в Москве. Проживала: Москва, Б. Якиманка, 15, кв. И. Арестована 1 октября 1919 г. Приговорена: 20 октября 1919 г., обв.: по политическим мотивам. Приговор: освобождена. Дело прекращено (даты нет). Реабилитирована в мае 2003 г. Прокуратура г. Москвы. Источник: Прокуратура г. Москвы. Коробкова Ольга Трифоновна. Родилась в Москве; конторщица Главснаба. Проживала: Москва, Б. Якиманка, 15, кв. 11. Арестована 1 октября 1919 г. Приговорена: 20 октября 1919 г., обв.: по политическим мотивам. Приговор: освобождена. Дело прекращено (даты нет). Реабилитирована в мае 2003 г. Прокуратура г. Москвы».

Коробковых выселить-то выселили, а особняк же пустовал до 1930-х годов, пока его не передали в распоряжение Академии

наук СССР. И в нем неплохо устроились ее президенты: А.П. Карпинский, затем академик В.Л. Комаров. После Великой Отечественной войны особняк Коробковой занимал Институт истории искусств, возглавляемый И. Грабарем. Позже «дом с куполом» перешел в ведомство Министерства иностранных дел, и до 2013 года в нем располагалось посольство Танзании.

Теперь же особняк собираются отреставрировать и… вновь передать какой-нибудь дипломатической миссии.

Дом Коробковых на Тверском бульваре. 1902 г. *Архитекторы А.У. Зеленко и А.Ф. Мейснер*

Кстати, Коробковым принадлежал и доходный дом на Тверском бульваре, что на этой старой открытке.

Доходный дом Якова Бабушкина на Покровке, № 29 (1897)

Четырехэтажный трехподъездный кирпичный жилой дом. Может, мы бы и не вспомнили его, если б не автор – Лев Кекушев.

Улица названа по церкви Покрова Божьей Матери, или Покрова в Садех (у великокняжеских садов). Упоминание о ней впервые встречается в 1488 году. Церковь снесли в XVIII веке при строительстве усадьбы Разумовских. А улицу вплоть до Покровских Ворот стали называть Маросейкой. Только в XIX веке она опять стала Покровкой, и от Маросейки ее отделил Армянский переулок.

С 1940 по 1992 год она была улицей Чернышевского, затем ей было возвращено историческое название.

Но вернемся к истории дома № 29.

В 1897 году выходец из крестьянской семьи, купец 2-й гильдии **Яков Бабушкин,** сколотивший состояние на столярных работах и построивший мастерскую по производству паркета – очень нужное производство в городе, переживающем в то время настоящий строительный бум, – и живший в собственном доме на Петербургском шоссе, решил вложить деньги в недвижимость. Он купил участок на Покровке, где раньше был большой дровяной склад – да заодно и соседний участок для сыновей А.Я. и Е.Я. Бабушкиных, – и стал присматривать архитектора. Его свели со Львом Кекушевым. Бабушкин «на пальцах» объяснил ему, что хочет такой дом, чтобы на фоне невысоких старинных дворянских особнячков был издали заметен, да такой, что увидел – не забудешь. Когда через некоторое время зодчий показал ему проект четырехэтажного красавца, ударили по рукам.

Новое здание стало украшением «старой» Покровки. Это был не просто дом, а жилой комплекс из нескольких корпусов, соединенных лестницами. Они образовали пять внутренних двориков разных размеров и конфигураций, объединенных между собой семью проездными арками, две из которых выходили на Покровку.

Доходный дом Якова Бабушкина на Покровке, № 29 (1897)

Интересная деталь: на этом доме нет привычного «автографа» Льва Кекушева – ни статуи льва, ни барельефов. Либо архитектор стал их оставлять на более поздних работах, либо они утрачены в дальнейшем.

Уже в 1902 году по каким-то своим причинам Бабушкин продает дом мещанину А.И. Титову. Тот работал в Обществе взаимного от огня страхования и был богатым домовладельцем: владел в Москве десятью домами. Желая повысить доходы от сдачи квартир, Титов в 1909 году выселяет жильцов и затевает перестройку дома по проекту Н.Д. Струкова. Она предусматривала и надстройку дома еще двумя этажами, но, к счастью, этого не произошло, и первоначальный, кекушевский вид дома сохранился. Правда, внутри он был переделан: квартир стало меньше, но их площадь значительно увеличилась. Это были четырех-семикомнатные апартаменты с кухнями, имеющими выход на черный ход, ванными и комнатами для прислуги.

Позволить себе квартиру в этом доме могли лишь хорошо обеспеченные люди: врачи, преподаватели, купцы, юристы.

Окна наиболее богатых квартир выходили на Покровку. В 22-й квартире жил известный в Москве специалист по внутренним и детским болезням Карл Адольфович Бари. Он служил в больнице имени Александра III и ежедневно с часу до трех вел прием у себя дома. Карл Бари умер в 1928 году и был похоронен на Введенском кладбище. Его дочь Нина Бари, математик, профессор МГУ, продолжала жить в квартире отца и после революции.

В 10-й квартире проживал почетный потомственный гражданин Эмиль Миллер, состоявший в правлении товарищества

ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель», имевшей магазины на Арбате, Кузнецком Мосту и в Верхних торговых рядах (современный ГУМ). После революции Миллер остался в своей квартире и устроился работать в хлопчатобумажный трест.

На первом этаже были молочная лавка и мастерская дамских нарядов, а также квартира мещанки Балуевой. До 1917 года в этом доме в разных квартирах жили целых пять зубных врачей (Сара Исакова, Софья Тилес-Исакова, Израиль Хургес, Михаил Яковлев и Иосиф Гранат).

Еще одна жительница, Тамара Сапожникова, преподавала в частной женской гимназии Елизаветы фон Винклер, находившейся на Чистопрудном бульваре.

Ее сестра Валентина, тоже жившая в этом доме, уже после революции работала в Институте народного хозяйства имени Маркса (сейчас Плехановский университет).

С начала века до своего ареста в 1938 году в 30-й квартире жил секретарь и член президиума Московской школы для бедных детей и сирот евангелического исповедания немец Лев Тричлер.

Среди жильцов дома были: портниха Вера Кононова, акушерка Елизавета Ладой, купец Израиль Шапиро и потомственный почетный гражданин Илья Шапиро, купец Моисей Гольдберг, врач Маркус Гольдберг, а также торговец мехами Гирш Ланде, имевший контору и склад в старом Гостином дворе на Ильинке.

После революции часть жильцов отправилась в изгнание, а то и вообще сгинула в неизвестности, а остальных уплотнили, превратив элитные квартиры в коммуналки. Кстати, значительная часть новых жильцов опять-таки имела отношение к Большому дому на Лубянке.

Вот вам и доказательство, почерпнутое на одном из сайтов.

Светлана Мирошниченко (родилась в 1962 году), художник-модельер учебного театра Щукинского училища: «Наша семья живет в этом доме с 1917 года. Мой прадедушка Федот Кузьмич Лукин работал в ЧК. Он приехал с семьей из Питера, и сначала им дали квартиру на Малой Лубянке. Там было очень шумно, и они переехали в отдельную квартиру на Покровке площадью 80 метров. Вместе с ними жила сестра моей прабабушки, которая работала секретарем Дзержинского. Моя мама родилась в 1936 году. Нашу квартиру в то время можно было бы назвать коммуналкой из родственников…»

В наше время жители дома на Покровке, № 29, который является объектом культурного наследия, претерпели много неприятных потрясений. Им пришлось не на жизнь, а на смерть воевать за свой дом, который под предлогом обветшалости

хотели реконструировать. Все мы прекрасно знаем, что это означает: владельцев отдельных квартир с шикарным евроремонтом и тех, у кого несколько коммунальных метров, ожидало насильственное переселение из самого центра Москвы на окраину. От объекта культурного наследия в лучшем случае остались бы стены. Хотя и это не обязательно: каждому известны многочисленные случаи, когда исторические здания безжалостно сносили, а на их месте появлялись элитные новоделы.

В результате обращения в суд, а также вмешательства прессы и общественности дом отстояли, а вот некоторым столичным чиновникам пришлось расстаться со своими креслами.

Сегодня в доме соседствуют еврейский религиозный центр Jewish Campus и Свято-Филаретовский православно-христианский институт, ломбард и студия дизайна, коренные москвичи в нескольких поколениях и так называемые понаехавшие, купившие здесь недвижимость за астрономические суммы или ютящиеся в оставшихся коммуналках. На первом этаже дома расположен один из магазинов сети супермаркетов «Ароматный мир».

Особняк Листа – Кусевицкой в Глазовском переулке, № 8 (1898–1899)

Этот особняк Лев Кекушев строил для себя. Тут уж он дал разгуляться фантазии, но в то же время специалисты видят в нем стилизацию брюссельского отеля «Тассель», построенного Виктором Ортом, основоположником бельгийского ар-нуво.

Особняк стал как бы манифестом кекушевского модерна, и его характерные приемы получили дальнейшее развитие в лучших постройках архитектора: использование в декоре фасада ярких мозаичных панно с многоцветным растительным орнаментом, витые, словно воздушные чугунные решетки, разновеликие окна в оригинальном обрамлении темных рам…

Описание архитектурных приемов, использованных Кекушевым в этом строении, оставляю профессионалам, – они в Сети представлены в изобилии.

Согласитесь, этот особняк с большой открытой лоджией более уместно смотрелся бы на фоне средиземноморского ландшафта, нежели в нашем суровом климате.

Да еще это веселенькое мозаичное панно, что над входной дверью: яркие цветы (напоминающие георгины) в окружении подводных жителей… Не станем додумывать, с какой целью изобразил все это автор, – важно другое: в правом нижнем углу хорошо заметны две буквы WW.

Особняк Листа – Кусевицкой в Глазовском переулке, № 8 (1898–1899)

Считается, что это панно – подарок от другого архитектора, Вильяма Валькота, за то, что Лев Николаевич не затаил на него обиду. А ведь мог! Потому как именно кекушевский проект строительства гостиницы «Метрополь» комиссия признала лучшим, но возглавлявший тогда «Северное домостроительное общество» Савва Мамонтов начинает строить по проекту Валькота. Но об этом позже.

Великолепны были и интерьеры особняка, тщательно, до мельчайших деталей продуманные архитектором, как и выполненная по его эскизам мебель, в том числе встроенные шкафы, составляющие единое целое со стеновыми деревянными панелями. Зодчий предусмотрел спрятанный под панелями сейф в кабинете и большой тайник под полом лоджии.

Мозаичное панно над входной дверью

Еще во время строительства особняка посмотреть на него собирались толпы москвичей. А когда он заблистал окончательной отделкой, то молва признала его самым прекрасным из новых зданий Первопрестольной. Многие состоятельные люди делали архитектору соблазнительные предложения о продаже, – Лев Николаевич отказывал. Но Отто Лист, решивший во что бы то ни стало заполучить уникальное здание, предложил ему такую цену, что архитектор не устоял.

Отто Адольфович Лист – личность настолько интересная, что о нем надо сказать особо. Он был ученым и предпринимателем да к тому же авантюристом по натуре. Вся его жизнь состояла из взлетов и падений. Со своим компаньоном Константином Фарцбергом он занимался разработкой и производством анилиновых красителей. И в ходе опытов случайно открыл сахарин. Компаньоны разругались вдрызг, доказывая свои приоритет на новый продукт, который – они это прекрасно понимали – сулил невероятные барыши. Но затем достигли соглашения: Фарцберг запатентовал сахарин на свое имя, а Лист женился на его дочери, тем самым тоже получив права на сахарин. По воспоминаниям родственников, его супруге

приходилось с ним не сладко (несмотря на сахарин – ха!), и она обреченно шла закладывать свои бриллианты, когда семья вновь оказывалась на мели. Изобретатель «пытался приучить Россию потреблять его сахарин вместо сахара, вложил в затею много денег и в очередной раз разорился. Он сетовал, что не дал взятки кому надо» (*Иванова Е.* Мемуары принцессы-золушки).

После очередного краха особняк Листа был выставлен на продажу. И купила его богатая дама – Наталья Кусевицкая. Она принадлежала к богатой купеческой фамилии Ушковых, у которых в Самарской губернии были обширные имения и предприятия химической промышленности. Ушковы были поклонниками искусств и меценатами. Несмотря на то что Наталья профессионально играла на фортепиано, была талантливым скульптором и неплохой художницей, девушка обладала деловой хваткой и наравне с братьями была компаньоном отца. В частности, ей было выделено чайное дело, пришедшее в семейный бизнес с приданым ее матери, которая была из богатых чаеторговцев Губкиных.

Теперь самое время рассказать о человеке, чью фамилию она носила.

Сергей Александрович Кусевицкий (1874–1951) родился в Вышнем Волочке в семье ремесленника, где все – и родители и четверо детей – играли на музыкальных инструментах и даже выступали семейным ансамблем.

Он был очень талантливым человеком – играл на скрипке, виолончели, фортепиано. В 12 лет сочинял музыку для драматических спектаклей местного театра и дирижировал театральным оркестром.

Словом, вполне заслуженно молодое дарование получило известность в родном городе.

Но в 17 лет Сергей решает, что пора покорять Первопрестольную, и, накопив немного денег, сбегает в Москву.

Сергей Александрович Кусевицкий

Там он приходит к директору Московской консерватории с просьбой о зачислении.

Но прием был уже закончен.

Все же директор не отмахнулся от талантливого паренька и дал ему письмо к ректору музыкально-драматического училища при Московском филармоническом обществе П.А. Шостаковскому. Но и там классы скрипки и фортепиано были укомплектованы. И ректор предложил ему освоить контрабас, куда еще была возможность взять студента на государственный счет. В то время этот музыкальный инструмент не был в почете, считался вспомогательным. Но Сергей Кусевицкий доказал, что талант делает инструмент главным: он стал виртуозным исполнителем, перекладывал многие известные произведения в партии для контрабаса.

В 1894 году Сергей Кусевицкий блестяще окончил училище и был зачислен в оркестр Большого театра. Говорят, ему пришлось принять католичество, потому что путь в Императорский Большой евреям был заказан. Широкую известность контрабасисту Кусевицкому принесли сольные выступления – беспрецедентный случай в мире!

И однажды во время концерта он встретился взглядом с восторженными глазами девушки, сидевшей в третьем ряду. И влюбился без памяти! Он целых два года искал прекрасную незнакомку. И нашел. Ею и оказалась Наталья Ушкова. Кусевицкий развелся с женой – балериной Большого театра Надеждой Галат – и 8 сентября 1905 года женился на Наталье Константиновне. Хотя общество и семья Натальи восприняли этот брак как мезальянс: девушка из богатой купеческой семьи и еврейский парень из глубинки?.. Но в итоге родня приняла музыканта.

Супруга оказалась не только любящей и заботливой женщиной, но всю себя и свое состояние посвятила мужу и его музыкальной карьере. Они прожили вместе 38 счастливых лет.

Именно для семейного гнезда Наталья Константиновна купила особняк у Листа, который в истории русской архитектуры стал называться ее именем. Она не просто обжила роскошное убранство дома, она вдохнула в него жизнь! И в этом доме поселилось счастье.

Вскоре особняк в Глазовском стал одним из культурных центров Москвы. В нем частыми гостями были выдающиеся русские композиторы: С. Рахманинов, С. Прокофьев, Н. Метнер… Подолгу гостил друг хозяина композитор А. Скрябин, творчество которого Кусевицкий всячески пропагандировал. В 1913 году в этом особняке останавливался Клод Дебюсси. Приходили сюда известные музыканты, певцы, бывал молодой поэт Борис Пастернак. Здесь же проходили и собрания основанного Кусевицким Российского музыкального издательства.

Сергей Александрович наконец смог осуществить мечту: ушел из Большого театра, стал заниматься сольными гастролями по Европе и изучать дирижирование. 23 января 1908 года Кусевицкий в качестве дирижера дебютировал с оркестром Берлинской филармонии. В концерте прозвучали произведения Чайковского, Танеева, Глиэра. А в Концерте для фортепиано с оркестром до минор за роялем сидел сам автор – Сергей Рахманинов.

Международный музыкальный мир сразу признал молодого дирижера, отмечая его талант и артистизм.

Октябрьский переворот, как лезвием падающей гильотины, разрубил жизнь России на «до» и «после». «До» для Кусевицких – было годами счастья, занятие любимым делом, дружба с талантливыми людьми. «После» – жизнь в полуподвальной тесной квартирке в доме № 7, что напротив их бывшего особняка, который раньше тоже принадлежал Наталье Константиновне, и муки наблюдать, как из реквизированного «Особняка Кусевицкой» вывозят их богатейшие коллекции живописи и фарфора, растаскивают вещи…

Сергей Александрович очень хотел найти себя в новой России… Он был членом художественного совета при музыкальном отделе Наркомпроса, в 1919 году в холодной и голодной Москве дирижировал в Большом театре «Пиковую даму».

Только расположением наркома просвещения Луначарского (а также большого количества общих друзей в мире искусства) можно объяснить произошедшее чудо: в мае 1920 года Кусевицким разрешили поездку за границу. Они знали, что уезжают навсегда, оставляя в прошлом Дом-Своей-Мечты.

Сначала это был Берлин, потом Париж. Вскоре о дирижере Серже Кусевицком и его оркестре заговорил весь мир. В 1924 году правительство Франции наградило его орденом Почетного легиона, а спустя всего несколько дней на пароходе «Аквитания» чета Кусевицких отплыла в Америку, где Сергей Александрович возглавил Бостонский симфонический оркестр. Это был новый взлет в карьере дирижера.

Но до конца своих дней горячая любовь к родине жила в сердце Сержа Кусевицкого: «Я американский гражданин, но я все еще люблю Россию». И когда немецкие войска вторглись в СССР, он возглавил Массачусетский комитет помощи России, заявив, что «помочь России – это помочь себе, Британии и всей демократии».

В 1942 году скончалась Наталья Константиновна, любимая супруга, верная соратница и муза дирижера. В память о ней муж

основал музыкальное издательство, носящее ее имя, Фонд Кусевицкого, поддерживавший талантливых молодых композиторов, и учредил международную музыкальную премию.

Сергей Александрович несколько раз просил разрешение у советских властей на гастроли в России, но всегда получал отказ: неблагодарная родина, которую он всю жизнь прославлял своим творчеством, стерла его имя из памяти…

Кусевицкий скончался 4 июня 1951 года в Бостоне. Похоронен он рядом с супругой в Тэнглвуде, что в живописных Беркширских горах (штат Массачусетс), где много лет проводился организованный маэстро летний музыкальный фестиваль и была создана им музыкальная академия.

Многие годы в особняке Листа – Кусевицкой было расположено посольство Аргентины, сейчас там находится представительство правительства Калужской области.

Усадьба М.С. Грачева в Ховрине (1898–1900)

Вначале об истории этого красивого места, которое когда-то было Подмосковьем, а теперь оказалось в черте мегаполиса.

Село Ховрино появилось на речке Лихоборке где-то в конце XVI века. Название произошло от имени Стефана Ховры – то есть неопрятный, – крымского грека, потомки которого, братья Ховрины, и основали Ховрино.

Шло время, менялись хозяева усадьбы. У Жемчужниковых в 1859 году ее купил богатый фабрикант Евграф Владимирович Молчанов. Он вдохнул новую жизнь в старое поместье. Не пожалел денег: разбил большой парк, который засадил благородными кедрами, пихтами, лиственницами, соснами и даже экзотическими в этих широтах лиственными деревьями и кустарниками, украсил прекрасными цветниками. По его заказу архитектор Михаил Быковский построил церковь иконы Божией Матери «Знамение».

В это время к Ховрину подошла железная дорога, и его облюбовали дачники. Здесь отдыхал П.И. Чайковский, бывали В.А. Гиляровский и А.Н. Толстой, многие известные художники, артисты, музыканты. Кстати сказать, в Знаменской церкви 28 сентября 1897 года поэт Валерий Брюсов венчался с Иоанной Рунт.

А что же с усадьбой?

В 1879 году вдова Молчанова продает ее купцу С.Е. Панову. Тот сколотил состояние на строительных железнодорожных подрядах. Он привык иметь дело с уголовниками, которых часто использовали на стройках, вместо аргументов пуская в ход

кулаки и палку. Может, из-за необузданного нрава, а может, из-за проблем с психикой Панов стал вести себя с ховринскими крестьянами, как помещик с крепостными. Своим самодурством он довел народ до предела. Жалобы полицейским чинам не давали результата: Дикий Барин, как его прозвали, умел находить с начальством общий язык. Сохранился архивный документ – жалоба самого Панова на священника Иоанна Поморцева, защищавшего местных крестьян и пытавшегося образумить тирана. Каково?

История закончилась тем, что доведенные до отчаяния крестьяне спалили усадьбу Дикого Барина, сам же он чудом остался жив.

В 1895 году после смерти владельца, так и не оправившегося от потрясения, пепелище приобрел Митрофан Семенович Грачев.

Хоть и остерегали его люди: не будет счастья на мертвой земле. Но Грачев, бросая вызов судьбе, приглашает лучшего, по его мнению, московского архитектора Льва Кекушева. И тот по его заказу проектирует великолепный дворец, напоминающий игорный дом в Монте-Карло, в котором, по слухам, купец за ночь выиграл в карты целое состояние.

Думаю, что это легенда, потому что Митрофан Семенович был купцом 1-й гильдии, крупным текстильным фабрикантом и известным благотворителем.

Кекушев блестяще интерпретировал прототип здания, построенного в Монте-Карло известным французским архитектором Шарлем Гарнье, привнеся в ховринский дом множество узнаваемых деталей, присущих авторскому почерку архитектора. Акцентированная асимметрия здания в дальнейшем получит развитие не только в постройках Кекушева, но и станет одной из важнейших новаций модерна.

Кстати, парадную лестницу, ведущую к дому, украшали статуи лежащих львов – пожалуй, мы впервые здесь видим «авторскую подпись» Кекушева.

В 1900 году строительство дворца, которое осуществлял архитектор Г.А. Кайзер, было завершено, и Грачевка, как прозвали место восторженные дачники и окрестные жители, стала жемчужиной Подмосковья. К сожалению, пожить в роскошном особняке Митрофану Семеновичу не довелось: он скончался за год до этого в возрасте 59 лет.

Вот и не верь народным приметам…

Грачевка

Его вдова Варвара Николаевна помогала людям и церкви и прожила в огромном доме вплоть до 1918 года, пока семью Грачевых из усадьбы не выгнали. Во дворце и службах разместился сначала рабфак Петровской сельскохозяйственной академии (будущей ТСХА), потом – санаторий, а во время войны – госпиталь.

Начиная с 1947 года и по нынешнее время в главном доме усадьбы Грачевка находится «Московский областной клинический

центр восстановительной медицины и реабилитации».

Все-таки стоит рассказать подробнее о семействе Грачевых и его главе.

У Митрофана Семеновича и Варвары Николаевны (1851–1939), урожденной Шапошниковой, было десять детей. Они были связаны родственными узами с известными купеческими фамилиями – Бахрушиными, Прохоровыми, Щаповыми и др. Семья жила в особняке на Поварской, № 7, который в 1873 году архитектор П.П. Зыков перестроил из части старой усадьбы князей Хованских. В центральном аттике находится медальон с вензелем хозяина – МСГ. После смерти Митрофана Семеновича домом владела его вдова Варвара Николаевна и сын Сергей Митрофанович, который был женат на Марии Николаевне Бахрушиной. После Октябрьского переворота владельцев из особняка выгнали. Сейчас там находится посольство Норвегии.

Митрофан Семенович Грачев (1840–1899)

Митрофан Семенович умел не только деньги делать, но и щедро помогал обездоленным. Добрым словом вспоминали времена, когда он был казначеем Московского Совета детских приютов. На свои средства он перестроил церковь Троицы на

Грязях и выстроил храм во имя святителя Митрофана, епископа Воронежского в Петровско-Разумовском.

«Московские церковные ведомости» сообщали: «22 октября в Петровском парке, при детских приютах имени ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Феодоровны и принца Петра Георгиевича Ольденбургского, было совершено освящение храма во имя Митрофана, епископа Воронежского, сооруженного усердием казначея Московского Совета детских приютов М.С. Грачева».

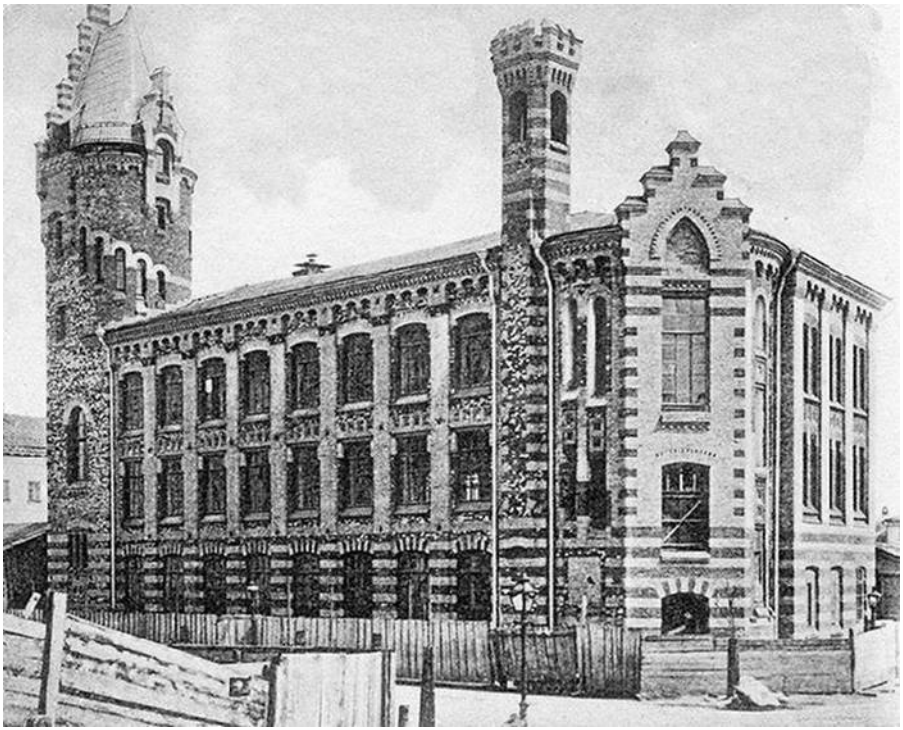
В этом храме была семейная усыпальница Грачевых. В нем первым был погребен Митрофан Семенович. Но не упокоен, потому что в 1930-х годах церковь закрыли, и Варвара Николаевна перезахоронила прах супруга на Введенском кладбище[3].

Часть клана Грачевых разлетелась по свету, часть осталась на так недоброй к ним родине, пострадав в годы сталинских репрессий.

Химическая лаборатория Императорского технического училища на 2-й Бауманской улице, № 10 (1898–1899)

Об этом здании всего несколько слов: просто уж больно старая фотография (что слева) замечательная. Вернее, то, что на ней изображено.

Представьте себе, вот это нарядное здание – учебный корпус! Сейчас оно – вернее, совсем уже и не оно, а перестроенное до неузнаваемости, – принадлежит факультету машиностроительных технологий МВТУ имени Баумана.



Химическая лаборатория Императорского технического училища

Для сравнения его современный вид: без башенок и «кокошника» на фасаде – торце. Да еще с надстроенными двумя этажами. Как говорится, почувствуйте разницу…

Никольские (Иверские) торговые ряды на Никольской улице, № 5 (1899–1900)

Никольская – одна из старейших улиц Москвы. Название происходит от располагавшегося там монастыря Николы Старого. Издавна это была торговая улица, застроенная деревянными лавчонками.

Вот так Никольская выглядела в конце XIX века. Ясно, что красоты она бурно строящейся и приобретающей все более европейский вид Первопрестольной не добавляла.

В 1899 году крупнейшие предприниматели Москвы выступили с инициативой постройки здесь новых торговых рядов. Городские власти идею одобрили. Автором проекта Ново-Никольских, или Иверских, рядов стал Лев Кекушев (при участии С. Шуцмана).

Никольская улица в конце XIX в.

Он перестроил часть здания монетного двора, обращенного фасадом на Никольскую, пристроив в нему новые торговые ряды. Само здание монетного двора было построено еще в 1697 году. Позднее там были расположены присутственные места и другие государственные учреждения. Побывало оно и тюрьмой: именно сюда в 1774 году доставили Емельяна Пугачева, а в 1790 году здесь был в заточении Александр Радищев.

Никольские (Иверские) торговые ряды были построены в стиле модерн и гармонично вписаны архитектором в пространство старой Москвы. Кстати, здесь мы видим любимый прием Кекушева: все окна с дубовыми рамами разного размера, что придает зданию особый стиль – модернистский. Плавные линии фасада, лепные украшения, изящный декор делали здание воплощением богатства и роскоши. Под верхним карнизом заметны «автографы» Кекушева – львиные маски.

В 1903 году внутренняя отделка здания была завершена, и Никольские ряды открыли свои двери для покупателей. Ряды были рассчитаны только на самых состоятельных торговцев. На первом этаже нового торгового комплекса было восемь крупных магазинов с отдельными арочными входами с улицы. В подвале были просторные складские помещения. По внутренней стороне рядов шли металлические галереи, соединявшие магазины между собой.

В советское время здание заняли административные учреждения, на первом этаже размещались сберегательная касса, пункт приема, в начале 1990-х годов на первом этаже работало кафе.

Здесь в соответствии с хронологией уместно сказать, что в 1899 году Лев Николаевич выигрывает конкурс на проект гостиницы «Метрополь» (проект совместно с архитекторами В.В. Воейковым, Н.Л. Шевяковым, С.С. Шуцманом). Однако своим волевым решением Савва Мамонтов, возглавлявший «Северное домостроительное общество», начинает строительство по проекту другого архитектора – Вильяма Валькота.

Но после ареста Мамонтова новые владельцы нанимают именно Кекушева управлять строительством. Так что к «Метрополю» Кекушев руку все же приложил.

По свидетельству современника: «Ничто из прежней практики Валькота и близко не подходит к масштабам «Метрополя». Участие Кекушева, вероятно, было главным фактором успеха этого проекта» (У. Брумфилд. Курс «Москва: архитектура и искусство в исторической перспективе», гл. 3).

Особняк А.И. Кекушевой на Остоженке, № 21 (1900–1903)

Вначале несколько слов о самой улице.

Когда-то в этом месте рядом с Москвой-рекой были пойменные заливные луга, на которых после покоса сушилось в стогах сено, вот и название стог – Остожье, а позже – Остоженка (в 1935–1986 годах – Метростроевская улица).

К началу XX века эта землица в центре Москвы стала «золотой», и позволить себе поселиться здесь могли только представители торгово-финансовой элиты. «Северное домостроительное общество», возглавляемое сначала Саввой Мамонтовым, а потом Яковом Рекком, строило на этой улице роскошные особняки в модном стиле модерн, заказывая проекты самым лучшим московским архитекторам, в рейтинге которых Кекушев занимал верхнюю строчку.

Его решение построить себе дом на «Золотой миле» красноречиво говорит о том, что человеком Лев Николаевич был далеко не бедным! Проект этого особняка Кекушев делал для Саввы Мамонтова, но тот по каким-то причинам его отверг. И архитектор построил на небольшом участке нарядный дом, с высоким цокольным этажом, тремя разными по высоте и оформлению уровнями-этажами и островерхой башенкой, который напоминает средневековый замок.

Особняк А.И. Кекушевой на Остоженке

Вот где он дал разгуляться своей фантазии, используя все основные элементы стиля модерн и сделав здание настолько оригинальным, что поглазеть на него собирались толпы народу. Не надо быть искусствоведом, чтобы разглядеть любимые авторские приемы: разные по форме окна, обрамленные в неповторяющиеся рамы, асимметрию, орнаментальные рельефы и использование декоративной фактуры – рустов, сочетание белой штукатурки с ярким цветом кирпича.

На шпице фронтона горделиво возвышалась трехметровая скульптура льва, выполненная австрийским архитектором Отто Вагнером, – символ сильного и успешного автора. К сожалению, фигура льва не сохранилась.

На первых двух этажах дома располагались большие помещения: зал, смежная с ним гостиная с эркером в башенке. Спальни были устроены в мансардах. Кабинет самого Льва Кекушева был в углу здания, с окном в тихий двор. Все комнаты выходили на роскошную лестницу.

Как мы уже знаем, особняк этот архитектор записал на имя супруги, вот он и вошел в историю как «Особняк Кекушевой».

Анне Ионовне он и остался, когда в 1906 году Лев Николаевич покинул дом. А через три года особняк был продан. На фотографии так и не получившегося родового гнезда в архиве Кекушева сохранилась собственноручная надпись: «Дом Смитского»…

Сейчас это здание занимает Военный атташат Египта. Говорят, там бережно сохранилась первоначальная планировка помещений и элементы отделки – деревянные филенчатые двери с зеркальными стеклами, оформление парадной лестницы и другие детали. Вот бы проверить!..

Доходный дом Кекушевой на Остоженке, № 19 (1900–1903)
Доходный дом Грязнова на Остоженке, № 17 (1901)

Практически параллельно со строительством замка Лев Николаевич при участии архитектора В.С. Кузнецова на собственные средства строит рядом доходный дом № 19. И дом № 17 – по заказу крупного чаеторговца Василия Ивановича Грязнова.

Это единое здание, тем не менее сохранившее стилистическое отличие двух домов и имевшее разную нумерацию – № 17 и 19, достаточно на вид простое, но в характерных чертах запечатлело гений автора. Обратите внимание на главный акцент – окна. Они всегда у Кекушева оригинальные, цепляют взгляд. Как и две выступающие по углам домов разные по форме башенки с балконами.

Доходный дом А.И. Кекушевой

Полукруглые окна дома № 17 украшены масками рыцарей. На первом этаже был чайный магазин Грязнова, два верхних этажа сдавались им внаем. Кстати, я прочитала, что проект этого дома был за подписью Сергея Сергеевича Шуцмана – одного из трех братьев-архитекторов. «…Однако специалисты утверждают, что здание, безусловно, один из домов Кекушева. Шуцман был постоянным помощником Кекушева. К сожалению, этот талантливый, хорошо образованный архитектор рано потерял зрение. Однако Кекушев продолжал поддерживать его и обеспечивать заказами. Возможно, это и объясняет тот факт, что под проектом стоит фамилия не знаменитого мастера, а его помощника…»

В 1920-х годах дома № 17 и 19 объединили, и их заняла одна из московских клиник, где хирургом работал А.И. Бакунин. В 1980-х годах на табличке около входа в клинику можно было прочитать «Стационар».

Для декора своего доходного дома Кекушев выбрал листья каштана, они обрамляют вензель владельцев дома на полукруглом аттике здания, они же заполняют картуши между окнами второго и третьего этажей. Кстати, по поводу вензеля: это буквы «А» и «С». Зинаида Одолламская, к примеру, чья интересная статья размещена на сайте «Узнай Москву», видит это, как «А» – Анна (ведь именно на супругу архитектор записал и это строение) и «С» – Сергей Астахов, который позже владел домом. Впрочем, это всего лишь догадки…

Владельцем дома № 19 после продажи его Кекушевой стал **Алексей Ильич Бакунин** (1874–1945), племянник известного революционера и теоретика анархизма Михаила Бакунина, – и сам по себе личность выдающаяся!

Он родился в селе Чурилове Новоторжского уезда Тверской губернии. Окончил тверскую классическую гимназию, с медицинского факультета Московского университета был отчислен за участие в студенческих беспорядках. В 1896 году участвовал в экспедиции Российского географического общества в Заалтайскую область, Северную Монголию, Уссурийский край, Бессарабию. Зимой 1898/99 года по просьбе Льва Толстого помогал перевозить духоборов с Кавказа в Канаду. Закончил учебу на медицинском факультете Королевского прусского университета в Бреславле. Вернулся в Россию и работал в тверском земстве фельдшером. В 1902 году блестяще сдал

государственный экзамен при Казанском университете и получил диплом врача. Был участником Балканской войны. В 1914–1917 годах работал главным врачом госпиталя Московского кредитного общества. Избирался в Государственную думу.

Его супруга **Эмилия Николаевна Бакунина** (1875–1960), урожденная Лопатина, происходила из славного рода князя Дмитрия Пожарского. И тоже была врачом. Вместе они работали земскими врачами в тверской глубинке, вместе потом на Остоженке, № 19 открыли свою клинику. Она была хорошо продумана и оборудована: на первых двух этажах были светлые благоустроенные палаты, кабинеты врачей, комнаты для электролизации и рентгена, водолечебница, операционная. На третьем этаже поселилась семья Бакуниных. В их апартаментах были гостиная с камином, кабинеты и спальня хозяев, детская, комната няни.

За короткое время клиника Бакуниных, в которой работали талантливые специалисты разных профилей, стала в Москве очень популярной. Здесь оказывали помощь всем, кто в ней нуждался: лечили заключенных Бутырской тюрьмы (в основном – эсеров), принимали раненых во время Первой империалистической войны, а также раненых во время Октябрьского переворота – невзирая, белые они или красные. Здесь был прооперирован видный деятель большевистской партии – секретарь Президиума В ЦИК Авель Енукидзе…

В 1920-х годах дом № 19 был объединен с домом № 17, и площадь клиники значительно увеличилась.

В 1925 году тяжело заболевшего патриарха Тихона не приняла ни одна больница Москвы. Тогда супруги Бакунины предложили поместить его в свою клинику.

В страшное и сложное время оказался во главе Русской православной церкви **патриарх Тихон** (в миру Василий Иванович Беллавин (1865–1925), в 1917 году ставший первым патриархом после восстановления патриаршества в России. Чтобы спасти церковь от разорения, а ее служителей от расправы, он обратился к властям с письмом:

Патриарх Тихон

«Передайте советскому правительству и Президиуму ЦИК СССР глубокую благодарность – как от меня, так и от моей паствы.

Отныне церковь отмежевалась от контрреволюции и стоит на

стороне советской власти.

Церковь возносит молитвы о стране Российской и о советской власти.

Церковь признает и поддерживает советскую власть, ибо нет власти не от Бога…»

После этого новых сторонников в стане безбожников он не приобрел, а многих из старых растерял.

В стране продолжали крушить храмы, сажать или расстреливать священников. А в начале 1925 года в недрах ГПУ была состряпана фальшивка и началась разработка «шпионской организации церковников», которую по замыслу следствия возглавлял патриарх Тихон. Несмотря на плохое здоровье святейшего, его несколько раз арестовывали и по многу часов допрашивали.

После одного такого допроса он и оказался в клинике Бакуниных. Но и здесь патриарху не давали покоя, и прямо в лечебнице был устроен допрос. Как только здоровье владыки немного улучшалось, он торопился к своей пастве.

Вечером 7 апреля 1925 года последний сердечный приступ, и все…

Вскоре после смерти патриарха Тихона без всякого предупреждения лечебница Бакуниных была национализирована и передана в распоряжение Наркомздрава.

Алексей Ильич очень тяжело переживал это. Счастье, что не посадили – ареол имени Михаила Бакунина спас. Он же, вероятно, и помог добиться разрешения на отъезд за границу.

30 марта 1926 года огромная толпа народа: родные, друзья, бывшие пациенты, коллеги и просто знакомые собрались на перроне Белорусско-Балтийского (сейчас Белорусского) вокзала, чтобы проводить семью врачей, заслуживших всеобщее уважение.

Бакунины уехали сначала в Италию (Кави-ди-Лаванья), а потом во Францию. Они поселились недалеко от Парижа, в Сент-Женевьев-де-Буа – центре русской эмиграции. Эмилия Николаевна работала врачом в Русском доме, а Алексею Ильичу не удалось найти работу по специальности, поэтому он в 1927 году уехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где практиковал в провинции (Нови-Пазар), потом в больнице Российского общества Красного Креста в Белграде. В 1937 году он тяжело заболел, и жена приехала и увезла его во Францию. Там они потом вместе и работали.

Умер Алексей Ильич уже после окончания Второй мировой войны в 1945 году и похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Эмилия Николаевна и их дочь Татьяна позже захоронены в его могиле.

Их дочери: Наталья (1900–1991), Татьяна (1904–1995), в замужестве Бакунина-Осоргина, – ученый, историк масонства, библиограф.

В 2000-х годах доходный дом Грязнова на Остоженке № 17 был отреставрирован и визуально отделен от соседнего здания: проездная арка была раскрыта, в ней установлены узорчатые ворота, стилизованные под модерн.

Особняк В.Д. Носова на Введенской площади (Электрозаводская улица, № 12) (1903)

На месте Введенской площади, в низине, вплоть до 1800 года, находился «прачечный пруд» на реке Хапиловке. Указом Павла I пруд засыпали, берега Яузы благоустроили, недалеко построили церковь Введения в Храм Пресвятой Богородицы. Вот и площадь стала Введенской.

К середине XIX века этот район стал промышленной зоной Москвы. Более того – соседствовал с бедным жилым районом Хапиловка. В 1875 году Введенская площадь была соединена с центром города линией конки.

Особняк, о котором пойдет здесь речь, совершенно не похож на то, что делал Кекушев до этого, и на то, что сделает позже.

И не только в плане архитектуры – тут удивляться не приходится гению Мастера, который хоть и использовал некоторые любимые приемы, но никогда их не копировал. К примеру, окна. Они большие, но, чтобы терялось меньше тепла, имели двойные рамы с внутренней воздушной подушкой и плотно закрывались с помощью изобретенных Кекушевым оконных задвижек.

Уникальность этого особняка в том, что это единственное здание в Москве в стиле модерн, выполненное из дерева. На то было желание заказчика, который верил в здоровый дух деревянных домов и хотел круглый год чувствовать себя как на даче. Но надо было учитывать наш суровый климат, и особняк построили из дерева в несколько слоев да еще обшили досками.

Отдавая дань времени и модному стилю, дача была не в русских традициях с привычной анфиладой комнат, а напоминала европейскую или даже американскую постройку: все комнаты располагались вокруг центрального ядра – красивой лестницы, ведущей на второй этаж.

В доме были предусмотрены все на тот момент достижения комфорта: канализация, своя котельная и водяное отопление, во всех комнатах стояли большие батареи, закрытые декоративными решетками. Из кранов текла горячая и холодная вода. Был

установлен телефон.

В то же время у особняка были и узнаваемые русские дачные черты – открытые закругленные веранды и характерные приемы ар-нуво – невысокая кованая ажурная ограда. Особняк получился изящным и стильным. Но практически у каждого, кто им восхищался, возникал резонный вопрос: а что делает эта красота здесь, в окраинной промзоне?

Но кто знал заказчика, **Василия Дмитриевича Носова** (1848–1920), тот знал и ответ.

Василий Дмитриевич был, как и многие представители московской торгово-финансовой элиты того времени, из семьи старообрядцев. Его отец вместе с братом в 1829 году перебрались из Ейска в Москву и построили на берегу Хапиловского пруда небольшую фабрику, выпускавшую драдедамовые[4] платки. Поначалу братья сами ткали, красили и сушили платки, а их жены делали бахрому. Позже они расширили производство и стали делать сукно – поначалу это было так называемое «кавказское сукно», из которого шили черкески. Оно завозилось на Кавказ под видом местного производства. В 1857 году фабрика была перестроена и расширена вдвое. Носовы сумели добиться подрядов для армии и флота: делали мундирное сукно и полотно для флотских рубашек.

В 1880 году, когда Василий Дмитриевич стал у руля «Промышленно-торгового товарищества мануфактур братьев Носовых», они имели амбар в Большом Черкасском переулке, магазин в Лубянском пассаже, а на их фабрике работало более тысячи человек. В конце XIX века здесь освоили производство подушек и одеял, а носовские постельные принадлежности стали пользоваться большим спросом.

В 1870-х годах Василий Носов выкупил у купца Никиты Осиповича Жучкова (родственника жены?) обширный участок на углу Малой Семеновской и Лаврентьевской улиц, что рядом с фабрикой. И пригласил губернского архитектора Милюкова для строительства нового двухэтажного дома. Василий Носов был очень деятельным человеком: он все время что-то строил, достраивал и перестраивал на своем большом участке.

Женат был Василий Носов на Клавдии Дмитриевне Жучковой. У них родилось семеро детей: единственный сын Василий и шесть дочек – Екатерина, Варвара, Татьяна, Вера, Софья и Августа. Когда младшей дочери Августе исполнилось 4 года, у Клавдии Дмитриевны вдруг случилось психическое расстройство, и она скоропостижно скончалась. Но Василий Дмитриевич не стал искать в свой дом новую хозяйку, не желая, чтобы детей воспитывала мачеха, а сам всецело посвятил себя

семье.

Василий Дмитриевич с дочерями

Все девочки получили, как тогда принято было в купеческой среде, отличное домашнее образование и закончили частные гимназии. Только Верочка настояла на казенной 2-й московской женской гимназии, поскольку там были лучше поставлены точные дисциплины, а девушка увлекалась техникой и фотографией.

В 1902 году его сын Василий женился на дочери умершего к тому времени Павла Михайловича Рябушинского Евфимии – девушке своенравной и непреклонной в своих решениях.

Евфимия въехала в особняк Носовых на Малой Семеновской, № 1 и тут же принялась все переделывать на свой лад.

Василий Дмитриевич спорить с невесткой не стал, оставил молодым дом, разделил огромный сад и на своей части участка заказал Льву Кекушеву замечательный деревянный особнячок. Внешне самого что ни на есть новомодного вида. Внизу жил сам Василий Дмитриевич и размещалась мужская прислуга. Наверху – младшая дочь Августа и женская прислуга.

Из воспоминаний внука Носова Юрия Бахрушина:

«Прислуга тоже была вся солидная, жившая в семье долгие

годы. В этом отношении первые места занимали кучер Григорий, степенная горничная Матрена, служившая еще на фабрике до женитьбы деда (помогавшая в воспитании детей после смерти жены и проживавшая с младшей дочерью Августой даже после выселения семьи из особняка), и смешливый заика лакей Василий.

Всем штатом прислуги управляла экономка Варвара Семеновна Лебедева. Характерная фигура Варвары Семеновны являлась чем-то неотъемлемым от быта дедовского дома. Она же являлась постоянной правой рукой молодых хозяек, которые последовательно восходили на хозяйственный престол после удаления своих предшественниц в замужество… Такими же были и солидные сенбернары, важно расхаживающие по комнатам…

Дед почти никогда не устраивал пышных званых вечеров, зато на Святках, на Масленице и в семейные табельные дни у него обязательно бывали семейные обеды. Присутствовали на них все дочери с мужьями, сын с женою и внуки с внучками, вышедшими из младенческого возраста…

Мне никогда не удавалось выяснить у деда подробностей, как происхождения Носовых, так и возникновения их суконной мануфактуры. Мои тетки, любившие порой щегольнуть своим пролетарским происхождением, всегда говорили, что их прабабушка была ейской ткачихой, а затем и купчихой города Ейска и что они – ейские купцы. Однажды дед, услыхав подобное их утверждение, заметил при мне: «Какие мы ейские купцы? Просто гильдейское свидетельство в Ейске выправляли: дешевле было, чем в Москве, вот и все. От этого и приписаны были к ейскому купечеству» (*Бахрушин Ю.А.* Воспоминания).

Василий Дмитриевич был совершенно не похож на привычный нам из литературы образ степенного купца-старовера – с окладистой бородой до пояса, в сапогах и суконной поддевке. Да, бородка все же была, но придавала его лицу эдакий интеллектуально-эстетский, «писательский» вид. На мой взгляд, он очень похож на Петра Ильича Чайковского.

Фабрика была светлым, современным, хорошо оснащенным производством. Старик Носов часто бывал на ней, любил вникать во все производственные процессы, даже его хобби было связано с семейным бизнесом: часто он сам делал рисунки для одеял, выпускаемых на его фабрике. Фабричные относились к хозяину уважительно.

Новая власть выгнала В.Д. Носова из собственного дома, ничего не позволив взять с собой. Спасибо Варваре Семеновне: сумела-таки тайком вынести часть хозяйских вещей, не бросила старика. Так и доживали они свой век в чужом углу. Василий

Дмитриевич, в отличие от семьи сына, не эмигрировал и остаток своих дней провел в Подмосковье. Умер он в 1920 году, где похоронен – неизвестно.

После 1917 года в его доме сначала открыли Пролетарский музей, потом детские ясли, Дворец культуры, Дом комсомольца и школьника.

Двадцать лет «со скрипом» шла в доме реставрация. Сейчас в особняке Носова располагается Молодежный историко-культурный центр с нотно-музыкальным отделом Российской государственной библиотеки для молодежи и музеем отечественного предпринимательства.

А еще в собственности Василия Дмитриевича было здание, которое называется **доходный дом купца Носова в Большом Черкасском переулке, № 11,** где находилась контора и были складские помещения.

Ну а теперь поговорим о наследниках Василия Дмитриевича.

Сын, **Василий Васильевич** (1871–1939), человек, который был частью московской финансово-промышленной элиты: с 1910 года управлял делами семейной фирмы, входил в совет Купеческого коммерческого банка Российского взаимного страхового союза, вместе с Рябушинскими стал учредителем Московского банка, – как-то затерялся среди большого числа своих полных тезок…

И вот что парадоксально: наибольшую известность из клана Носовых получила женщина, не принадлежащая к этой семье по рождению, – супруга Василия Васильевича.

В 1902 году Василий Носов-младший встретил на балу красавицу **Евфимию** и влюбился с первого взгляда! Она была дочерью к тому времени покойного миллионера Павла Михайловича Рябушинского и одной из самых богатых невест Москвы. У нее было восемь братьев и пять сестер, среди которых, пожалуй, одна Евфимия оставила след в истории.

К выбору Василия семья Носовых отнеслась скептически: «за купцами Рябушинскими шел шлейф скандала».

Но сын сумел настоять на своем, и Евфимия вскоре на правах его законной супруги поселилась в особняке на Малой Семеновской, № 1. И сразу показала, кто в доме хозяин.

Энергичная Евфимия Павловна полностью поменяла интерьеры дома и велела пристроить к нему левое крыло. Особняк стал более комфортабельным, оснащенным водяным отоплением, горячей и холодной водой…

Особняк Е.П. Носовой

Вскоре дом на Малой Семеновской уже называли «Особняком Носовой», и он стал одним из самых популярных в Москве художественно-литературных салонов. В нем бывали известные художники, поэты, музыканты, писатели. В частности, с супругой-художницей Софьей Дымшиц-Толстой нередко захаживал Алексей Толстой, пьесы которого ставились в домашнем театре Носовой и в которых сама хозяйка с удовольствием играла, как и в пьесах очень популярного поэта и прозаика серебряного века Михаила Кузмина.

Красивая, яркая, амбициозная и властная Евфимия, безусловно, очень контрастировала со своим немного флегматичным мужем.

Обладая безупречным вкусом, она была иконой стиля. Евфимия привыкла получать все самое лучшее, и когда решила заказать свой портрет, то обратилась к художнику Константину Сомову. Их познакомили, и Сомов записал: «Был в ложе Носовой, которая была одета в умопомрачительное голубое яркое атласное платье, вышитое шелками перламутровых цветов с розовыми тюлевыми плечами, на шее ривьера с длинными висячими концами из бриллиантовых больших трефлей, соединенных бриллиантами же…»

Будущая модель понравилась художнику: «Она очень красива…», «Блондинка, худощавая, с бледным лицом, гордым взглядом и очень нарядная, хорошего вкуса при этом».

Сомов писал: «Сидит она в белом атласном платье, украшенном черными кружевами и кораллами, оно от Ламановой, на шее у нее четыре жемчужные нитки, прическа умопомрачительная… точно на голове какой-то громадный жук».

Шедевр рождался непросто, впрочем, так же как и все уникальные платья замечательной портнихи и модельера Надежды Ламановой. Сейчас эта великолепная работа Сомова находится в Третьяковской галерее.

А вот в «Воспоминаниях» Ю.А. Бахрушина дается весьма нелестная характеристика тетке: «Евфимия Павловна широко меценатствовала, но это меценатство резко отличалось от меценатства Мамонтова, Третьякова, Морозова и им подобным. Она не ставила перед собой задачи содействовать развитию и процветанию русского искусства, а ограничивалась более скромной – прославления себя в искусстве. Сомов и Головин писали ее портреты, Голубкина лепила ее бюст, Серов, Сапунов и Судейкин расписывали стены и плафоны ее особняка, а поэт Михаил Кузмин создавал для задуманного ею любительского спектакля пьесу «Венецианские безумцы». Декорации и костюмы были выполнены по эскизам Судейкина и впоследствии изданы отдельной книгой вместе с пьесой. В конечном итоге это была та же бардыгинская книга, та же самореклама, но сделанная не в лоб, а более утонченно и искусно…»

Евфимия Павловна Носова (1881–1960). *Художник К.*

Как и братья, Евфимия очень интересовалась искусством и коллекционировала произведения русских художников: Рокотова, Боровиковского, Венецианова, Кипренского, многих начинающих в то время художников, ставших вскоре признанными мастерами. Она мечтала создать настоящий музей и по примеру Третьякова подарить его городу.

В 1918 году Евфимия Павловна передала свою коллекцию, включавшую кроме живописных полотен богатую библиотеку по истории искусства, собрание гравюр и пр., на временное – так ей тогда виделось – хранение в Третьяковскую галерею и вместе с мужем и детьми эмигрировала в Париж. Позже (вероятно, уже после смерти Василия Васильевича) она переехала в Рим, где прожила долго и скончалась в возрасте 89 лет.

Надо сказать, что почти все дочки Василия Дмитриевича огорчили отца своим выбором: не по себе сук рубили. Оказывается, Носов очень боялся, что аристократическая родня избранников заподозрит в его девочках охотниц до титулов. А в самих отпрысках обедневших дворянских родов он подозревал искателей богатого приданого.

Старшая дочь **Екатерина Васильевна** вышла замуж за мелкопоместного дворянина Сергея Николаевича Силина.

Наибольшую семейную драму вызвало желание в 1894 году дочери **Варвары Васильевны** (1876 —?), выйти замуж за князя Енгалычева. То, что происходило в семье в это время, лучше всего передает письмо Веры подруге: «Сестра полтора месяца проплакала, прежде чем ей позволили выйти за ее князя. А отчего? Именно оттого, что он – князь. Папа – купец, всякий гордится своим, и он не желал, чтобы его дочь выходила за князя».

От **Ивана Александровича Енгалычева** (1864–1951), младшего сына князя А.Е. Енгалычева, потребовалось много терпения, а также весь такт в совокупности с обаянием, чтобы В.Д. Носов – спустя целых пять лет! – наконец-то примирился с выбором дочери. Да и старый князь Александр Ельпидифорович тоже был категорически против женитьбы сына на купеческой дочери. Представьте, через что пришлось пройти молодым! Но первым сдался князь: через три года он уже так полюбил Варвару, что уехал от старшего сына к Ивану в купленное им для него в 1880 году родовое имение Шеншиных (Фета) Новоселки Орловской губернии.

Только четвертая дочь, любимица Верочка, **Вера Васильевна**

(1875–1942), не расстроила своим браком отца.

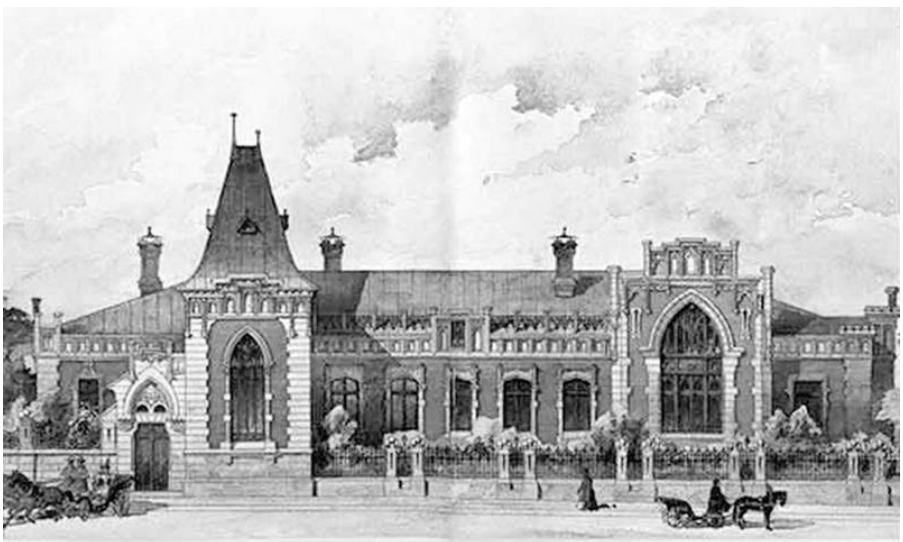
С замужеством сестер Вера осталась в доме за старшую.

8 января 1895 года на святочном костюмированном балу у Байдаковых девятнадцатилетнюю Верочку, только что окончившую гимназию, увидел **Алексей Александрович Бахрушин** (1865–1929) и влюбился без памяти. Он тут же разыскал ее брата Василия, с которым был знаком, и попросил представить его Вере Васильевне.

Последовало несколько встреч. В первых письмах подруге, рассказывая об этом, Вера была в ужасе от нежданно свалившегося на ее голову огромного чувства «длинного» и «некрасивого» молодого человека. Но уже через пару месяцев она сдалась, и 15 марта того же года состоялся сговор.

По поводу будущего зятя у Василия Дмитриевича не было никаких возражений: купеческая семья Бахрушиных была одной из первых в Москве по богатству и щедрости благотворительных дел. А еще все они были выдающимися коллекционерами.

17 апреля 1895 года состоялась свадьба, о которой московские газеты написали: «Замоскворечье роднилось с Лефортовом», – и пышный обед в «Большой московской гостинице».



Особняк Бахрушина, в котором разместился Театральный музей имени А.А. Бахрушина. *Архитектор К.К. Гиппиус*

Именно Алексей Александрович основал, а потом передал в дар городу свой замечательный Театральный музей. Вера Васильевна была верной помощницей мужа: систематизировала и каталогизировала растущую коллекцию, организовывала выставки.

Алексей Александрович оставался во главе музея до самой смерти. Он умер в подмосковной усадьбе Горки 7 июня 1929 года и похоронен на Ваганьковском кладбище. Вера Васильевна – пожизненный член Русского театрального общества, всю свою жизнь продолжала дело мужа, числясь в музее машинисткой. Похоронена на Ваганьковском кладбище.

Про сестер **Татьяну** и **Софью** точно известно лишь то, что они после замужества «покинули родительский дом».

Про младшую дочь **Августу Васильевну** в «Воспоминаниях» племянника вскользь сказано, что она так и не вышла замуж…

Строительство «Золотой мили» на Поварской задумывалось еще главой «Северного домостроительного общества» Саввой Мамонтовым. «Свято место пусто не бывает» – говорит народная мудрость, тем более относящаяся к коммерции: после ареста Мамонтова по сфабрикованному делу появляется новый игрок на рынке недвижимости – «Московское торгово-строительное акционерное общество», возглавляемое Яковом Рекком.

Потомок немецких колонистов, приехавших в Россию еще при Екатерине Великой, **Яков Андреевич Рекк** (1867–1913) родился в Саратове.

Я. А. Рекк

В 1886 году он приехал в Москву и стал работать служащим в банкирской конторе Николая Вертгейма. Уже в 24 года благодаря финансовым способностям он становится управляющим банкирской конторы. Он понимает, что необходимо бурно строящейся Москве, – стройматериалы, и в 1893 году покупает кирпичный завод в деревне Часовая Звенигородского уезда Московской губернии. Дела идут неплохо, заводик производит

красный и белый строительный кирпич – заметим, хорошего качества! – и стабильно приносит прибыль.

Рекк все больше вникает в строительный бизнес и в 1899 году вместе с И.И. Зейфертом становится учредителем и директором-распорядителем «Московского торгово-строительного общества» с капиталом 1 миллион рублей. Он считает: «Надо Москву украсить стильными домами, которые, имея технические удобства западно-европейских городских строений, в то же время не убивали бы национального колорита Москвы».

Особняки на Поварской улице. Вот они – рядом. *Фото начала 1900-х годов*

Он приглашает к сотрудничеству только лучшие умы в области организации производства и таланты в архитектуре. И в первую очередь – Льва Кекушева. В 1900 году «Московское торгово-строительное акционерное общество» по его проекту построило Никольские (Иверские) торговые ряды. И Яков Рекк не отдает никому этот лакомый кусок в центре Москвы, а учреждает «Товарищество Никольских рядов» для сдачи торговых помещений в аренду.

По проекту Кекушева «Московское торгово-строительное акционерное общество» строит на Поварской два роскошных

особняка под № 42 и 44.

В общей сложности эта фирма построила в Первопрестольной пятнадцать домов: особняки на Поварской улице, в Гранатном переулке, доходные дома на Пречистенке, торговые помещения на Никольской и Мясницкой улицах.

Талантливый финансист Яков Рекк в бизнесе был всегда на шаг впереди своих конкурентов. Он стал строить особняки не под конкретный заказ, а «под ключ» (что с успехом делали в Европе): все готово идеально, въезжай и живи! Когда наметился спад на рынке недвижимости, он придумал эффективную схему: принимал в зачет стоимости выстроенных домов землю в Полтавской и Киевской губерниях. Затем дробил крупные участки на небольшие наделы и продавал их крестьянам через харьковский Земельный, Дворянский и Крестьянский банки. Ну чем не Лопахин в «Вишневом саде»? Только масштабнее.

Скончался Яков Рекк 12 октября 1913 года и похоронен на Введенском кладбище в Москве.

Особняк Миндовского на Поварской улице, № 44/2 (1904)

Вначале несколько слов о Поварской улице (в 1923–1993 годах – улица Воровского). Она располагалась на торговой Волоцкой дороге, которая шла от Кремля к Великому Новгороду. О происхождении названия нетрудно догадаться: здесь, в Поварской слободе, еще с XVI века селилась обслуга государева Сытного двора.

Но уже в конце XVII – начале XVIII века Поварская превратилась в аристократический район, где одна за другой появлялись великолепные усадьбы князей П.М. Барятинского, Л.Б. Сибирского, И.М. Гагарина, И.А. Голицына, княгини Волконской, стольников Баскакова, Блудова, Трусова, Готовцева и др. По соседству, в Борисоглебском переулке, был двор любимой сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны.

Особняк И.А. Миндовского на Поварской улице

В конце XIX – начале XX века облюбовало этот престижный район московское купечество, постепенно вытесняя оттуда разорявшихся аристократов и возводя на месте их обветшалых дворцов особняки в новомодном стиле модерн. В то время говорили: «Каждый крестьянин мечтает стать купцом, а каждый купец – дворянином». Но получить вожделенное дворянство удавалось немногим, а поселиться на одной из самых дорогих московских улиц было показателем высокого статуса.

Дом № 44 на Поварской вошел в историю под названием «Городская усадьба И.А. Миндовского». Он построен на месте бывшей усадьбы тайного советника Данилы Григорьевича Волчкова, про которого историк московского быта начала XIX века Николай Федорович Дубровин писал: «У Данилы Волчкова гости пировали постоянно, отчего дом его получил название поварского собрания. Обеды были самые изысканные и многоблюдные».

Вот на таком историческом месте, на углу Поварской и Скарятинского переулка, появилось это здание, которое считается одним их самых ярких образчиков гения Кекушева. Пожалуй, о нем написано больше всего искусствоведческих статей и восторженных откликов тех, кто просто им любовался. Не было,

пожалуй, ни одного московского издания начала прошлого века, которое бы не рассказало о проекте Кекушева, называя его образцом модернистской архитектуры. Действительно, особняк раньше выглядел гораздо интереснее, чем сейчас.

Здесь собраны все любимые приемы Мастера: асимметрия здания, цокольный этаж, отделанный каменной штукатуркой, расширяющий здание книзу, но не придающий ему тяжеловесность. Необычно закруглены стены с огромными в два этажа не повторяющимися по форме и рамам окнами, плавно изогнуты козырьки разноуровневой крыши. Высокий фронтон бокового фасада венчала статуя богини Авроры, рассыпающей цветы, у ног которой играли ангелочки. Она была утрачена во время Великой Отечественной войны, но на эскизах Мастера она хорошо видна.

Фасады дома, выходящие на Поварскую улицу и на Скатертный переулок, оформлены по-разному. Центральная деталь на фасаде на Поварской – большое трехчастное окно с балконом, решетка которого выполнена в виде листьев аканта колючего и маковых головок. Над аттиком – рельефное панно с фигурками ангелочков (путчи), символизирующих искусства: один играет на дудочке, другой делает вазу, третий с циркулем – уж точно архитектор! На пилонах, обрамляющих чердачное окно бокового фасада, были установлены светильники в виде жаровен – тоже, увы, утраченные.

Внутри здание полукруглом опоясывал зимний сад, в большие окна которого были вставлены уникальные стекла с вытравленными кислотой рисунками, которые даже при скупом уличном освещении наполняли помещение золотистым светом. Стекла, к сожалению, тоже почти все утрачены.

Но где же, спросите вы, авторская «подпись»? Она есть в виде бронзовых львиных масок на металлической ограде внутренней парадной мраморной лестницы. Об интерьерах, которые были разработаны Львом Николаевичем, тоже следует упомянуть. Поскольку вкус будущих жильцов был неизвестен, то внутреннее убранство представляло органичное смешение стилей – от модерна до классики.

Единый ансамбль с особняком представляют дворовые постройки: флигель для прислуги и конюшни. Великолепна кованая металлическая ограда в виде крыльев бабочки, обрамляющая особняк.

Но так уж получилось, что особняк, которым единодушно восхищались современники, шесть (?!) лет не продавался. Возможно, цена его «кусалась», но владелец не собирался ее снижать. Яков Рекк даже придумал интересный рекламный ход:

были напечатаны открытки «Дом Я.А. Рекка на Поварской».

В 1909 году особняк – наконец-то! – приобрел крупный текстильный фабрикант из Вичуги **Иван Александрович Миндовский** (1836–1912).

Он был выходцем из патриархальной старообрядческой семьи. Его дед Иван Иванович – родоначальник купеческой семьи Миндовских – в 1820 году выкупил себя из крепостной зависимости. В родной деревне Старая Гольчиха Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне Вичугский район Ивановской области) Иван Миндовский открыл красильню. Трудился, не жалея сил. Вскоре и сыновей к делу определил. Затем открыли фабрику, потом другую, третью… И в 1881 году его сыновьями было учреждено «Товарищество на паях Волжской мануфактуры бумажных и льняных изделий» с фабриками в нескольких городах, в том числе и в Москве, куда они вскоре перебрались.

Дом Я.А. Рекка на Поварской улице

В 18 лет родители женили Ивана на девушке из богатой семьи костромских купцов Кокоревых, тоже производителей и торговцев мануфактурой, – Александре Ивановне.

У них родились трое сыновей – Николай, Иван и Петр и две дочери – Ираида и Ольга. Все они унаследовали деловую хватку отца.

Про эту семью существуют самые разноречивые воспоминания. Кто-то отзывался о Миндовских как о больших

тружениках и щедрых благотворителях, писали, что семья была дружной, родственники часто встречались, гостили друг у друга и вместе проводили летние месяцы.

Есть и диаметрально противоположное свидетельство о директоре правления «Товарищества Волжской мануфактуры»: «Был очень богатым человеком, имел несколько фабрик, много лесов, домов и имений. Отличался большой скупостью, граничащей с душевной ненормальностью. Сыновья же Миндовского по скупости превзошли своего папашу… В селе Вичуга Ивану Миндовскому принадлежало не меньше десятка зданий, большинство из которых он сдавал в аренду под торговые лавки, питейные заведения и трактиры… (Про него говорили, что он экономил на чем только можно.) Все свои грузы он отдавал обществу «Самолет», выговорив себе бесплатный проезд на их пароходах, чем всегда и пользовался. Ни разу никто не заметил, чтобы он брал что-нибудь из буфета парохода, разве только кипяток, подаваемый задаром, имел всегда при себе мешочек с провизией».

Эти свидетельства современников нельзя рассматривать в качестве абсолютно достоверных фактов, – все люди субъективны. А вот факты объективные: Миндовские жертвовали на храмы Вичуги и Кинешмы, при их мануфактуре имелись начальное народное училище, одноклассная церковно-приходская школа с библиотекой для детей и взрослых, больница с амбулаторией…

Иван Александрович, кроме шикарного особняка на Поварской, владел в Москве:

домом на Большой Ордынке, № 43, принадлежавшим ранее М.П. Елисееву – возможно, родственнику хозяина знаменитых «Елисеевских» магазинов, а возможно, и однофамильцу;

домом в Леонтьевском переулке, № 9, построенным архитектором Д.Н. Чичаговым. В наши дни там находится посольство Кубы.

Еще три особняка принадлежали детям И.А. Миндовского:

дом в Пречистенском переулке, № 6, построенный архитектором Н.Г. Лазаревым для Николая Миндовского (в 1927–1938 и в 1955 годах – посольство Австрии);

дом Ираиды Миндовской во Вспольном переулке, № 9 (архитектор Ф.О. Шехтель), в котором находится посольство Индии;

дом во Вспольном переулке, № 1/28, к которому в 1910 году по проекту архитектора А.Э. Эрихсона пристроили двухэтажный объем с квартирами для сдачи внаем, был записан на имя А.И. Бакакина – мужа Ольги Миндовской, но в историю вошел как «Дом Берии». Сейчас там находится посольство Туниса.

К счастью Ивана Александровича, он не дожил до разорения большевиками его семьи, скончавшись в 1912 году в Москве от воспаления легких. По завещанию он был погребен у себя на родине, в селе Новая Гольчиха (ныне г. Вичуга), на кладбище Никольской единоверческой церкви. Церковь и кладбище уничтожены в советское время.

После смерти И.А. Миндовского особняк унаследовали его дети: Николай, Иван, Ираида и Ольга и владели особняком вплоть до 1917 года. Опять же на это есть две точки зрения. Первая: они дружно управлялись совместной собственностью. Вторая, как вы уже догадались, противоположная: так и не смогли договориться о разделе.

Как бы там ни было, новая власть «помирила» наследников: особняк был реквизирован и в нем разместился госпиталь (по другой информации – рабочий клуб).

В 1924 году в здании была сначала Шведская миссия. А затем вплоть до 1970-х годов особняк являлся резиденцией посольства Швеции в СССР. Когда в 1972 году шведское посольство переехало на Мосфильмовскую улицу, здание заняло посольство Новой Зеландии. На первом этаже находятся рабочие кабинеты, а на втором – резиденция посла. А в 2004 году новозеландцы даже отметили столетний юбилей дома. Дипломаты трепетно относятся к нашему объекту культурного наследия федерального значения! И тут возникают многочисленные грустные сравнения по поводу нашей заботы… За проведенную реставрацию здания посольство Новой Зеландии было удостоено премии правительства Москвы «За уважение к культуре России». Бывший посол Джим Вейр рассказал о работах по реставрации здания в мемуарах, которые издал у себя на родине.

А какова судьба потомков И.А. Миндовского?

Его детей жизнь не пощадила.

Николай Иванович (I860 —?) – где и когда умер и где похоронен неизвестно.

Об Ираиде Ивановне (1859–1919) известны точно хотя бы даты жизни.

А вот про сына Ивана и дочь Ольгу ничего не известно.

Но, судя по всему, кому-то из Миндовских все же удалось уехать за границу, поскольку в 1995 году один из их потомков посетил бывший особняк прадеда – закрытую для остальных территорию посольства Новой Зеландии.

Особняк М.Г. Понизовского на Поварской улице, № 42 (1903)

Я сознательно отступила от хронологии, поскольку особняк Миндовского более известен, и соседний дом, № 42, принято с ним сравнивать, а не наоборот.

Особняк М.Г. Понизовского

Так вот, двухэтажный дом № 42, расположенный на углу Поварской и Скатертного переулка, тоже был построен «Московским торгово-строительным акционерным обществом» «под ключ».

Кекушев сделал его совершенно не похожим на соседнее здание.

Особняку Понизовского не очень повезло: в 1910 году он был перестроен архитектором В.И. Мотылевым в стиле неоклассики, а «в 1914–1915 годах была осуществлена полная переработка фасадов, в результате которой здание лишилось почти всех примет стиля модерн, сохранив от замысла Л.Н. Кекушева лишь ступенчатую объемно-пространственную композицию. В эти же годы со стороны Поварской была возведена герметичная гранитная ограда с характерным для московского модерна завитком спирали».

Этот особняк – в отличие от соседнего – быстро нашел покупателя. Им стал купец 1-й гильдии, председатель правления «Московского торгово-мануфактурного товарищества Понизовского», член правления «Общества Днепровской мануфактуры» **Матвей Григорьевич Понизовский** (1873–1968).

Узнать о нем удалось немного: родился в Москве, был богат, занимался благотворительностью – был членом совета «Городского попечительства о бедных Мещанской части», ну, и что успел эмигрировать с семьей во Францию, жил в Париже, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Про его сына Александра вообще известно лишь то, что скончался в Париже в 1943 году.

Грустно… Многие люди безвозвратно выпали из нашей истории, оставив только свое имя в памятниках архитектуры…

В 1922 году прекрасно меблированное здание, украшенное большим количеством художественных и исторических реликвий – в том числе и личными вещами Наполеона, подлинниками картин известных художников, – было передано посольству Афганистана.

В 1958 году СССР подписал с Афганистаном договор о бесплатной (?!) аренде здания сроком на 99 лет.

Вот так мы ценим наше культурное и историческое наследие…

Доходный дом И.П. Исакова на Пречистенке, № 28 (1904–1906)

На этом месте ранее находилась крупная усадьба, до войны 1812 года принадлежавшая семье Соковниных – славному боярскому роду, в котором были и воины, и государственные деятели, и литераторы, и библиофилы, и знаменитая раскольница Феодосия – та самая, в замужестве боярыня Морозова. Усадьба включала в себя двухэтажный классический каменный дом со служебными помещениями и сад.

Дом И.П. Исакова

В 1903 году у тогдашнего владельца – мещанина Федора Стрельцова участок выкупило «Московское торгово-строительное акционерное общество» и все постройки снесло, освобождая место под будущий доходный дом.

Он был построен по проекту Льва Кекушева и по признанию специалистов считается «одним из самых удачных и ярких проектов» архитектора, «апофеозом его модернистского творчества». «Наряду с еще одной работой этого мастера – особняком И.А. Миндовского на Поварской улице – этот доходный дом относят к наиболее выразительным примерам модерна в Москве, а фасад дома, представшего нашим взглядам, называют одним из красивейших в столице».

Дом имеет форму буквы «Н». Он асимметричен, что является характерным приемом модерна. Но уникален тем, что архитектор умело использовал перепад высот рельефа участка, сделав здание разноэтажным: роскошный фасад, выходящий на Пречистенку, имеет пять этажей, задняя часть – шесть. Планировка позволила создать небольшие внутренние дворики.

Повторю часто цитируемое: «Неповторимый облик дому придавало умелое сочетание выпуклых и вогнутых поверхностей. Стена верхнего этажа покрыта тонкой лепной сеткой и играет роль фриза, над которым красуется динамично изогнутый карниз. Богатый вид дому придают и нарядное металлическое кружево балконных решеток, и изумительные оконные переплеты. Интересная особенность – каждый следующий этаж декорирован богаче по сравнению с предыдущим». Большая часть рельефов, декоративных металлических деталей и украшений из штукатурки сохранилась.

Этот дом в аристократическом районе предназначался для весьма состоятельных жильцов. Для них существовала парадная лестница, что делила дом на две части – переднюю и заднюю, которые были смещены по высоте на пол-этажа относительно друг друга для того, чтобы из каждой квартиры был свой ход на лестничную площадку.

На каждом этаже было всего две многокомнатные квартиры, самые комфортабельные по тому времени: с водяным отоплением, горячей и холодной водой, большой ванной, ватерклозетом, комнатой для прислуги и кухней, имеющей выход на черную лестницу. Интерьер всех квартир был оригинальным для того, чтобы соответствовать разнообразным вкусам будущих жильцов. В каждой квартире были многоцветные майоликовые камины с разным орнаментом.

Фрагмент декора фасада

Сразу после окончания строительства, в 1906 году, доходный дом купил петербургский купец Иван Павлович Исаков, сменивший Я.А. Рекка на посту главы «Московского торгово-строительного акционерного общества». По его имени этот дом и вошел в историю.

Иван Павлович владел домом до революции. Потом здание реквизировали, большие квартиры разделили на коммуналки. В 1925 году здесь уже проживало 365 человек.

Сейчас это элитная недвижимость с весьма дорогими квартирами. Кстати, доходный дом Исакова имеет статус объекта культурного наследия федерального значения. Еще Исакову принадлежал доходный дом в Мясницком проезде, № 4.

Особняк И.А. Морозова на Пречистенке, № 21 (1904–1906)

Почему я решила включить в главу не самостоятельную постройку, а перестройку? Уж больно интересную историю имеет эта городская усадьба. Да и по отзывам современников Лев Кекушев постарался там на славу.

Этот особняк один из немногих уцелел от пожаров во время недолгой оккупации французами Москвы.

Самым известным владельцем особняка был последний представитель графского рода Потемкиных – **Сергей Павлович Потемкин** (1787–1858). Участник Отечественной войны 1812 года, Сергей Павлович вышел в отставку в небольшом чине гвардии поручика, – не по причине отсутствия храбрости, а потому как душа не лежала к муштре и войне. Человек широко образованный, любитель искусства, он состоял в Обществе любителей российской словесности, сам писал стихи, пьесы, переводил Ростана.

Он был в самом центре московской элиты, являлся старшиной московского Английского клуба, где познакомился и подружился с А.С. Пушкиным, который часто бывал у него в гостях на Пречистенке. Вместе с супругой – известной светской красавицей Елизаветой Петровной Трубецкой (1796 – после 1870), сестрой декабриста С.П. Трубецкого, – они были посажеными родителями жениха на свадьбе Александра Пушкина с Натальей Гончаровой.

Особняк И.А. Морозова

Сергей Павлович был хлебосольным хозяином, часто устраивал у себя балы и приемы, за что получил прозвище Московский Лукулл. Он как-то незаметно спустил огромное состояние, и сумма долгов достигла 5 миллионов рублей – сумасшедшие по тем временам деньги! Вот графа и объявили в 1841 году недееспособным и забрали все недвижимое за долги в

казну. С супругой, с которой у них не было детей, они расстались в том же году, и последний из Потемкиных переехал в Санкт-Петербург, где позже и скончался.

Его особняк выкупил представитель богатейшего купеческого клана Морозовых, потомственный почетный гражданин, совладелец «Товарищества Тверской мануфактуры» Давид Абрамович Морозов (1843–1893). Как и все в его роду, он умел делать деньги и не жалел их на благотворительность. После смерти Давида Абрамовича его вдова Елизавета Павловна (в девичестве Сорокоумовская (1849–1932) продала особняк племяннику мужа, Ивану Абрамовичу.

Об этом человеке я решила рассказать подробнее.

Иван Абрамович Морозов (1871–1921) родился в Москве. Он был вторым сыном потомственного почетного гражданина Абрама[5] Абрамовича Морозова (1839–1882) и Варвары Алексеевны Морозовой (урожденной Хлудовой) (1848–1917).

Хотя Ивана с детства готовили в продолжатели семейного бизнеса, душа у него лежала к искусству. С девяти лет он вместе со старшим братом Михаилом посещал художественную студию, где брал уроки у пейзажиста-передвижника Егора Хруслова и Константина Коровина.

И.А. Морозов

Тем не менее после окончания реального училища он поступил на химический факультет Высшей политехнической школы в Цюрихе. Но и там не прекращал занятия живописью. Скоропостижная смерть отца заставила его вернуться в Россию и войти в правление «Товарищества Тверской мануфактуры».

В 1895 году он жил в основном в Твери, где находились

морозовские фабрики, и зарекомендовал себя прекрасным менеджером на посту директора-распорядителя. Его братья, Михаил и Арсений, которых совершенно не интересовал семейный бизнес, предоставили Ивану carte blanche (неограниченные полномочия). И за несколько лет Иван Абрамович сумел умножить капитал предприятия втрое. В частности, за счет поставок хлопчатобумажных тканей, полотна и сукна для русской армии.

Ему часто приходилось бывать в Москве, но останавливался он в основном у матери, Варвары Алексеевны, или у брата, Михаила Абрамовича Морозова (1870–1903) – к тому времени крупного коллекционера зарубежной и русской живописи. В основном старанием супруги брата, Маргариты Кирилловны – Мики, их дом на углу Глазовского переулка и Смоленского бульвара превратился в один из самых известных в Москве литературно-художественных салонов. Именно там Иван Абрамович познакомился с Михаилом Врубелем, Валентином Серовым, Исааком Левитаном и многими другими художниками, чьи работы позже станут украшением его собственной коллекции живописи.

Но горячей любовью нового коллекционера становятся французские импрессионисты, в то время не признанные на родине. По словам Юрия Бахрушина (приведенным в его не раз цитируемых «Воспоминаниях»), которые он слышал от отца, во всей Франции было меньше полотен импрессионистов, нежели в коллекции Ивана Абрамовича Морозова, а в Париже за ним прочно закрепилось прозвище «Русский-Который-Не-Торгуется».

Общие интересы и взаимная приязнь свели Ивана Абрамовича с Сергеем Ивановичем Щукиным. Они оба увлекались французскими импрессионистами, но в отношениях этих замечательных людей не было ни тени зависти и соперничества. Более того, именно Щукин познакомил Морозова с Анри Матиссом, Пабло Пикассо, что позволило избегать посредников в приобретении картин этих и многих других французских художников.

Надо сказать, что большие суммы, потраченные на пополнение коллекции, ни в коей мере не ущемляли благотворительных дел Ивана Абрамовича. Так, в Твери он построил здание театра для рабочих «Морозовской мануфактуры», которое называлось «Чайная и зал для спектаклей». На средства, пожертвованные представителями этой ветви клана Морозовых, по проекту архитектора Романа Клейна на Девичьем Поле был выстроен Институт имени Морозовых для лечения страдающих опухолями. Иван Абрамович с братом

Михаилом лично внесли по 30 тысяч рублей, а всего на этот институт ими было потрачено из средств семьи 150 тысяч рублей. Сейчас в здании размещается Московский научно-исследовательский онкологический институт имени П.А. Герцена – крупнейшего хирурга и онколога.

Иван Абрамович был заметной фигурой в обществе и в разные годы принимал самое деятельное участие в производственных и общественных комитетах: директор-распорядитель «Тверской мануфактуры», директор правления Мугреево-Спировского лесопромышленного товарищества (г. Ковров), член совета Московского купеческого банка, член Московского биржевого комитета, председатель Московского купеческого собрания (1898–1899), член Российского общества химической промышленности («Руссокраска» с 1914 года), один из учредителей Российского акционерного общества коксовой промышленности и бензольного производства («Коксобензол» с 1915 года), член комиссии по рабочему вопросу при Московском биржевом комитете, два года подряд – в 1898 и 1899 – председатель Московского купеческого собрания… И крупный благотворитель: член совета «1-го тверского попечительства о бедных», член попечительского совета Комиссаровского технического училища и Московского коммерческого института, а также общества вспомоществования студентам Высшего технического училища.

Много лет Иван Морозов был одним из самых завидных женихов в Москве, но сердце его было свободно. Наконец, в 1903 году в личном плане наметились перемены: он, как тогда говорили, сошелся с хористкой из ресторана «Яр» Евдокией Кладовщиковой (сценическая фамилия Лозина), которую все звали Досей. Что ж, событие весьма заурядное: практически все девушки-хористки (почитайте рассказ моего любимого Чехова «Хористка»!) были на содержании, поэтому и репутация в обществе у них была соответствующая. Вот и Иван Абрамович не спешил обнародовать свою связь. Но влюбился по-настоящему. В июле 1903 года у них родилась дочь, которую, как и мать, назвали Евдокией, или Досей-младшей.

Человек по натуре порядочный, он разрывался между чувством и сословными предрассудками. Тут в его судьбу вмешались друзья Бахрушины: они познакомились с Досей, Верочка своим проницательным взглядом определила, что девушка хорошая, и велели ему: женись! И 27 июля 1907 года Иван Морозов обвенчался с Евдокией Кладовщиковой, и они уехали в свадебное путешествие в Европу. Позже он официально признал дочь и дал ей свою фамилию.

При всей внешней мягкости этот человек делался непробиваемой гранитной глыбой, когда дело касалось его убеждений или увлечений.

Он бросил вызов и родне и обществу, когда женился на девушке «с подмоченной репутацией» и когда, пожалуй, единственный из Морозовых перешел в православие.

Досю, **Евдокию Сергеевну Морозову** (1885–1959), вскоре приняли все друзья и приятели Ивана Абрамовича, а потом и многие Морозовы, и полюбили за веселый нрав и легкий характер.

В 1903 году на 33-м году жизни скоропостижно скончался старший брат Михаил. А через пять лет – по собственной глупости – уходит из жизни младший брат Арсений[6]. Иван Абрамович остается единственным продолжателем тверской ветви Морозовых.

Серьезные переживания не мешают ему, однако, внимательнейшим образом следить за появлением новых произведений любимых художников. За десять лет Иван Морозов купил почти 600 картин и 30 скульптур. Почти половину составляли произведения русских художников: лирические пейзажи Левитана, сочные натюрморты Машкова, портреты роскошных дам Сомова, причудливые фантазии Врубеля, импрессионистические этюды картин любимого учителя и наставника Коровина, модернистские пастели Головина, авангардистские поиски Гончаровой, реалистичные до гротеска художественные образы Кустодиева и других художников.

Портрет Евдокии Морозовой. *Художник В. Серов*

Иван Морозов. *Художник В. Серов*

Валентин Серов, чьи картины тоже были представлены в морозовской галерее, написал в 1910 году портрет Ивана Морозова – безусловный шедевр живописца.

Кстати, Морозов первым разглядел талант в никому тогда не известном бедном художнике из Витебска Марке Шагале и купил три его картины.

Среди богатого собрания западных художников в коллекции было 50 полотен импрессионистов: Клода Моне, Ренуара, Писсарро, Дега, Сислея, Сезанна; 31 картина постимпрессионистов, в том числе Ван Гога, Гогена; авангардистов; фовистов – Матисса и др. Можно сказать, что Иван Морозов открыл России и миру художников группы «Наби» («Пророки»), создавших свой особый вариант стиля модерн. По его просьбе Пьер Боннар и Морис Дени написали картины специально для перестроенного особняка коллекционера.

Кстати, о перестройке. Как и все, что делал Иван Абрамович, он делал с размахом, привлекая лучшие силы. И в 1905 году он приглашает Льва Кекушева перестроить особняк на Пречистенке под частный музей.

Что ж, Лев Николаевич как никто другой знает, что такое элегантная простота модерна. Поэтому была безжалостно удалена лепнина с анфиладных комнат, которой так увлекалось барокко, а стены обиты полотном жемчужно-зеленого цвета, что придало залам строгий и стильный вид. Комнаты были значительно расширены, а за счет снятия антресолей высота самого большого зала увеличилась до 6 метров, так что они превратились в настоящие выставочные залы. Как в лучших европейских галереях, в крышу встраивается высокий стеклянный фонарь, через который в залы проникал солнечный свет.

Парадный Белый зал и Дубовый зал (бывшая столовая) сохранили до наших дней первоначальную, кекушевскую, отделку и обстановку. Заново, в неоготическом стиле Кекушев отделал кабинет хозяина особняка.

Для концертного зала Иван Морозов заказал серию декоративных панно на сюжет «История Психеи» уже упомянутому «набиду» Морису Дени. И в январе 1909 года художник приезжал в Москву, чтобы на месте посмотреть установку панно.

«У моего Ивана Абрамовича, – написал он в дневнике, – множество русских картин, начиная от Левитана – тонкого пейзажиста, до Сомова и Врубеля, между прочим, и Головин, среди них большой холст Малявина… Дом очень респектабельный, просторный, чистый, обставленный строго, господствуют серые тона. Много цветов, сирени, ландышей, цикламенов… Мой ансамбль панно находится изолированно, в большом, спокойном зале серого камня, с серой шелковой мебелью… Мой колорит звучит сильно…»

Однако Дени показалось, что краски панно выглядят излишне резко на фоне стен, и он его слегка переделывает. Кроме этого, решает для полного развития мифологического сюжета написать еще восемь добавочных холстов, что хозяин особняка горячо одобрил. Послушав совета Дени, Морозов украшает зал скульптурой. У друга Дени Аристида Майоля он заказывает для Концертного зала четыре большие бронзовые фигуры из цикла «Времена года», а сам Дени помимо панно делает для морозовского салона восемь высоких керамических ваз. В итоге морозовский Концертный зал становится уникальным художественным ансамблем.

Над парадной лестницей был размещен триптих «Средиземное море», написанный Пьером Боннаром.

По просьбе хозяина Кекушев сделал так называемую несгораемую комнату, в которую в случае необходимости можно было спрятать всю коллекцию. Это фактически была комната-

сейф: толстые каменные стены, бетонированный потолок, два маленьких окна и двустворчатая дверь были устроены по системе несгораемых шкафов. Кстати, позже, в 1920-х годах, на какое-то время комната эта пригодилась для хранения рукописей Льва Толстого.

И вот, наконец, особняк приобрел законченный вид милой сердцу владельца художественной галереи. Однако любоваться замечательными сокровищами, представленными в ней, могли единицы: друзья и особо выделенные гости, потому что, в отличие от своего друга и наставника Сергея Щукина, который по выходным проводил бесплатные экскурсии по своему собранию-музею, хозяин особняка на Пречистенке не стремился привлечь к себе излишнее внимание.

Но когда в 1906 году Сергей Дягилев попросил его одолжить несколько картин русских художников для выставки «Два века русского искусства», организованной в парижском «Осеннем салоне», Иван Абрамович не отказал. Выставка эта имела огромный успех, и благодарное французское правительство наградило мецената орденом Почетного легиона.

Иван Абрамович мечтал, чтобы его галерея, став самостоятельным музеем, была передана городу, и сделал на этот счет соответствующие распоряжения.

Как тут вдруг случился Октябрьский переворот…

В феврале 1918 года особняк на Пречистенке, № 21 захватили анархисты: просто ввалились в одно не прекрасное утро, топая грязными сапогами и бряцая оружием, и остались, вызывая каждодневный ужас хозяев за сохранность произведений искусства, да и за собственные жизни.

Тем более что они были наслышаны об участи богатейшего собрания старых икон и фарфора кузена Алексея Викуловича Морозова, особняк которого в Барашах (Введенский, ныне Подсосенский переулок, № 21) захватили и разграбили литовские анархисты, уничтожив при этом часть коллекционного фарфора и архив хозяина. И тут Иван Абрамович впервые использовал по назначению несгораемую комнату, куда перенес большое количество произведений искусства.

Осенью 1918 года, когда буйные анархисты наконец-то «съехали», Морозов снова развесил картины в залах второго этажа, «впритык», полностью изменив бывшие экспозиции, потому что на первом этаже его особняка уже было организовано общежитие сотрудников Московского военного округа, а самим бывшим хозяевам были «выделены» для проживания три комнаты на втором этаже.

Так что, когда 19 декабря 1918 года был подписан декрет

Совнаркома о национализации частных художественных коллекций, в том числе и морозовской, Иван Абрамович был этому даже рад: он получил охранную грамоту нового государства от настоящих и будущих «постояльцев».

Коллекцию Морозова назвали Вторым музеем новой западной живописи (Первым музеем стала коллекция Сергея Щукина), а за ее бывшим владельцем закрепили пост пожизненного заместителя хранителя (директора). Хранителем назначили Бориса Николаевича Терновца – слава богу, человека не случайного, искусствоведа и ценителя современной живописи. Вот, кстати, и весь музейный штат. Денежного содержания музею не выделили.

Тем не менее первое время Иван Абрамович с энтузиазмом открывал для гегемона шедевры современной зарубежной и российской живописи, в качестве экскурсовода проводя группы по залам особняка на Пречистенке.

Вот что вспоминала о том времени Татьяна Лебедева – в будущем известная художница Татьяна Маврина, побывавшая на такой экскурсии: «Нас встретил сам хозяин. Серов не случайно изобразил этого московского мецената на экзотическом фоне ослепительного матиссовского натюрморта, стремительный ритм которого и «дикие» сочетания красок еще ярче и выразительнее подчеркнули рыхловатые черты купецкого лица и неуклюжесть характерной бородки клинышком а-ля рюсс…Драгоценные полотна, сплошь покрывавшие стены больших светлых залов, уже не принадлежали этому последнему представителю знаменитой династии, три поколения которой одевали в пестрые ситцы миллионы русских мужичков. Поеживаясь, потому что в залах было прохладно, прищурив близорукие глаза и вяло улыбнувшись… он заговорил… по-французски… мы прошли через коридор в столовую. Столовая довольно шикарная, потолок дубовый, вся… в готическом стиле, огромный камин. Висят картины Гогена, Ван Гога, Пикассо. Через коридорчик мы прошли в довольно большую комнату, где висели Сезанн, Ренуар… Дальше зала с верхним светом с панно Мориса Дени. Зала эта бесподобна…После смотрели кабинет, там висят картины уже русских художников: Коровина, Головина, Серова. Коровина больше всего. Весь кабинет отделан до половины стены красным деревом…»

Представьте себе чувства человека, который каждый день ходил по дому, который теперь не его; смотрел на коллекцию – главное дело своей жизни, – которая теперь ему не принадлежала; более того, дальнейшая судьба ее была туманна… Даже потерю своих фабрик Иван Абрамович пережил легче.

В конце концов Морозовы решают уехать из страны. По одной версии – чуть ли не по подложным паспортам бегут в Швейцарию. По другой – Иван Абрамович с женой, дочерью и племянницей уезжают официально, но помогли в этом люди, которые знали его и ценили то, что он сделал для России.

Как бы то ни было, в начале лета 1919 года бывший владелец особняка на Пречистенке бесследно исчез. Когда в спешном порядке в его доме произвели обыск, выяснилось, что все предметы его уникальной коллекции, страховая стоимость которой в январе 1917 года составляла 560 тысяч рублей, остались на своих местах в целости и сохранности. На его деле в ЧК написали: «Выбыл с семьей в июне 1919 года в Петроград».

Путь четы Морозовых лежал во Францию. А куда же еще, если в этой стране знали кавалера ордена Почетного легиона, ценили Ивана Абрамовича, где у него было немало друзей и хороших знакомых.

Вначале они поселились в парижском Hotel Majestic, что в самом центре французской столицы, потом сняли квартиру в респектабельном 16-м округе.

Ивану Абрамовичу еще со времен студенчества была по сердцу спокойная и надежная Швейцария, и Морозовы поселяются недалеко от Лозанны. Там 15 мая 1920 года Иван Морозов дает свое последнее зарубежное интервью известному французскому журналисту, художественному критику и писателю Феликсу Фенеону. Тот посоветовал коллекционеру, у которого теперь оказалось так много свободного времени, вспомнить юность и заняться живописью. «Я слишком хорошо знаю живопись, чтобы осмелиться ее делать. Но все-таки подумаю над вашим предложением», – ответил Иван Абрамович, иронически улыбнулся и попросил… дать адрес торговца красками. Создавалось такое впечатление, что за судьбу коллекции он совершенно спокоен. «Ни одна русская, ни одна французская картина не пострадала. Коллекция нетронута и находится там же, где я ее основал, во дворце, который украшают «Весна» и «Осень» Боннара и «История Психеи» Дени».

В конце 1920 года Морозовы едут в Лондон, где в банке хранятся значительные средства, принадлежавшие «Товариществу Тверской мануфактуры», – вероятно, не раз порадовался Иван Абрамович своей предусмотрительности.

Казалось бы, теперь можно спокойно жить и радоваться жизни.

Но – вот вам яркий пример! – для Ивана Абрамовича не в деньгах было счастье. Лишившись всего, что было ему дорого, а главное – своей любимой коллекции, он стал угасать на глазах.

«Иван Абрамович принадлежал к разряду людей, сильно падающих духом при нарушении правильного хода их жизни какими-нибудь серьезными случайными обстоятельствами. Мне пришлось быть у него во время первых дней первой революции, и меня потрясло изменившееся его лицо с глазами полными отчаяния, с выступающим потом на лбу, и он с потерею всякой надежды твердил: «Все пропало, все пропало, и мы все погибли!» (*Варенцов Н.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое).

18 апреля 1921 года он пишет и заверяет у адвоката новое завещание: «Находясь в здравом уме и твердой памяти, я, отменяя мое духовное завещание, совершенное мною в 1917 году у нотариуса А.П. Казакова в Москве, завещаю все мое движимое и недвижимое имущество, где бы оно ни находилось и в чем бы ни заключалось, жене моей Евдокии Сергеевне Морозовой».

Как показала жизнь, зря он не разделил наследство между женой и дочерью, зря… Но об этом чуть позже.

В XIX веке врачи любили назначать состоятельным пациентам и от реальных болезней и от хандры одно лечение: на воды. Вот и семья Морозовых в мае 1921 года отправилась в Карлсбад. Считается, что поселились они в роскошном Grandhotel Pupp. Иван Абрамович добросовестно ходил пить целебные карлсбадские воды и на процедуры в водолечебницу.

Вдруг – сердечный приступ, и все… Ему было всего пятьдесят.

Местная газета поместила заметку: «Кайзербад, Лутерштрассе. 22 июля 1921 года в И часов на 50-м году скончался Иван (Жан) Морозов, русский, православный, женатый, промышленник… Дезинфекция и другие принятые санитарные меры: временное захоронение с уложением в гроб, как предписано в регламенте для дальнейшего транспорта».

О дальнейшем развитии событий существует путаница, просто какой-то детектив. Некоторые исследователи, среди которых Наталья Семенова, писали, что гроб с телом Ивана Абрамовича Морозова перевозят в Берлин, затем в Женеву. Вроде как конечной целью этого последнего путешествия должен был стать Париж. Но во французских архивах не нашли документов, подтверждающих это. Хотя газеты писали о трех панихидах по усопшему, которые отслужили в русской церкви на Rue Daru в Париже: «первую – 24 июля по просьбе семьи, вторую, три дня спустя, заказал Союз русских промышленников, а на девятый день – банк И.В. Юнкера, членом совета которого был покойный». Никаких некрологов – только объявление в черной рамке в парижских изданиях «Общее дело» и «Последние новости» и берлинской газете «Руль».

Неблагодарная родина вспомнила мецената единственной заметкой, написанной директором Второго музея новой западной живописи Б.Н. Терновцом в журнале «Среди коллекционеров», которую ему таки потом припомнили и выгнали с работы.

Кончина Ивана Абрамовича породила множество слухов. Среди них упорно повторялись слова Варенцова, что потерявший интерес к жизни меценат перерезал себе вены в берлинской гостинице. Варенцов, как позже выяснилось, просто повторил чей-то слух… Ну и самым загадочным оказалось место захоронения, что позволило журналистам утверждать, что могилы всех трех братьев Морозовых стерты с лица земли.

Но недавно на форуме «Карловы Вары» появилась заметка «А.И. Морозов в Карлсбаде».

leonid: «Найти могилу И.А. Морозова нетрудно, она находится на участке захоронений 1921 года, который располагается у кладбищенской ограды, противоположной главному входу. Надо идти по главной аллее мимо участков воинских захоронений. Надеюсь, что приложенные фотографии помогут…»

Да, и фотографии подтверждают, что именно там нашел последнее упокоение наш выдающийся соотечественник, сделавший так много для культурного развития страны.

Значит, все существующие документы на вывоз тела – просто нереализованная идея, возможно, желание выполнить волю покойного… Дося-старшая не захотела лишних хлопот, напустила туману, да и оставила тело супруга в чужой земле.

Вот тут мы и возвращаемся к завещанию И.А. Морозова, оставившего все супруге, почему-то совершенно обойдя восемнадцатилетнюю дочь. Видимо, все же плохо он знал Евдокию Сергеевну, надеясь, что за будущее дочери не стоит волноваться. Да уж, благородным поступок матери никак не назовешь: через полгода после смерти мужа, когда безутешные вдовы еще траур не снимают, Дося-старшая чуть не силой выпихнула дочь замуж. Правда, партия была вполне себе отличная: Сергей Коновалов был из рода богатых костромских текстильных фабрикантов и щедрых благотворителей, построивших для своих рабочих целый городок с церковью, домами для проживания, училищем, богадельней, яслями и красавцем Народным домом с театральным залом и библиотекой, а также подаривших городу большой парк.

Семья Коноваловых после волнующих перипетий сумела бежать от новой власти в Париж, где вела довольно безбедную жизнь.

После брака отношения между матерью и дочерью оказались

навсегда разорваны. Вдове Ивана Морозова было всего тридцать шесть, и она всецело занялась устройством своего будущего. Только вот как оно сложилось, выяснить не удалось: затерялись в Европе следы бывшей певички из «Яра» и бывшей жены русского миллионера.

А у Евдокии Ивановны в декабре 1922 года в Бонне, где тогда Коноваловы жили, родился сын, названный в честь деда Иваном.

Но что-то не сложилось, и через 15 лет супруги развелись. Красавица Дося вышла замуж за грузинского князя, а потом за дипломата Шарля Леска. А Сергей Александрович Коновалов переехал в Англию и многие годы возглавлял русскую кафедру в Оксфорде.

Их сын Иван Сергеевич (Жан) Коновалов (1922–2002) был женат на Ольге Ильиной-Амитиной (1929–1998). Единственный потомок Ивана Абрамовича Морозова – его правнук Петр Иванович Коновалов (Пьер Коновалофф) – родился в 1953 году. Живет во Франции. Женат на Екатерине Ермаковой (1967 г. р.).

А что же все это время происходило в особняке на Пречистенке, № 21?

1 мая – ах, как же у нас любили все приурочивать к праздникам! – 1919 года там был открыт для публики Второй музей новой западной живописи. Но уже через два года Первый музей новой западной живописи (щукинскую коллекцию) и Второй музей новой западной живописи объединили, потому как власти понадобился особняк Сергея Щукина в Большом Знаменском переулке, № 8.

Так что все картины отправили в бывший особняк Морозова, а освободившееся здание передали военному ведомству (которое цепко держит его и поныне).

В музее на Пречистенке, № 21 количество картин увеличилось вдвое! Часть картин сразу убрали в запасник, чтобы увеличить площадь под экспозицию, прекрасные панно Дени забили щитами и развесили сверху картины. Концертный салон стал залом Матисса. Дубовые панели в готическом кабинете затянули дешевым холстом и повесили картины Пикассо.

Особняк С. Щукина

Музей на Пречистенке, которая уже носила имя анархиста графа П.А. Кропоткина, несколько раз был на грани закрытия, но благодаря вмешательству ряда влиятельных людей (в том числе Г.В. Чичерина и А.С. Бубнова) просуществовал до начала Великой Отечественной войны. Кстати, когда в 30-х годах советское правительство разбазаривало за границу музейные шедевры, этот музей пострадал меньше всех, лишившись всего четырех картин. Правда, картины русских художников из музея изъяли и часть отдали Третьяковской галерее, частично «разбросали» по провинциальным музеям.

В 1941 году картины эвакуировали в Свердловск, а когда в 1944 году привезли обратно в Москву, то ящики и рулоны распаковывать не стали, потому что в стране набирала обороты кампания против безродных космополитов и низкопоклонства перед Западом.

Вот тут-то и проявил себя во всей красе президент Академии художеств СССР Александр Герасимов, до судорог ненавидевший западноевропейское искусство, представленное импрессионистами, постимпрессионистами и пр. Он привел в музей комиссию во главе с «ценителем живописи» маршалом-кавалеристом Климентом Ворошиловым и подвел того прямехонько к «Танцу» Матисса. И рубаке-солдафону все-все про

упадочническое искусство стало понятно…

И ГМНЗИ постановили закрыть. Коллекцию разделили между Музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина и Эрмитажем. А вожделенный особнячок Герасимов прибрал к рукам, то есть в собственность Академии художеств, и занял-таки морозовский кабинет.

Ресторан «Прага» на улице Арбат, № 2 (1906)

Мы еще не говорили о происхождении улицы Арбат, по поводу которой ученые до сих пор не пришли к единому мнению. Часть историков и лингвистов считают, что местность вначале называлась Орбат, потом стала Арбат. И скорее всего, произошло от арабского слова, означающего «пригород», «предместье». Хотя, возможно, и от слова «арба» (*тат.* – повозка), потому что рядом была Колымажная слобода, где повозки делали.

На углу Арбата в середине XIX века на первом этаже доходного дома Фирсановой – ампирного особнячка, построенного в 1824 году, – был недорогой трактир «Прага». Почему «Прага»? Да кто ж знает почему. Вот и посетители трактира – в основном извозчики с Арбатской площади – не знали и переделали на свой лад «Брага»: слово понятное и самую суть хмельного заведения выражает.

«Прага»

О владелице дома **Вере Ивановне Фирсановой** (в первом браке – Воронина, во втором – Ганецкая) (1862–1934) надо рассказать подробнее – она этого заслуживает. Ее отец, Иван Григорьевич, был богачом-лесоторговцем, крупным

домовладельцем и страшным скрягой! Единственную дочку он выдал замуж за В.П. Воронина, служившего в Учетном банке, где хранил свои сбережения: времена были смутные, банки частенько лопались, а тут – не чужой человечек, глядишь, и шепнет, когда пора будет уносить оттуда ноги, то есть деньги. Мужа дочери папаша подобрал по своему аршину: Вера вновь оказалась взаперти у скупердяя.

В конце жизни Иван Григорьевич вдруг вспомнил о душе и стал много заниматься благотворительностью. В качестве председателя Сиротского суда регулярно посещал богадельни, детские дома и приюты, где заразился туберкулезом, от которого вскорости и умер 1 мая 1881 года.

Верочка – единственная наследница отцовских миллионов – горевать не стала. Прежде всего развелась с ненавистным мужем, в качестве отступного (чтобы принял на себя вину за развод) заплатив ему миллион. И тут туго закрученная пружина ее жизни сорвала все ограничители и рванула под небеса: Вера Ивановна в такой разгул ударилась, что видавшая виды Москва только ахнула!

Хотя, надо отдать ей должное, много добрых дел для города делала: вошла в распорядительный комитет Московского попечительского общества и серьезные деньги жертвовала на благотворительность. В 1883 году на ее средства архитектор М.А. Арсеньев выстроил четырех этажный дом для вдов и сирот, который она передала в дар Комитету братолюбивого общества, находившемуся под патронажем самой императрицы.

Вера Ивановна Фирсанова

А еще молодая красавица была ценительницей и покровительницей искусства и привечала самых выдающихся его представителей. Летом к ней в деревню Середниково (имение, принадлежащее ранее Столыпиным) съезжался цвет русской творческой элиты. Здесь пел Федор Шаляпин, играли свои новые произведения Сергей Рахманинов и Георгий Конюс, рисовали

Валентин Серов и Константин Юон…

В 1893 году, чтобы гостям было удобнее добираться, на деньги Веры Ивановны от Москвы был построен участок Николаевской железной дороги и открыт полустанок (в настоящее время платформа Фирсановская или Фирсановка). Кстати, окрестные крестьяне долго вспоминали хозяйку Середникова добрым словом: двухэтажную кирпичную школу открыла, где бесплатно обучали окрестных детишек, местному храму Николая Чудотворца изумительной красоты резные деревянные алтари подарила, паровое отопление провела, кому из деревенских девушек приданое дала, кому из селян в качестве крестной матери их детей помогала…

Но Вера Ивановна практически до конца своей жизни так и не научилась разбираться в мужчинах: уж очень ее тянуло к прохвостам и авантюристам. Вторым ее мужем стал Алексей Ганецкий – сын прославленного генерала, участника Крымской войны Н.С. Ганецкого, кутила и мот, обремененный огромными долгами. Вскоре после женитьбы он с ними рассчитался, так «удачно» участвуя в управлении делами супруги. Поддавшись его уговорам, Вера Ивановна огромные средства вложила в перестройку доставшихся ей в наследство Сандуновских бань – чтобы переплюнуть Хлудовых! – и в строительство рядом Петровского пассажа (архитекторы Б.В. Фрейденберг и С.М. Калугин), который стал украшением города, и москвичи сразу стали называть его Фирсановским пассажем. С Ганецким из-за постоянных измен и карточных долгов (а также фальшивых векселей от ее имени) Вера Ивановна все же развелась со значительной брешью в бюджете…

После Октябрьского переворота она лишилась и денег в банках, и своих домов, и коммерческих предприятий и оказалась в одной комнатке в коммунальной квартире, в доме на Арбате, который ранее целиком принадлежал ей, – да, да, в том самом, что с рестораном «Прага».

Только через десять долгих лет ее друг (как оказалось, и в беде тоже!) Федор Шаляпин устроил ее гримершей в один из московских театров (думаю, это был Большой), отбывающий на гастроли в Париж. Там с 1928 года Вера Ивановна и осела. Целых четыре года она прилагала отчаянные усилия, чтобы вытащить из красной России своего бывшего поверенного и гражданского мужа Виктора Лебедева. И когда уже казалось, что все готово, даже куплен билет в одну сторону, из Москвы пришло известие, что «товарищ В. Лебедев скончался от острого сердечного приступа». Этот «приступ» был вызван элементарным удушением, чего криминалисты как-то «не заметили». Оказывается, он

слишком много знал, работая в комиссии по перераспределению национализированных ценностей. И за эти знания поплатился. Для Веры Ивановны это был тяжелый удар. Она скончалась в Париже в 1934 году.

Ну, теперь, думаю, можно перейти и к трактиру «Прага».

Скоротать вечерок за игрой в бильярд здесь любил живущий напротив, в доме № 5, купец **Петр Семенович Тарарыкин.** Он был асом и однажды на пари с владельцем трактира, на которое тот пошел не иначе, как в запале, уже изрядно проигравшись, сделал игру левой рукой. И получил трактир!

Как он уладил дела с Верой Фирсановой, история умалчивает, но то, что он решил «Брагу», как трактир называли извозчики, перестроить, означает, что стал собственником всего здания или его части. Для воплощения своих представлений о первоклассном заведении Тарарыкин приглашает лучшего московского архитектора – Льва Кекушева.

Каждый знает, что лучше что-то начинать с нуля, чем перекраивать и перестраивать. «Предлагаемые обстоятельства» сильно ограничивают фантазию автора, но и здесь Лев Николаевич проявил себя во всем блеске!

Прежде всего здание было надстроено, фасад украсила открытая терраса с колоннадой, главный вход стал со стороны Арбата. Внутреннее пространство было разбито на пятнадцать небольших залов, оформленных в разных стилях, украшенных зеркалами, лепниной и бронзой, что создало зоны «приватности»: шумные компании, деловые переговоры, старающиеся быть незаметными влюбленные пары – здесь каждый мог найти себе уютное место. Особенно нравился посетителям зимний сад.

«Прага». Вид с Арбатской площади. 1900 г.

Не забыл новый хозяин и про свое увлечение, благодаря которому получил этот лакомый кусок: бильярды у Тарарыкина стали лучшими в Москве.

И вот ярко вспыхнули специально заказанные по эскизам Мастера причудливые светильники и многоярусные люстры из чешского хрусталя, и новый ресторан, внешне похожий на корабль, ведомый рукою опытного «капитана», смело ринулся в пучину бизнеса.

Вскоре ресторан «Прага» стал пользоваться большой популярностью среди московской богемы и интеллигенции.

Как писал «Нестор» московского бытописания начала XX века Владимир Гиляровский: «Был еще за Тверской заставой ресторан «Эльдорадо» Скалкина, «Золотой якорь» на Ивановской улице под Сокольниками, ресторан «Прага», где Тарарыкин сумел соединить все лучшее от «Эрмитажа» и Тестова и даже перещеголял последнего расстегаями «пополам» – из стерляди с осетриной. В «Праге» были лучшие бильярды, где велась приличная игра» («Москва и москвичи»).

Обслуга у Тарарыкина была безупречно вышколена. В дорогих ресторанах обычно жалованье официантам не платили: те жили за счет чаевых. И здесь существовала строгая система: все деньги от клиентов сдавались в общую кассу, а потом старший официант распределял их соразмерно «вкладу» каждого. Попытки

утаить чаевые от товарищей сурово пресекались. Дело в том, что каждый крепко держался за свое место, да практически вся ресторанная обслуга набиралась в Ярославской губернии, – значит, тут вам и родня, и соседи, веками воспитанные на крепкой крестьянской общей поруке.

В ресторане выступали лучшие цыганские ансамбли и самые известные исполнители. Его стены помнили бас Федора Шаляпина, который бывал приглашенным на различные юбилеи и чествования. «На арбатском «пароходе» под названием «Прага» с размахом отмечал пятидесятилетний юбилей своего «книжного дела» крупнейший московский издатель Иван Сытин…» Здесь в зале на втором этаже после венчания «гуляли свадьбу» восемнадцатилетней Анастасии Цветаевой (да, да – сестры Марины Цветаевой) с Борисом Трухачевым. Здесь отмечал свое избрание в действительные члены Академии наук будущий лауреат Нобелевской премии Иван Бунин. Словом, здесь бывал весь цвет творческой и научной интеллигенции, ну и конечно же люди просто богатые, но понимающие, что «Прага» не то место, где можно позволить себе покуражиться и показать «купеческий шик», – для этого были другие заведения, с репутацией попроще.

Дела у Тарарыкина шли отлично, и он решает в 1914 году частично перестроить ресторан, пригласив для этого известного архитектора Адольфа Эрнестовича Эрихсона. Появилась колоннада на крыше и летний сад, в котором было так замечательно в теплые вечера вести неспешную беседу, наслаждаясь «пражской» кухней и красивым видом на Москву.

Узнать подробности жизни Петра Семеновича Тарарыкина не удалось, но то, что человеком он был предприимчивым, с душой широкой и вечной тягой к красоте, история нам донесла. Одним из первых предпринимателей он понял, что «реклама – двигатель прогресса», и придумал рекламу необычную: на всей специально заказанной посуде золотой славянской вязью стояло «Привет от Тарарыкина». Блюдца и пепельницы с памятной надписью нередко растаскивали на сувениры, что хозяина совершенно не расстраивало: напротив, он довольно потирал руки и улыбался, зная, что вместе с этими вещицами «сарафанное радио» будет, как мы сейчас бы сказали, пиарить ресторан и его владельца.

Одно известно точно: не дожил Петр Семенович до революции и экспроприации своего любимого детища. Его дочь Зинаида какое-то время жила в бывшей родительской квартире дома № 5 на Арбате, превращенной в коммуналку. А в 1937 году была репрессирована и сгинула в каком-то колымском лагере.

После 1917 года ресторан закрыли. Чем только не заполняли «дом-пароход»! И Высшими драматическими курсами, и

книжными магазинами «Букинист», «Книжное дело» и «Слово». В одном из залов на втором этаже долгие годы работала библиотека.

В 1924 году здесь была открыта «общедоступная столовая Моссельпрома» (столовая МОСПО).

Владимир Маяковский, частенько в нее захаживающий, написал:

Здоровье – радость, высшее благо,
В столовой Моссельпрома – бывшая «Прага».
Там весело, чисто, светло и уютно,
Обеды вкусны и пиво не мутно!

Потом какое-то время здесь был даже ломбард и аукцион.

«В бывшую «Прагу», аукционный зал, выжившие после Гражданской войны обитатели Арбата понесли остатки былой роскоши: картины, мебель, посуду, фамильные драгоценности, спасенные от патрулей красногвардейцев и чекистов. Этот аукцион описан Ильфом и Петровым в «Двенадцати стульях», как раз здесь великий комбинатор безуспешно пытался купить мебельный гарнитур мадам Петуховой. Но не смог, потому что его компаньон прокутил деньги рядом с аукционом, в арбатской столовой…» (*Колодный Л.* Москва в улицах и лицах).

«Золотое место», на котором стояла «Прага», сыграло в 1930-х годах с рестораном плохую шутку: через Арбат пролегла, как шутили москвичи, «военно-грузинская дорога», связывающая Кремль с кунцевской дачей Сталина – Ближней. Поэтому вся местность была наводнена «людьми в штатском», а общедоступная столовая превратилась в закрытую – для сотрудников НКВД.

Досталось и жителям Арбата: их просеивали через мелкое сито проверок, безжалостно «выбраковывая» всех, у кого в биографии оказывалось хоть маленькое пятнышко. О своих гостях, даже ближайших родственниках, приехавших на короткое время, оставшиеся жильцы были обязаны тут же доложить управдому. Догадываетесь, из какого ведомства?

Лишь в 1954 году после реконструкции, выполненной по проекту архитектора Б.И. Соболевского, ресторан «Прага» был вновь открыт. И стал одним из самых дорогих и фешенебельных ресторанов столицы, куда «человеку с улицы» попасть было практически невозможно. Вскоре и кондитерская «Праги» вернула

себе былую славу лучшей в городе. Многие москвичи и «гости столицы» часами простаивали в очереди в надежде купить фирменные торты «Прага» и «Полет», «Берлинское пирожное», эклеры, приготовленные по старинным рецептам.

В наше время над памятником архитектуры и истории нависла угроза. Вот сообщение из Интернета (Источник: http://jtimes.ru/jewish-world/8-news/economic/499-qql8):

«Легендарный московский ресторан «Прага», стоявший на углу Арбата еще в конце XIX века и бывший тогда крупнейшим в столице, закрыт его новыми владельцами – бизнесменом Умаром Джабраиловым и итальянским дизайнером Роберто Кавалли.

Бизнесмен Умар Джабраилов и известный дизайнер Роберто Кавалли перекупили здание у его владельца Тельмана Исмаилова, по данным ряда осведомленных источников, за 450 млн долларов…»

В справочнике «Москва» такая информация:

Ресторан «Прага»	
⛔	ЗАКРЫТ

В любом случае есть повод прогуляться и проверить это самостоятельно. Даже если не удастся заглянуть вовнутрь, полюбоваться зданием, к которому приложили руку такие талантливые архитекторы, как Лев Николаевич Кекушев и Адольф Эрнестович Эрихсон, вполне можно.

Доходный дом В.Е. Быкова на 2-й Брестской улице, № 19/18 (1909–1910)

В принципе об этом доме я решила написать не потому, что это один из ярких образчиков гения Кекушева, – хотя это так и есть! – а как о ярком примере варварского отношения к нашему культурному наследию.

Называется он «Доходный дом купца Быкова» и находится на углу 2-й Брестской и улицы Фучика (бывший Новый Васильевский переулок).

Доходный дом В.Е. Быкова

Когда мы в 2008 году снимали его для документального фильма «Русский модерн»[7] он еще вызывал уважение обветшалой красотой, сохранив намеки на былое величие. Окна! Да, это первая характерная деталь стиля Кекушева: уникальные рамы из дерева, в которые вставлены специально отлитые выпуклые стекла! Такая красота! Равных им не было в Москве.

Мария Владимировна Нащокина на фоне памятника архитектуры в фильме сказала: «…хотелось бы начать с печальной судьбы этого здания – доходного дома Быкова, построенного по проекту мастера в 1910–1912 годах по 2-й Брестской улице, № 19/18 и находящегося сейчас в плачевном состоянии.

Кадр из документального фильма «Русский модерн»

Несмотря на это, еще можно увидеть характерные для творчества Кекушева детали: пластичная прорисовка криволинейных эркеров, оконные переплеты, придающие фасаду волнообразность. Чудом сохранились выпуклые стекла в оконных рамах первого этажа, маска льва – своеобразная подпись Кекушева в замковом камне проездной арки, декорированные водосточные трубы. Этот безусловный памятник архитектуры, к сожалению, был заявлен на постановку под охрану только в апреле 2007 года. Экспертная же комиссия по этому вопросу не проведена до сих пор. Пока дом не имеет никакого статуса. Мы знаем немало примеров, когда вместо реставрации уникальные особняки сносились, а на их месте мгновенно вырастали помпезные новоделы».

Все-таки надо сказать вначале о самом доме, каким он был после окончания строительства, а потом вернемся к его трагической судьбе.

Купец 2-й гильдии Василий Егорович Быков, занимавшийся печными и строительными работами, которому принадлежал большой участок в центре Москвы, решил застроить его доходными домами и пригласил для этого Льва Кекушева. Сразу скажу, что о самом владельце узнать удалось очень мало: что был членом совета Преображенского богаделенного дома, то есть старообрядской общины, и погребен на Преображенском

кладбище.

Архитектор возвел в 1909 году «многофункциональный комплекс»: на первом этаже располагались офисы и магазины, на трех других этажах были большие четырех– и пятикомнатные квартиры.

При его сооружении были применены самые передовые для своего времени строительные технологии: в частности, железобетонные перекрытия. Дом был оснащен канализацией, горячей водой, паровым отоплением. Служебные помещения и комнаты для прислуги выходили окнами во двор и имели «черную» лестницу.

Раньше закрытая наглухо металлическими воротами арка была сквозной.

«Чтобы колеса случайно не задевали стену и не разрушали каменное основание, кладку укрыли металлическим листом. Это подлинный металл начала XX века, он прекрасно сохранился, и можно даже видеть заклепки, которыми этот металлический лист крепили к стене.

Там сохранилась подлинная оконная «столярка» – дорогая и очень красивого рисунка. Там сохранились подлинные межкомнатные двери, богатые, прекрасно оформленные лестницы с коваными ограждениями, великолепный лепной потолок, лепные розетки на потолках в жилых комнатах, местами сохранился паркет». Цитирую слова одного из самых активных защитников памятника Натальи Самовер.

Да, да, дом Быкова, который пережил и Октябрьский переворот, и Великую Отечественную, на который не поднялась рука «ярых преобразователей» лица столицы в 1930 – 1950-х годах, стал нуждаться в защите от новых владельцев. И этапы этой защиты напоминают просто какой-то детектив. Слава богу, без физических жертв.

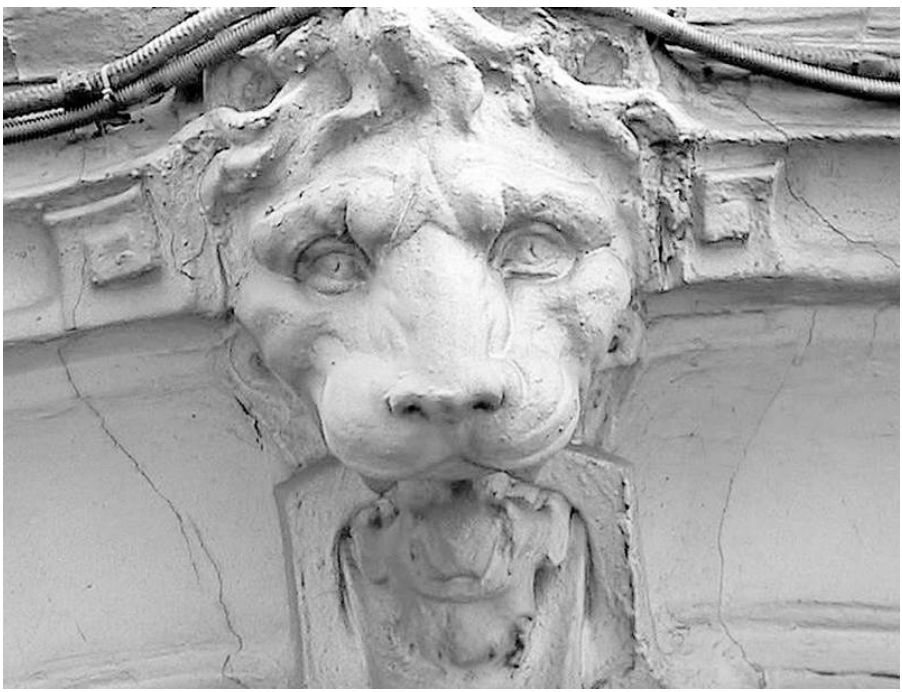
Обладателем 2026,1 квадратного метра в особняке, построенном гением отечественной архитектуры, в конце 1990-х годов стал Институт автоматизации проектирования Российской академии наук. Но новые владельцы не спешили там что-то «автоматизировать и проектировать»: жильцов всех выселили, а дом какое-то время стоял пустой. И ветшал. Вдруг в 2005 году вокруг него начала происходить какая-то работа. Общественность – прежде всего участники проекта «Москва, которой нет», – заинтересовалась и забеспокоилась. Как выяснилось, не зря.

И оказалось – путем сложного сбора разведданных, – что ИАП РАН заключил инвестиционный контракт с фирмой «Финансист», которая планировала снести все постройки, в том числе и дом Быкова, и выстроить на этом месте очередной «шедевр» новодела:

8-этажное офисное здание площадью 25 тысяч квадратных метров с подземной автостоянкой.

Тут уж активисты забили во все колокола! Они добились, что 4 сентября 2009 года правительство Москвы выпустило распоряжение № 2330-РП: «…в связи с тем, что здание по адресу: 2-я Брестская ул., д. 19/18, стр. 1 является выявленным объектом культурного наследия…» любые строительные работы запретить.

Ну, казалось бы, пора праздновать победу! Да не тут-то было. Потому что инвесторы и не думали отступать и выселять из здания обосновавшихся там гастарбайтеров.



Кадр из документального фильма «Русский модерн»

Пока противостояние продолжалось… 16 сентября 2009 средь бела дня в доме Быкова – так «удачно» для инвестора! – вспыхнул сильный пожар.

Экипажи двадцати пожарных машин героически тушили задние в самом центре города. Потушили. В результате пожара дом полностью лишился крыши, выгорели и частично обрушились перекрытия четвертого этажа, здание было обильно пролито водой и пеной, однако исследовавшие его активисты «Архнадзора» обнаружили, что фасады практически не

пострадали, даже осталась цела облицовка глазурованным кирпичом, сохранились фигурные водосточные трубы, лепная маска льва – «подпись» Мастера над аркой, частично сохранились старинные дутые стекла в окнах первого этажа и не тронутые переделками внутренние интерьеры дома: «планировка квартир, потолочная лепнина, паркет, филенчатые межкомнатные двери, кованые лестничные ограждения изящного рисунка и изумительной красоты оконные рамы, изготовленные из практически вечной, негниющей лиственницы».

Дальше события развивались по нарастающей: 22 декабря 2009 года Межведомственная комиссия правительства Москвы под председательством В.И. Ресина приняла решение пойти навстречу просьбе инвестора и рекомендовать снять с дома Быкова охранный статус. Ну и должно все было произойти дальше по известному сценарию: дом Быкова снесли бы быстренько, и любоваться творением Кекушева мы смогли бы лишь на сайте: «Москва, которой нет».

Далее процитирую: «Через пару лет не до конца выгоревший дом обрел новых хозяев. Первое, что они сделали, – уничтожили все сохранившееся от подлинного кекушевского декора: большую львиную маску, уникальные выпуклые линзовые стекла, оконные рамы. Вроде бы даже возбуждено уголовное дело. Но львиную маску из папки с делом на свет уже не вытащишь». (See more at: http: //morebo.ru /tema/segodnj a/item/1354613620577#sthash. UeHtlmAN.dpuf)

Правительство столицы под дружным напором общественности решило исправить ошибку, и 17 апреля 2012 года мэр Москвы Сергей Собянин подписал постановление правительства Москвы № 143-ПП, согласно которому дому Быкова наконец был присвоен статус объекта культурного наследия регионального значения.

Победа! Победа?..

Газета «tmd.ru» № 052 от 12.04.2013: «Суд обязал пользователя здания (Институт автоматизации проектирования РАН) и собственника (РФ в лице Территориального управления Росимущества по городу Москве) не только провести работы по консервации поврежденного пожаром памятника, но и разработать проект реставрации и провести ее».

Но… памятник архитектуры и «объект культурного наследия регионального значения» дом Быкова по адресу 2-я Брестская улица, № 19/18, стр. 1 продолжает разрушаться…

От грустной истории практически утраченного памятника не просто архитектуры, а таланта Льва Кекушева мы перейдем к

грустному итогу самой жизни Гения.

После 1910 года Лев Николаевич практически ничего не строил. Он еще делал проекты – проекты превосходные! – каких-то зданий, но время его любимого модерна безвозвратно ушло, вкусы изменились.

К примеру, его интересный проект для бывшего содержателя хора в ресторане «Золотой якорь» Ильи Арефьевича Скалкина – ресторан «Эльдорадо» в Петровском парке был осуществлен другим архитектором, Н.Д. Поликарповым, с большими отступлениями от замысла Мастера.

Вот что пишет об этом периоде жизни Мария Нащокина, чьи наиболее полные на сегодняшний момент исследования жизни и творчества Кекушева я рекомендую почитать тем, кого заинтересовали личность и творчество выдающегося архитектора: «Середина 1900-х годов что-то сломала в столь успешно складывавшейся карьере архитектора – об этом свидетельствует ощутимый отход его от активной творческой деятельности примерно с 1907 года и полное прекращение ее с 1912 года. Что произошло в его жизни в этот период? Архитектурная печать того времени хранит молчание. По прошествии ста пятидесяти лет со дня рождения и почти века после смерти личность Льва Кекушева по обыкновению почти утратила реальные человеческие черты, она ускользает от нас и из-за отсутствия подробных мемуаров современников и живых свидетельств его потомков… Что мы знаем о личной жизни выдающегося московского зодчего? К сожалению, очень немногое…»

Преображенская больница на улице Преображенский вал, № 19 (1912)

Это двухэтажное краснокирпичное здание было построено для старообрядческой общины федосеевцев поморского согласия. Оно считается последней интересной работой Кекушева. Скорее всего, привлек архитектора к делу его давний заказчик, а возможно, и друг, активный член этой общины, Василий Дмитриевич Носов. Среди жертвователей на строительство и содержание больницы были Гучковы, Морозовы, Рябушинские, Хлудовы…

До сих пор здание не потеряло своей величественной выразительности. Для того времени это было передовое и образцовое медицинское учреждение: просторные коридоры и палаты, высокие потолки, большие окна, кафельный пол, позволяющий соблюдать все санитарно-гигиенические требования…

Преображенская больница

Больница, как и все здания, спроектированные Кекушевым, была прекрасно вписана в городскую среду. В этом месте улица делала небольшой изгиб, и со стороны Никольского монастыря и Измайлова открывался прекрасный вид на главный фасад больницы, имевший выразительную рельефную структуру.

Сегодня здесь находится детский противотуберкулезный диспансер.

Именно в этой больнице – по главной версии исследователей жизни и творчества Кекушева – в полном забвении со стороны родных и недавних восторженных почитателей его гения, в нищете и безумии скончался Великий Архитектор московского модерна Лев Николаевич Кекушев.

Глава 2
Федор Шехтель: бездомный академик

Если Льва Кекушева принято считать родоначальником московского модерна, то **Федора (Франца-Альберта) Осиповича Шехтеля** (26.07. (07.08) 1859–07.07.1926) – равновеликим ему по таланту. Они жили и творили в одно время, построенными ими зданиями – памятниками их гениальности – украшена Москва, но до сих пор в ней не нашлось места для памятников самим гениям.

Ф.О. Шехтель

7 июля 1926 года в маленькой квартирке по улице Малая Дмитровка, № 25, в нищете и забвении умирал самый яркий и выдающийся представитель московского модерна, академик Санкт-Петербургской академии художеств, почетный член

Общества британских архитекторов, архитектурных обществ Рима, Вены, Глазго, Мюнхена, Берлина, Парижа, архитектор Федор Осипович Шехтель. Ему было всего 67 лет.

О чем он думал между приступами боли (рак желудка) и просветлением сознания после морфийного дурмана? О людях, которых любил и которые ценили и любили его? О домах и храмах, которые построил? О родине, которую не покинул, когда была возможность, и которая предательски покинула его? О близких, которые при том огромном богатстве, что он заработал своим талантом и титаническим трудом, остались без средств к существованию?..

Франц-Альберт – такое имя дали ему при рождении – происходил из состоятельной семьи обрусевших немцев, переехавших в Россию из Баварии в XVIII веке и осевших в Саратове. Шехтели торговали вином, золотыми и серебряными изделиями, табаком, разным мануфактурным товаром. Торговля шла успешно, и вскоре Шехтелям уже принадлежало несколько магазинов, доходных домов, гостиница, ткацкая фабрика и крахмальный завод. После смерти деда будущего архитектора, Осипа Осиповича, его дело продолжили пятеро сыновей – Франц, Антон, Иван, Алоиз и Осип, состоявших по завещанию «в нераздельном капитале».

Старший из сыновей Осипа Шехтеля, купец 1-й гильдии Франц Осипович Шехтель, не имел склонности к семейному бизнесу, ему ближе была сфера духовная. Он был в творческо-интеллигентских кругах Саратова личностью известной и уважаемой. В 1840 году он основал первый в городе литературно-музыкальный кружок – Немецкий танцевальный клуб; в 1858 году стал учредителем Коммерческого клуба. А еще построил летний деревянный театр с партером и ложами в своем загородном саду «Тиволи». Именно из него и на том же месте впоследствии «вырос» Саратовский академический театр драмы имени И.А. Слонова (с 1918 по 2003 год – имени Карла Маркса), сцена которого видела многих талантливых артистов, в том числе и Олега Ивановича Янковского.

Младшего из братьев решено было послать на учебу в столицу, и Осип (Иосиф) Осипович Шехтель в 1857 году окончил Санкт-Петербургский технологический институт. Еще будучи студентом, он женился на девушке из петербургской купеческой семьи Дарье Карловне (Розалии-Доротее) Гетлиб. 26 июля (7 августа) 1859 года у них родился сын – будущая гордость российской архитектуры. Там же, в Санкт-Петербурге, родились и старший брат Франца-Альберта Осип (1858), и сестры: Александра (1860), Юлия (1862) и Мария (1863).

Франц Осипович, на плечи которого легли все проблемы семейного бизнеса (троих братьев – Антона, Ивана и Алоиза – уже не было в живых) и хлопоты с любимым детищем – театром, серьезно заболел. Поэтому семье младшего из братьев Шехтелей пришлось в феврале 1866 года вернуться в Саратов.

Дядя будущего архитектора приложил титанические усилия, чтобы добиться аренды на пять лет построенного местной властью городского театра. Ну конечно же поспособствовал тестю и гласный городской думы и потомственный почетный гражданин Т.Е. Жегин – человек просвещенный, пользовавшийся в городе заслуженным авторитетом и женатый на дочери Франца Осиповича Екатерине. Надо сказать, что братья умело руководили театром, спектакли которого имели успех у публики, положительно оценивались критиками, а декорации и костюмы отличались «вкусом и возможною роскошью».

Но надо было такому случиться: в феврале 1867 года отец Франца-Альберта сильно простудился в театре и через месяц мучений в горячке скончался. Не успела семья оплакать потерю, как всего через два месяца не стало и Франца Осиповича. Дарья Карловна осталась с шестью детьми на руках и огромными долгами, на погашение которых ушло все имущество Шехтелей. И бедной женщине пришлось принять непростое решение: отдать двухлетнего Виктора-Иоанна, который родился уже после смерти отца, в семью проживавшего в столице статского советника Ф.К. Дейча, фамилию которого он впоследствии принял. Старшего сына Осипа она определила «на казенный кошт» в Мариинскую земледельческую школу в Николаевском городке, а старшую дочь отдала в семью дальних родственников. На руках у нее остались трое детей, которых надо было кормить, одевать-обувать… Учили детей дома приходящие учителя.

В судьбе несчастной вдовы и сирот принимал самое активное участие Тимофей Ефимович Жегин (1824–1873), женатый на дочери дяди. Именно он в 1871 году помог Дарье Карловне с детьми переехать в Москву, где она стала работать экономкой в доме Павла Михайловича Третьякова. Характер у Дарьи Карловны был непростой, неуживчивый, и место это она получила только благодаря протекции Жегиных. Но надо быть объективными: в доме Третьяковых она прижилась и обязанности свои выполняла отлично.

Так что за свою протеже Жегиным не пришлось краснеть перед друзьями. Люди, знавшие Тимофея Жегина, говорили о нем как о человеке с «золотым сердцем»: после смерти тестя он взял на воспитание и детей брата тестя, Алоиза. Он не делал различий между собственными детьми и племянниками.

А вот Франц-Альберт остался в Саратове, где при поддержке Жегина учился в мужской гимназии, затем в приготовительном училище местной Тираспольской римско-католической епархиальной семинарии, которую закончил в 1875 году. За два года до этого его благодетель Тимофей Ефимович скоропостижно – просто рок какой-то над семьей Шехтелей и их родными! – скончался от воспаления легких в возрасте 49 лет.

Летом 1875 года шестнадцатилетний Франц-Альберт вместе с вдовой Жегина и их детьми переезжает в Москву. Он живет в доме Павла Михайловича Третьякова, у которого работает экономкой его мать. И тот устраивает Шехтеля в мастерскую своего зятя, известного московского архитектора Александра Степановича Каминского (1829–1897). Этот талантливый человек сыграл большую роль в становлении Шехтеля как личности, так и в профессиональном плане.

Вместе с Каминским Шехтель в 1875 году участвовал в проектировании здания «Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III», создал конкурсный проект его фасада в русском стиле. Правда, для строительства был выбран другой проект – архитектора В.О. Шервуда и инженера А.А. Семенова.

Каминский разглядел талант будущего великого архитектора и постоянно привлекал его к работе – это была хорошая школа, где Франц-Альберт постигал азы профессии. Именно Каминский и подтолкнул юношу к решению серьезно учиться, и в 1875 году Шехтель поступает на архитектурное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества на курс известного архитектора Д.Н. Чичагова. Позднее Шехтель вспоминал: «Профессии не выбирал – было решено давно: конечно же архитектурное отделение Училища живописи, ваяния и зодчества».

Шехтель учился вместе с Исааком Левитаном и Николаем Чеховым, братом Антона Павловича. С Николаем – как его прозвали Кокошей – они станут лучшими друзьями, вплоть до самой смерти Николая Павловича в 1889 году.

Младший брат Чехова, Михаил, вспоминал: «Еще будучи совсем молоденьким учеником, посещавшим архитектурные классы, Шехтель часто приходил к нам в 1877 году, когда мы были особенно бедны. Стоило только нашей матери сказать, что у нее нет дров, как он и его товарищ Хемус уже приносили ей под мышками по паре здоровенных поленьев, украденных ими из чужого штабеля по пути».

Подружился Шехтель и с Антоном Чеховым.

Друзьями молодости он будет дорожить всю жизнь. Он любил

Николая Чехова за его «детски-чистую» душу, помогал ему деньгами (он, безусловно, был самым богатым среди друзей, так как имел постоянный заработок), но проклинал Кокошу на чем свет стоит за легкомыслие и необязательность в выполнении заказов, которые по-дружески для него находил. «Рву на себе волосы и зубы с отчаяния: Николай сгинул и замел за собою всякий след…» – писал он Антону Павловичу, умоляя найти брата и заставить его работать. Когда же Николай умер, весть об этом заставила его «бессознательно заплакать», что не часто бывало.

В дружбе Шехтеля с Антоном Чеховым была бездна беззаботности, веселья, дурачества. Если заводились деньги, они ехали кутить в «Московский трактир», затем в «Эрмитаж», ужинали в «Яре» и «Стрельне», отправлялись к «циркисткам» в артистические номера Фальц-Фейна или на представление в кафешантан «Салон де варьете», который извозчики называли не иначе как «Соленый вертеп»…

Под влиянием Антона Чехова не только энергичный Шехтель, но и меланхоличный Левитан становились участниками бесконечных розыгрышей и трагикомических приключений. В этой компании Антона Чехова именовали Вельзевул, элегантного Шехтеля величали Сэр, Николай Чехов за вечную способность исчезать в ответственный момент получил прозвище Калиостро.

В течение всех лет их дружбы Шехтель очень тепло относился к Левитану. Их объединяло многое: полное невзгод детство, унизительная бедность в юности, стремление к красоте и изяществу во всем, неудержимость в творчестве. Когда Чехов и Левитан в 1892 году на три года рассорились из-за убитой чайки[8], Шехтель страдал, пытался соблюдать нейтралитет и очень обрадовался их примирению.

Вместе с братьями Чеховыми, Николаем и Антоном, Франц сотрудничал с журналом «Будильник», а в юмористическом журнале «Сверчок» даже был штатным художником. Своим «картинкам» он не придавал особого значения и подписывал их «Ф. Ш.» или «Финь-Шампань».

А вот книжная графика – дело серьезное, и на этой стезе Шехтель зарекомендовал себя как талантливый оформитель. Антону Павловичу очень нравилась сделанная им обложка к сборнику «Пестрые рассказы». Выполненные Шехтелем обложки к произведениям И.С. Тургенева и ряда других известных авторов, по мнению известного исследователя творчества Шехтеля, историка архитектуры, искусствоведа Евгении Ивановны Кириченко, имеют «не только историческое, но и самостоятельное художественное значение».

Шехтель работал вместе с Каминским более десяти лет – до

1887 года, пока наставник полностью не отошел от дел.

Многие его современники, да и некоторые исследователи тоже, считали, что молодой Шехтель в этот период своей жизни уж слишком «разбрасывался» талантом: и архитектура, и рисование, а также увлечение театром, которое было у него в крови. В 1882 году он стал работать у известного антрепренера Михаила Валентиновича Лентовского – человека яркого и талантливого, актера и режиссера, которого знал еще по Саратову, по летнему театру своего дяди. Для театра народных представлений «Скоморох» Лентовского Шехтель перестроил здание бывшего цирка Гинне на Воздвиженке, затем построил здание для его нового театра. А еще он делал декорации и рисовал эскизы костюмов героев спектаклей. В мае 1883 года в рамках коронационных торжеств Александра III Лентовским было поставлено аллегорическое шествие «Весна красна», для которого Шехтель придумал сказочных персонажей, их костюмы и бутафорию. Шествие имело большой успех, и Лентовский издал альбом «Весна красна» с эскизами оформления и костюмами Шехтеля. Его обложку тоже нарисовал Франц-Альберт.

Почему мы мало знаем об этой стороне его творчества, объясняет Н.А. Попов – театральный режиссер и племянник Шехтеля: «Ф.О. очень легко относился к своим театральным работам, ни с какой стороны не ценил своих эскизов и раздавал их по мастерским, не заботился об их сохранении. И большая часть исчезла бесследно… Шехтель работал полушутя между чертежным столом и бутылкой шампанского, работал, как добродушный гуляка, разбрасывая кругом б лески своей фантазии».

Большая часть театральных работ архитектора исчезла бесследно. У него самого сохранились только два альбома – «Люди-звери» и еще один – с набросками костюмов. Некоторые его работы находятся в частных коллекциях, есть они и в Государственном театральном музее имени А.А. Бахрушина. У Бахрушина в свое время оказался архив Лентовского, в котором было много афиш, рисунков и программ, сделанных Шехтелем.

Трудно представить, что такой огромный объем работы под силу одному человеку! А еще были друзья, о веселых похождениях с которыми ходило множество историй.

И вот итог: 1 сентября 1878 года Шехтеля отчислили из училища с формулировкой «за плохую посещаемость». Мы-то понимаем, что пропуски объяснялись тем, что ему пришлось много работать из-за того, что мать серьезно заболела, взвалить на свои плечи заботу о семье. Но руководство Московского училища живописи, ваяния и зодчества входить в положение

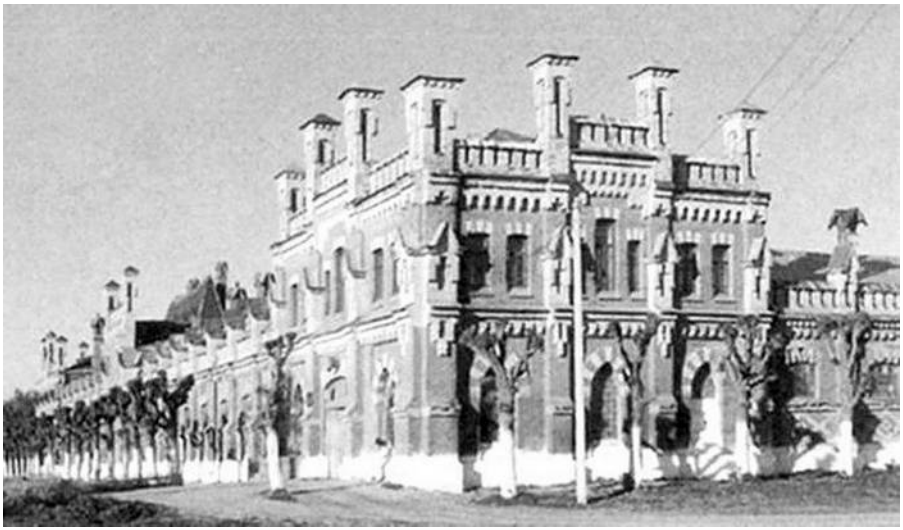
талантливого студента не стало…

Имение С.П. Дервиза в Кирицах

Дружба с Третьяковыми вводит Шехтеля в круг самых богатых купеческих семей, фабрикантов и меценатов. Для них он построит свои лучшие здания в Москве и за ее пределами. А помощь Каминского и благожелательные отзывы бывших преподавателей – в первую очередь Д.Н. Чичагова и К.В. Терского – всегда помогали Шехтелю находить работу. Вернее, это работа находила его.

В начале 1880-х он строит городские особняки, дачи, загородные усадьбы в основном за пределами Москвы. Среди них следует выделить постройки в рязанских имениях братьев Дервиз – сыновей крупного железнодорожного магната Павла Григорьевича фон Дервиза, – в Сохе, Старожилове, Кирицах.

Кирицы – имение Сергея Павловича фон Дервиза – «сказочный замок», в котором счастливо, хотя и недолго, жила семья друга архитектора, а в 1940-х годах снимался фильм «Золушка».



Конюшня в имении Старожилово

И комплекс зданий в Старожилове – целый минигородок с конюшнями, особняком, конторой, молочной фермой и пр. – для младшего из братьев фон Дервизов, коннозаводчика Павла Павловича.

С 1880-х годов Шехтель начинает преподавать: в Классах изящных искусств А.О. Гунста, позже – в Строгановском училище.

Наконец-то он может позволить себе дорогую квартиру на Тверской улице, № 28, куда переезжает с матерью.

15 июля 1887 года Франц Осипович женился на Наталье Тимофеевне Жегиной (1861–1938) – дочери его двоюродной сестры Екатерины Францевны и покойного благодетеля Т.Е. Жегина, то есть на своей троюродной сестре. Девушка красивая, да еще порода Жегиных замечательная: доброта, забота, самоотверженность – это у них в крови. Росли они вместе, видимо, с юности и завязались романтические отношения, которые затем переросли в серьезное чувство на всю жизнь.

Шехтель был человеком рационального склада ума и в то же время прекраснодушным романтиком, верившим, что «любовь все побеждает. Любя искусство, мы творим волшебную сказку, дающую смысл нашей жизни».

Поскольку у Франца не было диплома об образовании, он получил возможность законно заниматься строительными работами, лишь став купцом 2-й гильдии.

В апреле 1888 года у Шехтелей родилась дочь Екатерина, а в июле следующего года – сын Борис. В 1889 году Шехтели

переехали в построенный им собственный дом по адресу: Петербургское шоссе, № 20.

Скорее его можно было назвать загородным особняком, потому что местность находилась за Тверской заставой в Петровском парке. Прожили в этом доме Шехтели недолго: уже в июне 1895 года он был продан директору императорских театров Владимиру Всеволодовичу Всеволожскому. Скорее всего, толчком к перемене мест послужила смерть пятилетнего сына Бориса. Похоронили его на Ваганьковском кладбище. Сам отец оформил надгробие. На этом участке потом нашли последний приют многие члены семьи Шехтель, включая самого архитектора.

Переехала семья в дом № 28 на Тверской улице, где Франц Осипович жил с матерью до женитьбы и во дворе которого находилась его мастерская.

Архитектор вскоре покупает небольшой участок в Ермолаевском переулке и строит особняк для своей семьи. В 1896 году Шехтели переехали в новый дом. Новоселье было приурочено к десятилетнему юбилею супружества – оловянной свадьбе.

После строительства в 1893 году особняка З.Г. Морозовой на Спиридоновке в стиле английской готики к архитектору приходит грандиозный успех!

В том же году в письме к Чехову архитектор пишет: «Работаю я много, впрочем, одно это меня и удовлетворяет и делает более или менее счастливым; я уверен, что без работы я был бы никуда не годен – как часы, не заводимые регулярно и постоянно».

На основании проекта этого особняка, графика которого насчитывала более 700 листов, представленного в Технический-строительный комитет Министерства внутренних дел России, 26 января 1894 года Франц Шехтель получает свидетельство на право производить работы по гражданской строительной и дорожной частям. Это еще не звание «полноценного» архитектора, а только «техник архитектуры». Правда, это уже не имеет никакого значения, потому что слава Шехтеля растет, как и число заказчиков.

По воспоминаниям И.Е. Бондаренко, работавшего в 1895–1896 годах в мастерской Шехтеля помощником архитектора: «Шехтель был образованным, культурным человеком… Работать было интересно. Отдельная мастерская во дворе большого дома тогда Гиршман (ранее Пороховщикова на Тверской). Мастерская была хорошо обставлена, с удобными столами, сделанными по рисунку (Шехтеля. – *Е. К.*); в соседней комнате, украшенной во всю стену французским гобеленом, работал сам Шехтель. Работа шла с 9 до 4 с завтраком в 12 часов… Это не напоминало работы

у Каминского. Здесь веяло свежим духом и большой культурой. Шехтель был другом Левитана, Антона Чехова, его брата Николая Чехова и других литераторов и художников. Бывал ежегодно за границей, знал языки и все время упорно работал…» (у Е.И. Кириченко).

Какое-то время Шехтель отдает предпочтение готике: особняк З.Г. Морозовой на Спиридоновке, особняк М.С. Кузнецова на Первой Мещанской улице, дачный комплекс И.В. Морозова в Петровском парке, собственный дом в Ермолаевском переулке, интерьеры особняков А.В. Морозова в Подсосенском переулке (совместно с М.А. Врубелем) и А.П. Харитоненко на Софийской набережной…

В январе 1895 года Ф.О. Шехтель был принят в Московское архитектурное общество (МАО), членом которого оставался более тридцати лет.

Человек разностороннего дарования, Шехтель всегда с увлечением брался за выполнение не только гражданских сооружений, но и церковных проектов. Сколько он всего построил в разных городах России!

А вот характер Шехтеля в конце XIX века изменился. Общение со старыми друзьями уже не доставляло ему прежней радости.

Чехов написал ему в 1896 году: «В последнее наше свидание… ваше здоровье произвело на меня какое-то неопределенное впечатление. С одной стороны, вы как будто помолодели, окрепли, а с другой, ваши глаза смотрят немножко грустно и вдумчиво, точно у вас ноет что-то или ослабела какая-то струна на гитаре вашей души».

Тяжело Франц перенес смерть друга Левитана в 1900 году, хотя она не была для Шехтеля неожиданностью: тот долго и тяжело болел.

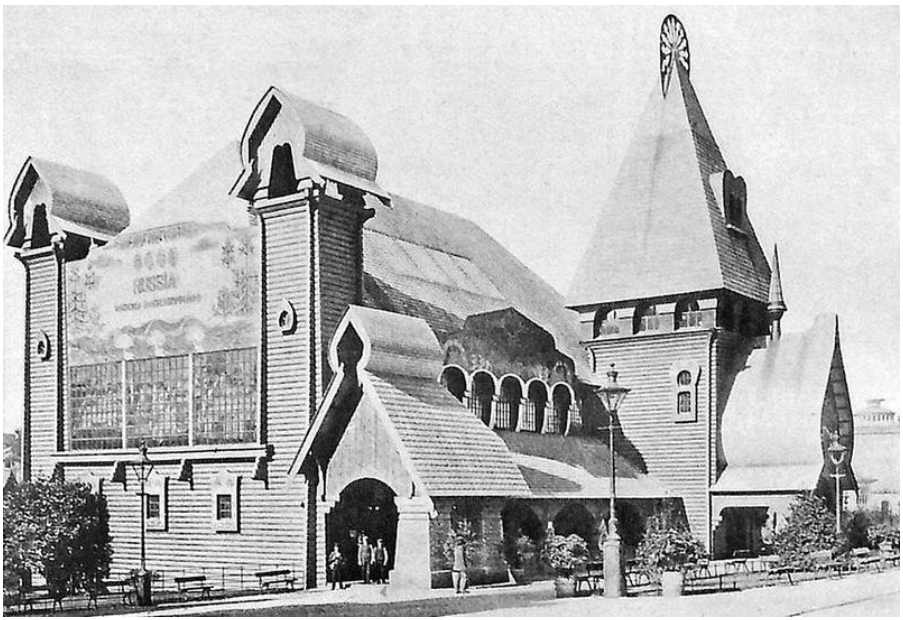
С 1900 года главным стилевым направлением в творчестве Шехтеля становится модерн.

Искусствовед Е.И. Кириченко: «Шехтель был в числе непосредственных создателей нового языка архитектуры, новой системы. Его творчество – одна из вершин первого этапа современной архитектуры, известного в России под названием «модерн».

Этому в немалой степени способствовала поездка Франца Осиповича в апреле 1900 года в Париж на Всемирную выставку.

Об этом стоит рассказать подробнее. Впервые Россия решила участвовать в ней с размахом! Для русского отдела была выделена самая большая экспозиционная площадь – 24 тысячи квадратных метров. На участие в выставке Россия потратила 5

226 895 рублей (из них 2 226 895 рублей выделило правительство, а остальные 3 миллиона рублей – частные вложения). Павильон фарфорового короля Матвея Кузнецова и витрины сахарозаводчика Павла Харитоненко были сооружены по проекту Шехтеля.



Павильоны России на выставке в Глазго

Мировая пресса восторженно отзывалась о русских экспозициях. По итогам выставки французская газета Liberté

написала: «Мы находимся еще под влиянием чувства удивления и восхищения, испытанного нами при посещении русского отдела. В течение немногих лет русская промышленность и торговля приняли такое развитие, которое поражает всех тех, кто имеет возможность составить себе понятие о пути, пройденном в столь короткий срок. Развитие это до такой степени крупное, что наводит на множество размышлений».

Франц Осипович за участие в Парижской выставке был награжден серебряной медалью – а это уже международное признание!

И в 1901 году архитектор принимает участие в Международной торговой выставке в Глазго. Для русского участия он строит павильоны «Центральный», «Сельскохозяйственный», «Лесная промышленность» и «Горное дело».

Сам зодчий считал ансамбль на Международной выставке в Глазго своим лучшим произведением: «Эти постройки, в которых я старался придать русскому стилю суровость и стройность северных построек, мне милы более моих других произведений. Для меня это мой девиз».

И в том же году Шехтель, на счету которого помимо выставочных павильонов уже 45 крупных реализованных проектов, становится академиком архитектуры.

Несмотря на такую загруженность работой, Франц Осипович всегда был в гуще творческой жизни Москвы. Он стал одним из основателей Московского литературно-художественного кружка, в который входили такие замечательные личности, как А.П. Чехов, В.Я. Брюсов, К.С. Станиславский, М.Н. Ермолова, А.И. Южин-Сумбатов, А.Ф. Кони и др.

По свидетельству Владислава Ходасевича, его посещали: Бальмонт, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Мережковский, Венгеров, Айхенвальд, Чуковский, Волошин, Чулков, Городецкий, Маковский, Бердяев, Измайлов…

С момента открытия в 1899 году до закрытия в 1920 этот кружок был средоточием культурной и художественной жизни Москвы.

Франц Осипович к тому же с 1906 по 1922 год был бессменным председателем Московского архитектурного общества (МАО), с 1908 года состоял членом комитета по устройству международных конгрессов архитекторов. Вскоре его имя становится хорошо известным в Европе. Общества британских архитекторов, архитектурных обществ Рима, Вены, Глазго, Мюнхена, Берлина, Парижа избирают его почетным членом.

Подрастали дети, в доме всегда жили родственники и друзья, – словом, семья была большая, и особняк в Ермолаевском ей стал тесен. И в 1909 году архитектор строит новый особняк, на Большой Садовой, № 4, с просторной мастерской рядом. Этот дом видел многих замечательных людей. Сюда с удовольствием приходили не только друзья архитектора, но и приятели детей. Кстати, именно из этого особняка обычно веселый и гостеприимный хозяин чуть не взашей выталкивал нахального крикливого поэта, который ухаживал за его дочкой Верочкой, – Маяковского. Стены особняка украшали произведения известных художников – Врубеля, Левитана, Маковского, саратовских художников, – многие из которых были ему подарены авторами. Архитектор собирал не только картины, – персидские миниатюры, гобелены.

Первая мировая всколыхнула в русском обществе не только такие прекрасные чувства, как патриотизм, самопожертвование, единение перед лицом врага, но и самые низменные: национализм и шовинизм, подозрительность и оголтелый поиск врагов внутренних. Многие обрусевшие немцы, предки которых веками верой и правдой служили России и для которых она давно стала родиной, ощутили это на себе в полной мере.

В 1914 году (по некоторым данным, 1915 год) Франц-Альберт перешел из католичества в православие в церкви Святого Ермолая на Козьем болоте. Это по ее имени назван переулок – Ермолаевский, в котором Шехтель построил себе особняк. В 1932 году церковь снесли, на ее месте – сквер между домами № 6 и 8 на Большой Садовой улице. И стал Франц Федором – под этим именем он и вошел в нашу историю и архитектуру. Его сын Лев пошел еще дальше и взял фамилию матери – Жегин.

После Октябрьского переворота семью Шехтель выгнали из собственного дома, и Федор Осипович вместе с женой и старшей дочерью Екатериной скитались по съемным квартирам. Часть своей богатой художественной коллекции и библиотеки архитектор сумел вывезти и спрятать в помещении Московского архитектурного общества, а часть имущества пришлось постепенно продавать, чтобы иметь какие-то средства к существованию.

Федор Осипович хотел быть полезным новой власти, да и не мог он быть без работы. Он работал во ВХУТЕМАСе, все время делал проекты зданий, заводов, памятников, которые не были приняты… Занимался перестройкой касс, магазина, оркестровой ямы и ремонтными работами в здании МХТ.

В конце 1920 года Ф.О. Шехтель возглавил вновь созданную Художественно-производственную комиссию научно-технического

отдела высшего совета народного хозяйства (ХПК НТО ВСНХ), которая, по словам историка искусства Людмилы Владимировны Сайгиной, «оказала историческое влияние на формирование новых жанров революционного искусства – агитационного фарфора, графики и текстиля».

Словом, как и прежде, он много работал, только вот материальных результатов практически не было. В этот период, пожалуй, единственным реализованным проектом в Москве можно считать Туркестанский павильон на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Нескучном саду.

У Шехтеля не было средств платить за съемные квартиры, и больных родителей со старшей сестрой приютили у себя в небольшой квартире на Малой Дмитровке, 25, кв. 22 Вера с супругом Г.Д. Гиршенбергом.

За три месяца до смерти Шехтель написал отчаянное письмо близкому другу И.Д. Сытину:

«Я ничего не могу есть, ослаб до того, что не могу сидеть; лежать же – еще хуже; у меня остались одни кости да пролежни. Очевидно, я должен умереть голодной смертью… Вы меня не узнаете, мне кажется, у меня на лице один только нос… У меня даже нет средств на лекарства. Между тем я окружен несметными, по-моему, богатствами. Мои коллекции стоят сотни тысяч, но никто не покупает… Продайте все это в музеи, в рассрочку даже, но только, чтобы они кормили жену, дочь и сына Льва Федоровича!

…Я строил всем Морозовым, Рябушинским, фон Дервизам и остался нищим. Глупо, но я чист…»

«Чист» – читай беден. Даже нищ.

Вот так. Прожив такую яркую, насыщенную жизнь, построив по всей России большое число зданий, талантливый архитектор скончался, горько сожалея, что не смог обеспечить будущее своим детям и внукам…

Отпевание Шехтеля прошло в церкви Святого Ермолая на Козьем болоте, в котором он в свое время принял православие. Федор Осипович похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище (15-й участок) на территории фамильного захоронения, которое было сооружено по его проекту в 1895 году.

Вдова архитектора, Наталья Тимофеевна, пережила мужа на восемь лет.

Старшая дочь, **Екатерина** (Китти, как ее звали в семье) Шехтель (1888–1968), замуж так и не вышла и посвятила себя ведению домашнего хозяйства.

Сын, **Лев Федорович Жегин** (1892–1969), учился на

отделении живописи Московского училища живописи, ваяния и зодчества, стал художником и теоретиком искусства, одним из учредителей творческого объединения «Маковец». Наиболее значительный теоретический труд Л.Ф. Жегина – «Язык живописного произведения» был опубликован лишь после его смерти. В юности он близко дружил с Владимиром Маяковским, который все лето 1913 года прожил на даче Шехтелей в Кунцеве, которую все называли Нагорной. Лев Жегин совместно с другом Василием Чекрыгиным (который тоже какое-то время жил в их семье) в том же году иллюстрировал первую книгу стихов Маяковского «Я».

Вера Шехтель (1896–1958) стала художником-оформителем. В юности увлекалась футуризмом. Скорее всего, в результате увлечения футуристом – Владимиром Маяковским, которого ее отец не любил, считая эпатажные эскапады молодого поэта позерством и желанием заморочить дочери голову. Впрочем, он был не далек от истины. Хотя вполне возможно, что поэт какое-то время искренне увлекался симпатичной и талантливой девушкой.

«Мои родители были шокированы [его] поведением», – вспоминает Вера Шехтель, весной и летом 1913 года пережившая бурный роман с Маяковским. «Отец Веры предпринимал все меры, чтобы запретить Маяковскому встречаться с дочерью, но напрасно, и во время одного из таких нежелательных визитов она стала его любовницей. Вера забеременела, и ее отправили за границу делать аборт…» (*Янгфельд Б.* Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг).

В 1918 году Вера вышла замуж за работавшего в мастерской ее отца архитектора Генриха Давидовича Гиршенберга, поляка по национальности. В 1919 году у них родилась дочь Марина (впоследствии театральный художник М.С. Лазарева-Станищева). Муж звал жену с собой в эмиграцию, но она не могла оставить родителей, и он уехал один. В 1923 году супругов заочно развели. Через год Вера Федоровна вышла замуж за ученого секретаря Госплана Сергея Васильевича Тонкова. От этого брака в 1932 году родился сын Вадим, впоследствии заслуженный артист России, ставший известным под сатирической маской Вероники Маврикиевны.

«Мы многое не замечаем, как не замечаем кислорода, которым дышим», – записал как-то Шехтель в своем дневнике.

Ну а мы – слава богу! – замечаем построенные им прекрасные здания, в которые он вложил свой талант и частицу души.

«В 1987 году (по другим данным – в 1991-м) в честь Ф.О. Шехтеля была названа Малая планета № 3967 Shekhteliya,

открытая сотрудником Крымской астрофизической лаборатории Л.И. Черных» (Википедия).

На сегодняшний день известно о более чем 210 архитектурных работах зодчего, большинство из которых были разработаны и осуществлены в Москве и Подмосковье. Около 86 возведенных по проектам Ф.О. Шехтеля сооружений сохранились. Большинство из сохранившихся построек находятся под охраной государства в качестве объектов культурного наследия.

Постройки Федора Шехтеля в Москве

Особняк П.В. Щапова на Бауманской улице, № 58 (1878)

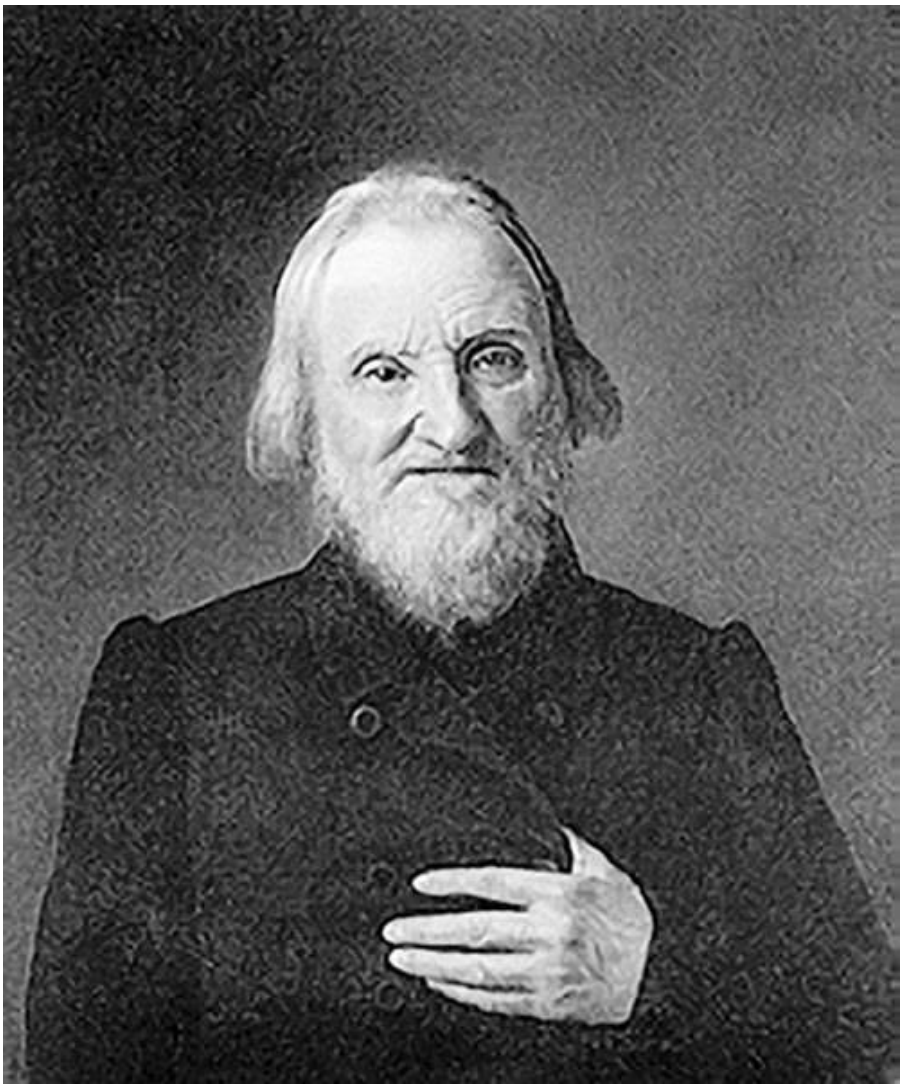
Этот дом – первая постройка Ф.О. Шехтеля в Москве (правда, иногда встречается и другая дата – 1884 —?). Хотя по документам его авторство приписано А.С. Каминскому. Все просто: архитектор тогда не имел права самостоятельной работы, поэтому официально и фигурирует фамилия его наставника, в мастерской которого он трудился десять лет. Но сам зодчий внес это здание на Немецкой (ныне Бауманской) улице в список своих построек, когда оформлял бумаги на предоставление ему звания академика. По воспоминаниям архитектора Н.Д. Виноградова – друга сына зодчего, – Федор Осипович был человеком исключительной порядочности, никогда не выдававший чужих работ за свои.

Особняк П.В. Щапова на Бауманской улице, № 58

Так что мы теперь вполне можем поговорить об истории этого здания.

Далеко заглядывать не станем, но в начале XIX века весь

квартал по Немецкой улице между Аптекарским и Денисовским переулками занимала большая усадьба, ранее состоявшая из двух – графини Е.В. Липы (ближе к Аптекарскому) и генерал-майора М.Я. Ламакина. В 1826 году оба участка приобретает купец **Василий Иванович Щапов** (1790–1864) и строит здесь свою текстильную фабрику. Он был выходцем из Ростова Великого, где его род принадлежал к уникальному сословию сокольих помытчиков, обучающих (тренировавших) соколов и кречетов для охоты.



В.И. Щапов

Предприимчивый Василий Иванович перешел в купеческое сословие и стал заниматься производством мануфактуры. К середине XIX века фабрика купца 2-й гильдии Щапова, на которой работало 485 человек, уже входит в десятку самых крупных и производительных в своей отрасли. На ней ткали «холстинки, саржинки, тик, платки, то есть товар не набивной (ситцы), а узорчатый, тканный в полоску и клетку из английской бумажной пряжи и русской льняной».

Постепенно владения Щаповых разрастаются: взрослеют сыновья, обзаводятся семьями и селятся рядом.

После смерти Василия Ивановича его дело переходит к сыновьям – Петру, Илье и Павлу.

Младший брат, Павел, сразу вышел из семейного дела, взяв свою треть деньгами, и зажил в свое удовольствие. Объективности ради надо сказать, что он был выдающимся библиоманом и собрал богатейшую библиотеку, насчитывающую 30 тысяч томов.

Племянник Павла Васильевича вспоминал, что дядя «женился в 17 лет на красавице дворянке Зинаиде Петровне Хавской, дочери московского историка Петра Васильевича Хавского (1771–1876), купил дом в модной части Москвы, на Поварской, завел лошадей, жил красиво, но быстро прожил свое состояние. Затем развелся с женой и сошелся с ее сестрой Лидией. Его, безденежного, братья взяли на свое содержание и дали на своем участке домик, выходивший в Демидовский переулок. Детей у него не было».

Старшие братья образовали фирму «Братья Петр и Илья Щаповы». Как хотел их отец. Но, к сожалению, деловой жилкой родителя никто из них не обладал. Всеми делами ведал их родственник Михаил Иванович Щапов.

Петр Васильевич (1845–1890) любил хорошую обстановку, книги, путешествия, общественные дела. У него была гражданская жена Ольга Даниловна и два внебрачных сына – Василий и Петр. Детей он официально признал (усыновил), а после смерти Ольги Даниловны женился на красавице Александре Антоновне Орловой, которую привез из Царского Села. Вот на плечи его сына, Петра Петровича, фактически и легли заботы о процветании семейного бизнеса.

Но нас интересует младший из братьев – **Павел Васильевич Щапов** (1848–1888), который и проживал в особняке, построенном Шехтелем.

Павел Васильевич делами фабрики тоже занимался через пень колоду, – его полностью захватило собирательство книг по

истории России. По завещанию его уникальная библиотека, в которой были рукописные и старопечатные книги, была передана Историческому музею.

После его смерти в особняке проживал его племянник **Петр Петрович Щапов** (1870–1939) с семьей.

П.В. Щапов

П.П. Щапов

Он и стал последним собственником торгового дома и фабрики до их национализации в 1918 году. Это он заменил на фабрике ручные станки на механические, построил новый фабричный корпус. Как и положено представителю просвещенного купечества, Петр Петрович занимался благотворительностью и вел большую общественную работу: был

председателем Совета братства для помощи беднейшим прихожанам при Богоявленском соборе в Елохове, входил в Московское купеческое собрание, был гласным (депутатом) Московской городской думы и упомянут в «Золотой книге Российской империи» (1908).

Как у всех Щаповых, у него тоже было даже не хобби – страсть! И ею была филателия. Он собрал одну из самых крупных в России коллекцию почтовых марок. В 1923 году он стал одним из создателей Всероссийского общества филателистов. Вскоре правительство «предложило» ему передать уникальную коллекцию в Центральный музей связи в Санкт-Петербурге, что он и сделал. Правда, этот широкий – и такой дорогой! – жест не спас его от немилости новой власти: в 1938 году П.П. Щапов был арестован и умер в тюремной больнице. А часть его замечательной коллекции была продана за рубеж «для получения иностранной валюты».

Кстати, в советское время на стене дома была мемориальная доска с надписью: «Здесь 31 (18) октября 1905 г. был злодейски убит агентом царской охранки член Московской организации большевиков Николай Эрнестович Бауман». Вообще-то не убит, а смертельно ранен, и не «агентом охранки», а дворником Щаповых. И произошло это после того, как Бауман сорвал государственный флаг со здания фабрики Щаповых… Хотя факта смертоубийства это не отменяет.

А какова судьба самого дома? Его постигла трагическая участь жильцов: «В 1995 году здание было передано ООО «Подмосковье» и в результате «реконструкции» снесено в 1996 году, и построен новодел…

Сейчас участок, где стоял дом Петра Васильевича Щапова, находится в частной собственности» (из Интернета).

Театр «Парадиз» на Большой Никитской улице, № 19 (1884 – фасад здания)

Мой любимый Театр имени Маяковского! Сколько интересных спектаклей я здесь посмотрела! С какими замечательными артистами познакомилась!

Но давайте ближе к теме – к истории самого здания.

Это место было давно известно театральной Москве.

Мемуарист С.П. Жихарев в 1805 году записал в своем «Дневнике»: «На днях, кажется, 2 декабря, в круглой зале Зарубина у Никитских ворот дает концерт скрипач Вальйо, соперник знаменитого Роде, который два года тому назад обворожил Москву…»

Театр «Парадиз»

Во время пожара 1812 года дом поручика Зарубина, где и происходили концерты, сгорел, и долгое время на этом месте было пепелище.

Оно примыкало к владению Глебовых-Стрешневых. Еще в 1768 году здесь поселился сенатор и генерал-аншеф Федор Иванович Глебов. После его смерти в 1799 году владение перешло к его вдове Елизавете Петровне Глебовой (урожденной Стрешневой). С 1803 года род официально именуют Глебовыми-Стрешневыми. С 1864 года домом владеет внучатая племянница генерал-аншефа, Евгения Федоровна Шаховская (в девичестве – фон Бреверн) (1846–1924).

Поскольку наследников мужского пола в роду Глебовых-Стрешневых не случилось, по высочайшему повелению Евгении Федоровне с супругом было дозволено носить фамилию Шаховские-Глебовы-Стрешневы. Евгения Федоровна активно берется за переустройство усадьбы в Покровском-Стрешневе, а также покупает участок с закопченным остовом здания, что остался от круглой залы Зарубина, решив построить театр.

И приглашает для этого известного архитектора Константина Викторовича Терского – преподавателя Шехтеля по Строгановскому училищу и наставника, оказывающего постоянную помощь талантливому, хоть и исключенному студенту. Он доверяет Францу создать проект фасада театра в русском стиле.

Пепелище расчищено, и на этом месте в 1885–1886 годах возводится трехэтажное здание театра. А в 1889 году открывается театр «Парадиз». В создании его интерьеров принимают участие великие художники М. Врубель, В. Васнецов, В. Поленов. Кстати, в феврале 1885 года К.В. Терский строит для Евгении Федоровны парадный зал площадью около 400 квадратных метров в здании рядом. Зал украшали по периметру двадцать колонн коринфского ордера, за что его назвали Белоколонным. В нем супруги проводили общественные собрания, благотворительные концерты и другие мероприятия. Сейчас в этом здании располагается «Геликон-опера».

Но вернемся к владелице – Евгении Федоровне. Это личность настолько яркая и неординарная, что заслуживает того, чтобы рассказать о ее судьбе.

У Шаховских-Глебовых-Стрешневых своих детей, к их огромному сожалению, не было. И весь пыл нерастраченной родительской любви княгиня и ее супруг тратили на детей чужих: состояли в попечительских советах сиротских приютов, жертвовали средства на летние детские колонии, лазареты, ну и на убежища для престарелых.

Как-то княгиня прочитала в английских журналах об организации отдыха школьников с ослабленным здоровьем. И в 1884 году в своем имении Покровское-Стрешнево-Глебово

создала первый в России летний загородный приют для девушек-гимназисток со слабым здоровьем. По таким же принципам потом создавались пионерские лагеря советского времени. Княгиня сама каждое утро посещала девочек и строго следила, чтобы все было в порядке, чтобы 31 воспитанницу не обижали и они ни в чем не нуждались. Каждое утро с фермы княгини им доставлялось парное молоко.

Ее супруг, генерал-лейтенант Михаил Валентинович, кавалер орденов Святого Станислава 1-й степени и Святой Анны 1-й степени, вышел в отставку в 1879 году и полностью посвятил себя общественной деятельности и благотворительности: был мировым участковым судьей, гласным городской думы, почетным опекуном Московского присутствия ведомства учреждений императрицы Марии – за что ему был пожалован орден Белого орла.

После смерти мужа в 1892 году Евгения Федоровна стала одной из богатейших женщин России – уж могла бы пожить в свое удовольствие на собственной вилле Дан-Донато на Французской Ривьере, путешествуя на яхте по Средиземному морю или отправившись куда-нибудь в путь в собственном роскошном вагоне-салоне!.. Так нет же – эта женщина еще больше сил и средств стала отдавать помощи бедным и обездоленным: состояла членом Московского земского попечительного комитета о тюрьмах, попечительницей Александровского убежища, покровительствовала искусству, театру… Во время Русско-японской войны устроила в своем имении Покровское-Стрешнево-Глебово лазарет для раненых воинов.

Часть земель она передала железнодорожному ведомству под строительство дороги. И по решению правления Общества постройки дороги в 1901 году в ее честь была названа железнодорожная станция Шаховская – в Волоколамском уезде, что вблизи ее земельных владений, и выросший рядом поселок.

Надо отдать должное княгине: она была настоящей бизнес-леди: свои многочисленные владения удачно сдавала в аренду, а земли – под дачи.

Выстроенный Терским с участием Шехтеля театр Евгения Федоровна сдала антрепренеру Георгу Парадизу. В 1893 году его снимал Я.В. Щукин для своей Русской оперетты. Кстати, а название так и закрепилось – «Парадиз». Затем здание сдавалось гастролирующим зарубежным и петербургским труппам. Эта сцена видела и слышала Эрнесто Росси, Элеонору Дузе, Сару Бернар, Бенуа Коклен, Эрнста Поссарта… Сама-то я лишь про Сару Бернар и Элеонору Дузе слыхала, а вот для современников все эти имена были звездными.

1 мая 1899 года здесь специально для Чехова артисты Художественного театра повторили «Чайку», на премьеру которой в МХТ автор не смог приехать из Ялты. Здесь С.В. Рахманинов впервые выступил как дирижер Русской частной оперы.

Естественно, революционная власть отобрала у княгини Е.Ф. Шаховской-Глебовой-Стрешневой все, оставив лишь комнату в ее бывшем доме на Большой Никитской, 19. А 29 октября 1919 года она и вовсе была арестована ЧК и приговорена революционным трибуналом к тюремному заключению. Но через два года – не иначе вмешательство сил небесных, ну или сил земных, вспомнивших об огромном количестве добрых дел этой женщины! – ее выпустили.

Евгения Федоровна смогла уехать за границу, и последние годы жизни провела в Париже, в доме на бульваре Курсель, № 30. Там она и скончалась в ноябре 1924 года и похоронена на парижском кладбище Батиньоль.

Ну а в здании на Большой Никитской в 1920 году был создан Театр революционной сатиры (Теревсат), а с 1922 года преобразован в Театр революции, который возглавил Всеволод Мейерхольд.

С 1931 года руководителем театра становится выдающийся актер и режиссер Алексей Дмитриевич Попов. А с 1943 по 1967 год театр возглавлял талантливый актер и режиссер Николай Павлович Охлопков.

С момента прихода в театр в 1968 году гениального Андрея Александровича Гончарова (1918–2001) начинается, пожалуй, самый яркий период в жизни театра, который уже носил имя Маяковского. Он руководил театром более 30 лет, вплоть до своей смерти в 2001 году. С 2002 года художественным руководителем театра стал Сергей Николаевич Арцибашев, до этого 10 лет возглавлявший созданный им «Театр на Покровке». В начале 2011 года в театре разразился кризис, и труппа потребовала снятия Арцибашева. Департамент культуры Москвы принял решение поддержать труппу. И художественным руководителем театра стал литовский режиссер, обладатель многих престижных театральных наград России, Миндаугас Карбаускис.

Театр «Антей» (1886) в районе современной Суворовской площади

На прославленной сцене Театра имени Маяковского в разные годы играли такие замечательные актеры, как Мария Бабанова, Михаил Астангов, Максим Штраух, Лев Свердлин, Фаина Раневская, Лидия Сухаревская, Армен Джигарханян, Ольга Яковлева, Наталья Гундарева, Александр Лазарев-старший и др. Сегодня в спектаклях театра блистают: Игорь Костолевский, Михаил Филиппов, Светлана Немоляева, Евгения Симонова, Ольга Прокофьева, Анатолий Лобоцкий, Анна Ардова и многие другие.

Только вот о замечательной женщине, которой мы обязаны появлением этого театра – княгине Евгении Федоровне Шаховской-Глебовой-Стрешневой, – никто не вспоминает…

Так уж получилось, что следующий рассказ опять о театре. Потому что просто не сказать о нем – хоть он и не сохранился до настоящего времени – нельзя: ведь это был театр, принадлежавший Михаилу Валентиновичу Лентовскому, с которым Шехтеля связывала дружба еще с Саратова и совместная работа. Да еще и самостоятельная работа молодого зодчего. Находился театр на Божедомке в увеселительном саду Эрмитаж.

Но прежде всего надо рассказать о самом Лентовском – человеке ярком и неординарном, много сделавшем для развития театрального дела в России – в особенности массовых театральных постановок.

Михаил Валентинович Лентовский (1843–1906) – русский

артист драматического театра и оперетты, куплетист, режиссер и антрепренер.

М.В. Лентовский

Родился он в Саратове, в семье бедного музыканта и с детства грезил сценой. Судьба его была бесповоротно решена, когда со спектаклем в город приехал великий актер Михаил Щепкин. Промаявшись какое-то время, Лентовский решился и написал своему кумиру. Тот, тронутый его письмом, посылает юноше денег на дорогу и на первое время решает приютить у себя в

доме. Он протежирует ему для поступления в театральное училище при Малом театре, но, к сожалению, больше помочь ничем молодому человеку актер не сумел, потому что вскоре скончался.

Молодое дарование – что признавали все – отличалось крайне невоздержанным и неуживчивым характером, поэтому вскоре его попросили из труппы Малого театра, посоветовав набраться опыта на периферии. И на целых восемь лет у Лентовского растянулось путешествие по провинциальным театрам: Орел, Казань, Саратов, Харьков, Одесса и др. Там он пробует себя и в качестве режиссера, и довольно успешно.

В начале 1870-х годов он открыл в санкт-петербургской Новой Деревне собственный увеселительный сад «Кинь грусть». Но не сказать, что дела шли успешно, потому что в 1873 году Лентовский возвращается в Малый театр, где играет опереточные роли. Хороший голос, яркая внешность, кураж на сцене, заражающий зал – все это делает его известным театральной Москве. Затем он переходит в драматическое амплуа, параллельно ставя бенефисы, водевили…

Но его буйный темперамент создает проблемы руководству театра, и оно – руководство – решает избавиться от неуправляемого артиста: «В связи с преобразованием штатов и сокращением актерского состава Лентовский с собственного его согласия был уволен от службы в Малом театре 1 ноября 1882 (звание артиста императорских театров за ним сохранено)».

И тогда Лентовский, отказавшись от заманчивого предложения директора императорских театров Ивана Александровича Всеволожского, предложившего ему должность оперного режиссера, решает создать собственный театр.

Вначале это был Театр народных представлений «Скоморох», просуществовавший неполные два сезона, потом «опереточный театр» на Пресне, который сразу стал пользоваться большим успехом, что позволило Михаилу Валентиновичу взять в аренду сад Эрмитаж на Божедомке. И Франц Шехтель строит там летний «Фантастический театр».

Лентовский так описал архитектору идею: «…Неизвестное семейство приехало летом в имение, расположенное вблизи развалин замка. Молодые люди отправляются гулять и осматривают замок. Одна из частей его удивительно напоминает театр: большой полукруглый амфитеатр, обставленный высокими каменными глыбами, по которым ползет и вьется зелень. Сцена также задрапирована растительностью».

Новый театр поражает Москву доселе невиданным размахом и яркостью театрализованных зрелищ. Кстати, декорации,

костюмы артистов, афиши и программки были оформлены Шехтелем.

Восторженное описание «Фантастического театра» оставил человек, всегда настроенный критически, которого не так просто было поразить, – А.П. Чехов:

«Театр сей воздвигнут на стогнах сада «Эрмитаж», в одном из тех пустопорожних мест, которые доселе были ни богу свечкой, ни черту кочергой. О начале представления дают знать звоном в здоровеннейший вокзальный колокол… Вообразите себе лес. В лесу поляна. На поляне огромнейшим брандмауэром возвышается более всех уцелевшая стена стариннейшего средневекового замка. Стена давно уже облупилась; она поросла мхом, лебедой и крапивой. Она одна уже дает вам некоторое представление о тех поэтических руинах, которые вы так привыкли встречать в иностранных романах. От этой стены к зрителю и в стороны идут более и совсем уже развалившиеся стены замка. Из-за развалин сиротливо и угрюмо выглядывают деревья, бывшие свидетели тех благообразий и безобразий, которые совершались в замке. Деревья высушены временем: они голы. На площадке, которой окружены развалины и были прежде «полами» замка, заседает публика. Пересечения стен и разрушившихся простенков изображают собой ложи. Вокруг замка рвы, в которых теряются ваши глаза… Во рвах разноцветные фантастические огни с тенями и полутенями. Все прелестно, фантастично, волшебно. Не хватает только летающих сов, соловья, певшего те же самые песни, которые пелись около замка, когда он еще не был разрушен… Развалины освещены электричеством. Нам кажется, что стена с занавесом освещена слишком. Искусственное освещение, пущенное неумеренно, стушевывает несколько фантастичность.

Вся суть, разумеется, в фантастичности. Нужно стараться, чтобы фантастичность не пропадала во все время, пока зритель глядит на развалины, иначе пропадет очарование. Очарование пропадает бесследно, когда занавес, устроенный в одной из стен, распадается и вы видите на банальной сцене банального любовника, ревнивых мужей и бешеных тещ… По нашему мнению, водевили, дающиеся на сцене «Фантастического театра», нужно заменить чем-нибудь другим, не портящим общего впечатления…»

Великий режиссер и теоретик театрального искусства К.С. Станиславский отзывался о Лентовском так: «Энергией этого исключительного человека было создано летнее театральное предприятие, невиданное нигде в мире по разнообразию, богатству и широте».

Но летний театр для московского климата – большие убытки. Вот и «замахнулся» Лентовский на свой театр «под крышей».

Им и стал построенный Шехтелем «Антей».

«В оформлении «Антея» он искусно применил живопись с использованием элементов декоративной системы помпейских фресок в качестве фриза, в простенки включил живописные панно, которые по его эскизам выполняли Н. Чехов, Н. Турлыгин, К. Коровин. Сохранилось описание «Антея» в день его открытия, прекрасно передающее и атмосферу того времени: «Во вторник, 6 мая, в саду «Эрмитаж» состоялось открытие театра «Антей» М.В. Лентовского. Новый театр сооружен по совершенно оригинальному проекту Ф.О. Шехтеля в течение 48 дней. Снаружи это очень изящное здание в греко-помпеевском стиле, внутри – громадная зрительная зала, второй ярус которой отдан под ресторан: здесь в ложах, во время самого действия, можно получать кушанья, чай, вино и так далее.

Позади лож устроена широкая галерея, с платой по полтиннику за вход. На красиво декорированных эстрадах по бокам сцены помещаются и поют в антрактах хоры цыган и русских певиц. Карниз плафона украшен фресками в помпеевском стиле, а простенки залы художественными панно на мотивы из «Орфея» и «Прекрасной Елены». Зелень, зеркала и садовая нарядная мебель придают всему театру чрезвычайно симпатичный отпечаток. Входные коридоры убраны ноздреватою массою и ползучими растениями и освещаются алыми и голубыми лампочками. Сцена оправлена в рамку – единственная новинка, позаимствованная г. Шехтелем из театра лондонского типа. Некоторые из отдельных кабинетов ресторана снабжены балкончиками, выходящими на пристань пруда, противоположный берег которого предложено декорировать в самом непродолжительном времени. Освещается театр «Антей» газом и электрическими фонарями» (из книги Кириченко Е., Сайгиной Л. «Романтический зодчий модерна Федор Шехтель»).

Вот уж где Лентовский дал разгуляться своей режиссерской фантазии! В феерии «Путешествие на Луну», потрясшей искушенного московского зрителя, принимали участие 467 человек! Да и стоимость постановки тоже выходила за грани разумного – 54 тысячи рублей! Кстати, за такие деньги можно было каменный двухэтажный домик в центре Москвы прикупить. А в спектакле К.А. Тарновского «Нена-Саиб» на сцене появлялся корабль в натуральную величину, управляемый настоящими матросами.

Но дорогостоящие постановки, несмотря на шумный успех, все-таки разорили Лентовского. В 1894 году сад Эрмитаж был

закрыт. Никто не рискнул на том же месте продолжить дело антрепренера.

А.В. Амфитеатров писал в газете «Театральные известия» № 2 за 1894 год: «Истекшее лето подписало бесповоротно смертный приговор «Эрмитажу»… Владелица г-жа Ханыкова продала все строения на снос, разбила землю на участки и сдает их в аренду… На месте, четырнадцать лет служившем центром веселящейся Москвы и почвой для миллионных оборотов антрепризы, на месте, с которым связана лучшая эпоха созидательного таланта Лентовского и расцвет оперетки – нарождение лучших сил ее, – будут мелочные лавочки и кабаки. А его даровитый создатель, преследуемый неудачами, забыт той толпой, которая некогда ему восторженно рукоплескала. Гибель «Эрмитажа» – драматическая страница в истории московского театра…»

Лентовского еще будут привлекать к режиссуре другие театры, но он уже стал совсем другим человеком – сломленным и разочарованным.

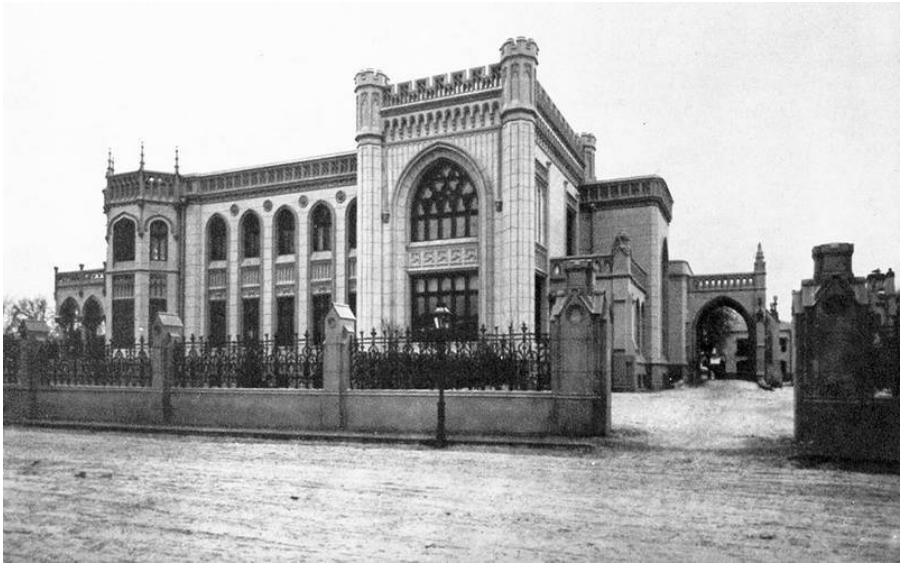
И декабря 1906 года он умрет в больнице забытый своими вчерашними восторженными почитателями…

Новый век – новые имена.

Особняк З.Г. Морозовой на Спиридоновке, № 17 (1893–1898)

По всеобщему признанию этот особняк является одним из самых ярких творений Шехтеля. Хотя построен он не в стиле модерн, а готики, – ну как пройти мимо него?

Франц Шехтель был знаком со многими богатейшими людьми Москвы – купцами новой формации, понимающими и ценящими искусство. Но самостоятельно он особняков еще не строил – в основном загородные усадьбы и дачи. Надо отдать должное миллионеру Савве Морозову в том, что сумел разглядеть гений в молодом зодчем, уже, кстати, построившем для него дачу в загородном имении Киржач, которая и ему самому и гостям так нравилась.



Особняк З.Г. Морозовой

И Морозов поручил Францу Осиповичу построить особняк для супруги, какого не было еще на Москве, как памятник своей любви.

История отношений этих людей удивительная, полна такого накала страсти и драматизма, что обойти ее молчанием никак нельзя. Хотя и растиражирована достаточно. Но надеюсь, что вы все же сможете узнать что-то новое.

О **Савве Тимофеевиче Морозове** (1862–1905) – крупнейшем российском предпринимателе, меценате и благотворителе – известно и написано так много, что нет смысла здесь все пересказывать. Нас больше интересуют его отношения с супругой, Зинаидой Григорьевной (1867–1947).

Современники отзывались о ней по-разному: и красавицей называли, и, наоборот, особую красоту отрицали… Но все сходились в одном: у этой женщины было такое обаяние, природный ум, что почти всех это к ней располагало.

С.Т. Морозов

Глядя на ее фотографии – а на этой она уже далеко не в молодом возрасте, – я бы согласилась с первым утверждением.

Зиновия – именно такое у нее было имя – родилась в Орехово-Зуеве. Ее отец, почетный гражданин, купец 2-й гильдии Григорий Ефимович Зимин, был одним из директоров «Товарищества Зуевской мануфактуры И.Н. Зимина», а дядя,

Сергей Иванович Зимин, член этого же товарищества, был основателем «Частной оперы Зимина» в Москве. Вот так судьба тогда переплетала самые известные купеческие фамилии.

Семнадцати лет от роду ее выдали замуж за Сергея Викуловича Морозова. Родителям, понятное дело, было приятно породниться с одним из богатейших купеческих кланов России, да еще такой же старой веры, как сами, а что же юная девушка? Да кто ее спрашивал? С напутствием «стерпится – слюбится» отправили дочку в чужой дом.

Да вот как-то отношения мужа с женой не заладились. Не слюбилось…

Зинаида Григорьевна Морозова. *Фото 1896 г.*

Много интересной документальной информации о Морозовых собрала Анна Федорец в книге «Савва Морозов». Иногда буду на нее ссылаться.

«Одна из современниц, хорошо знавшая супругов Морозовых, писала об их взаимоотношениях: «Не думаю, чтоб любовь была. Просто она была очень бойкая, энергичная, а он

слабохарактерный, нервный очень. И очень хорош собою, волосы хорошие. Чем-то на француза походил». Безвольность мужа, его страсть к азартным играм и скачкам, а также полное нежелание заниматься семейным делом вряд ли были по нутру энергичной Зинаиде Григорьевне. То, что в первом, недолгом, браке купеческая дочь жила без любви, подтверждают ее собственные воспоминания: «Он очень меня любил, но всегда мне говорил: «Я тебе не пара». Он был немного странный человек, и я его любила, как друга».

Но всем известно, что на «дружеских» отношениях нормальная семья, да еще людей молодых, держаться не может. Сергей Викулович предпочитал компании друзей. Как в тот вечер, на который все местное общество стремилось попасть в «Клуб служащих» «Никольской мануфактуры», потому как устраивал бал сам владелец, Савва Морозов, а он взял и отправился на охоту.

И обиженная Зинаида – именно так она предпочитала, чтобы ее называли, – решила: поеду, и все тут! Это был смелый, даже эпатажный поступок: женщина всегда должна быть при мужчине, считало общество, или сидеть дома. А тут молодая, красивая, с вызовом во взгляде входит в зал одна. Дамы зашушукались, мужчины неодобрительно скривили губы… Зинаида стояла в круге отчуждения.

Через весь зал к ней подошел устроитель вечера, ободряюще улыбнулся, взял под руку и повел за собой. Девушка посмотрела на него с такой благодарностью, словно он бросил ей, тонущей, спасательный круг. И этот взгляд растопил сердце первого холостяка Москвы и окрестностей Саввы Морозова. Так начался их бурный роман, бросивший вызов общественной морали: Зинаида ведь была замужем, да еще за двоюродным племянником Саввы Тимофеевича! А уж как это восприняли старообрядческие семьи обоих, верные вековым укладам предков, – гадать не приходится.

Вскоре слухи об этой срамной связи дошли до Марии Федоровны Морозовой – женщины суровой и набожной. Она и так и эдак подступала с расспросами, требовала, грозилась карами, но сын молчал.

Если, обсуждая этот роман, о поступке Саввы Морозова говорили иронично и снисходительно, то на долю Зинаиды сполна было отмерено общественного осуждения. Муж поступил благородно: увез жену в Крым, в надежде, что разлука излечит ее от пагубной страсти. Но влюбленная женщина там почти все время рыдала, а потом решилась…

26 января 1887 года решением Владимирского окружного суда брак Зинаиды Григорьевны и Сергея Викуловича Морозовых

был расторгнут. Относительно легко, потому что у супругов не было детей.

Савва и Зинаида стали встречаться открыто. Несмотря на то, что их родители были просто в шоке. Мать Саввы Тимофеевича решила сменить тактику и затаилась, надеясь на то, что страсть, которую, возможно, разогревали запреты, перегорит. Не дождалась: через два с половиной года сын поставил ее перед фактом: ждем ребенка, женимся!

Но это известие не вызвало радости ни в стане Морозовых, ни у Зиминых. Зинаида Григорьевна вспоминала: «Когда разъехались мы с Сергеем да пошла я по второму разу под венец… сказал родитель: «Мне бы, дочка, легче в гробу тебя видеть, чем такой позор терпеть».

Матушка, Мария Федоровна, вместо благословения сказала сыну: «Да уж порадовал ты меня, Саввушка. Первый жених на Москве, а кого в дом привел… Что бесприданница твоя Зиновия – еще полбеды, разводка – вот что плохо».

Свадьба Саввы Тимофеевича и Зинаиды Григорьевны состоялась 24 июня 1888 года. Жениху было 26 лет, невесте – 21 год, и она становится дважды Морозовой. Вероятно, событие прошло скоро и незаметно, потому как газеты о нем не писали, и молодые уехали в Англию. А по возвращении поселились на Никитской улице.

А потом супруг решил подарить жене особняк. И по проекту Шехтеля в 1893 году началось строительство на Спиридоновке, что близ Патриарших прудов. Англоман Морозов хотел, чтобы это был романтический замок в викторианском стиле. Такой, чтобы было сразу видно: в этом доме есть не только деньги, но и традиции и вкус.

За два месяца молодой архитектор, который в то время сам увлекался готикой, выполнил около 600 чертежей, тщательно прорабатывая не только детали самого здания, но и его интерьер – вплоть до мебели, люстр и светильников, дверных ручек, каминных решеток, рисунков ткани штор и мебельной обивки… Золотой орнамент на голубом шелке обивки стен очень напоминал французские королевские лилии – ироническая параллель?..

«Увлекавшийся всем новым, Шехтель соединил рационализм готики с романтизмом и одухотворенностью модерна. Одним из первых в русской архитектуре он использовал принцип живописного планирования, свободы в размещении комнат, отказавшись от обязательной симметрии» (с сайта www.moscow_gothica).

Кстати, впервые к работе над дизайном интерьеров он

привлек своего друга, тогда никому не известного художника Михаила Врубеля. По его эскизам была изготовлена скульптурная группа «Роберт и монахини», украшающая подножие светильника на парадной лестнице холла, образы которой навеяны оперой Джакомо Мейербера «Роберт-дьявол». А также витраж «Рыцарь», три панно для малой готической гостиной – «Утро», «Полдень», «Вечер», на которых аллегорические фигуры символизировали природу.

Огромную люстру для столовой создали на фабрике Постниковых, камин из радомского песчаника – в мастерской Захарова, а лестницы и дубовые панели вестибюля и аванзала изготовили резчики знаменитой фабрики художественной мебели Павла Шмита, поставщика императорского двора.

Главное, что «читалось» в облике здания и в его интерьерах, – изысканный стиль, безупречный вкус и чувство меры, которое, надо признать, самой хозяйке изменяло в дальнейшей переделке «под себя».

Об особняке «купчихи Морозовой» говорила вся Москва. Но еще больше пищи для пересудов дал грандиозный бал по случаю новоселья, на котором была торговофинансовая элита и аристократия, писатели и художники, – словом, весь свет и цвет Москвы.

Князь Сергей Александрович Щербатов, прославившийся не своим титулом, а как художник, коллекционер и меценат, писал: «Таким интересным явлением был вновь выстроенный дворец огромных размеров и необычайно роскошный в англо-готическом стиле на Спиридоновке богатейшего и умнейшего из купцов Саввы Тимофеевича Морозова… Я с отцом поехал на торжественное открытие этого нового московского «чуда». На этот вечер собралось все именитое купечество. Хозяйка, Зинаида Григорьевна Морозова… большого ума, с прирожденным тактом, ловкая, с вкрадчивым выражением черных умных глаз на некрасивом, но значительном лице, вся увешанная дивными жемчугами, принимала гостей с поистине королевским величием…»

Многие же осуждали хозяйку за чрезмерное желание быть первой во всем, не могли простить ей происхождения, которое она сама изо всех сил старалась забыть, называли «кривлякой» (выражение В.И. Немировича-Данченко).

Зинаида Григорьевна азартно стала восполнять пробелы образования и воспитания, привлекая для этого лучших учителей и воспитателей, и, как сейчас бы сказали, дизайнеров и стилистов.

«Преподаватели разных наук, учителя иностранных языков,

воспитательницы, портнихи и парикмахеры немедленно окружили ее и чрезвычайно быстро, благодаря ее природным способностям, превратили ее в великосветскую даму» (*Бахрушин Ю.А.* Воспоминания).

А вот Андрей Белый написал о ней так просто и так искренне: «В комнату вошла Сказка тихими неслышными шагами. У нее было светло-серое платье, и на нем были нашиты серебряно-бледные листья. В рыжих волосах горела бриллиантовая звезда. Она ступала тихо и мягко, как бы пряча свое изящество в простоте. Это был верх аристократической естественности…»

Вскоре салон Зинаиды Григорьевны становится одним из самых известных и модных в Первопрестольной. Частыми гостями здесь были К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко, В.И. Качалов и Л.В. Собинов, А.П. Чехов и О.Л. Книппер-Чехова, И.И. Левитан и А.Н. Бенуа, словом, цвет театральной и художественной интеллигенции. В своих воспоминаниях Морозова рассказывает и о дружеских отношениях с Федором Шаляпиным: «Он приезжал и пел как райская птица у меня в будуаре. Обедал у нас запросто, и я помню, раз он приехал, а я лежала у себя с больной ногой (подвернула ее), и обедать идти в столовую мне было трудно. Он сказал, что меня донесет. Я думала, что он шутит. Вдруг он схватил меня и понес…»

У нее запросто бывали государственные деятели, политики, видные адвокаты. В своих воспоминаниях она – не без кокетства – описывает такой разговор с министром финансов С.Ю. Витте: «С[ергей] Ю[льевич] бывал у меня со своей женой, Мат[ильдой] Ивановной, и когда я ездила в Ялту, то всегда заезжала к ним. С[ергей] Ю[льевич] обыкновенно говорил со мной о делах, всегда спрашивал моего мнения, на что я всегда шутливо отвечала: «Ну что я, баба, понимаю?» А он отвечал: «А все-таки скажите ваше мнение».

Правда, многие судачили о «разношерстной публике», собирающейся на рауты хозяйки.

Антон Павлович Чехов, близко подружившийся с четой Морозовых, с горечью писал жене: «Зачем Морозов Савва пускает к себе аристократов? Ведь они наедятся, а потом, выйдя от него, хохочут над ним, как над якутом. Я бы этих скотов палкой гнал».

Но сам Савва Тимофеевич редко бывал на светских мероприятиях супруги: молчаливый, просто – но дорого – одетый, он недолго сидел в сторонке, а потом и вовсе исчезал. Он не разделял увлечения жены чрезмерной роскошью и именитыми гостями, но снисходительно прощал ей эти слабости, понимая, что супруга пытается взять реванш за те годы, что была для московского общества парией.

Морозов беспрекословно оплачивал астрономические счета за ее парижские туалеты и драгоценности.

«К дорогим туалетам жены Савва Тимофеевич относился философски: «Коли нравится тебе, модница, стало быть, хорошо. Носи на здоровье». Поощрял он и увлечения Зинаиды Григорьевны – коллекционирование фарфора, а также разведение цветов, на что ежегодно затрачивалось от двух тысяч до четырех тысяч рублей. Его внук, со слов самой Зинаиды Григорьевны, писал: «…Морозов понимал, что и поездка в обществе камергеров и статс-дам за город… и благотворительный базар в пользу нижегородских сирот, затеянный ею, все это не повредит доброму имени Никольской мануфактуры… Ну, да что там: руку на сердце положа, льстил Савве Тимофеевичу ореол, который окружал его супругу» (из книги Анны Федорец «Савва Морозов»).

А вот в 1896 году на Нижегородской Всероссийской выставке из-за чрезмерного тщеславия Зинаиды Григорьевны случился казус: шлейф ее бального платья был длиннее шлейфа императрицы Александры Федоровны, о чем мануфактур-советнику С.Т. Морозову, которому была оказана честь в качестве председателя Нижегородского ярмарочного комитета приветствовать государя Николая Александровича от лица российского купечества, было сделано замечание.

Максим Горький, когда еще числился в друзьях Саввы Тимофеевича и часто бывал в доме Морозовых, недолюбливал владелицу роскошного особняка, о чем раздраженно и написал: «В гостиной хозяйки висела васнецовская «Птица Гамаюн», превосходные вышивки Поленовой-Якунчиковой, и все было как в лучших домах… В спальне хозяйки – устрашающее количество севрского фарфора, фарфором украшена широкая кровать, из фарфора рамы зеркал, фарфоровые вазы и фигурки на туалетном столе и по стенам на кронштейнах. Это немножко напоминало магазин посуды. Владелица обширного собрания легко бьющихся предметов m-me Морозова с напряжением, которое ей не всегда удавалось скрыть, играла роль элегантной дамы и покровительницы искусств».

Но Зинаида Григорьевна парировала ему в дневнике: «Максима Горького люблю и уважаю, а с Алексеем Максимовичем Пешковым не дружу». Она винила его в крахе своей семьи: из-за него Савва Тимофеевич связался с революционерами и с Андреевой.

Жизнь в новом доме на Спиридоновке поначалу была вполне счастливой, подрастали дети. Семья ежегодно выезжала на отдых на дачу в Мисхоре, часто бывала за границей.

Но чем больше супруга «растворялась» в светской жизни, тем

дальше от нее отдалялся Савва Тимофеевич. Пустоту в сердце от угасшей любви он заполнял новыми увлечениями, и, как это свойственно его широкой натуре, отдавался им с вулканической силой! Это был Московский художественный театр, в который он столько вложил средств и сил; политика, в частности партия РСДРП – он был одним из крупнейших в нее «вкладчиков»; а главное, вспыхнувшая любовь к актрисе Марии Андреевой, являющейся связующим звеном между тремя этими увлечениями.

История, думаю, всем известная, но все же здесь стоит сказать о грустных итогах всех трех главных увлечений его жизни того периода.

Начнем с конца – с Марии Федоровны Андреевой. Она не любила Морозова, а искусно им манипулировала, вытягивая огромные суммы «на революцию». А когда ушла от него к Максиму Горькому, которого Савва Тимофеевич считал своим другом, то разбила ему сердце.

М.Ф. Андреева. *Художник И.Е. Репин*

И в любимом его МХТ по вине актрисы Андреевой, которая интриговала против примы театра Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, произошел раскол: его создатели К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко рассорились на несколько лет. Да и сам Морозов в этой ситуации разрывался между любовью (к Андреевой) и дружбой (с Чеховым и Ольгой Леонардовной).

Ну а последней каплей, что «добила» колосса, стала «благодарность» партии большевиков: Красин, которого Морозов устроил к себе на фабрику, организовал там стачку.

Незадолго до этого Савва Тимофеевич вернулся к жене. Та его приняла. Можно себе представить, что чувствовала эта гордая женщина, на глазах которой, как и на глазах всей Москвы, несколько лет разворачивалось драматическое представление: страсть мужа – измена – неожиданный финал любовного треугольника Морозов – Андреева – Горький…

Супруги изо всех сил пытались наладить отношения. 25 июля 1903 года у них родился младший сын Савва. Но счастье обходит стороной роскошный дом Морозовых на Спиридоновке. В душе Зинаида Григорьевна так и не смогла простить мужа. Но тут с ним случается новая трагедия: обида на большевиков и полное разочарование в революционной идее, в результате чего Морозов впадает в сильнейшую депрессию. Чтобы отменить уступки рабочим, на которые он пошел после стачки, Мария Федоровна Морозова – фактическая владелица фабрик – отстраняет сына от управления, объявив его недееспособным по причине психического заболевания.

В мае 1905 года Зинаида увозит мужа на лечение сначала в Берлин, а затем на юг Франции, в Канны. Их сопровождал врач И.И. Селивановский. Семья останавливается в роскошном отеле «Ройяль». Здесь 13 мая 1905 года Зинаида Григорьевна нашла супруга мертвым. Официальный вердикт – самоубийство. Тем более и прощальная записка оказалась так кстати. И французские власти не стали рассматривать заявление вдовы, что она видела из окна убегающего мужчину, очень похожего на Красина, которому – читай, большевикам, – накануне муж отказался дать денег со словами: больше никогда! Да и поза покойного на диване со скрещенными на груди руками наводила на сомнения… Но полиция Канн их смело отмела…

Зинаида Григорьевна привозит тело мужа в Россию в свинцовом гробу. Надо сказать, что в самоубийство Саввы Морозова никто не верит, потому что ей разрешают похоронить его на Рогожском старообрядческом кладбище на участке клана Морозовых.

После смерти мужа Зинаида Морозова получила в наследство

недвижимость и ценные бумаги, стала владелицей заводов и рудников на Урале, помещицей Владимирской и Московской губерний. Ее состояние было около полутора миллионов!

В память о покойном супруге она построила дом дешевых квартир на Пресне, помогала сиротским домам.

Но женщина, даже очень богатая, всегда нуждается в крепком мужском локте, на который можно опереться, и широкой спине, за которой можно спрятаться от проблем и сплетен. А клеймо вдовы самоубийцы вновь подмочило репутацию Зинаиды Григорьевны. Она практически никого не принимает у себя – только близких друзей, редко бывает на светских мероприятиях. Ей пришлось одной воспитывать четверых детей, им она нанимает самых лучших педагогов.

Судьба сводит ее со старым знакомым, ранее не раз бывавшим в их доме и не скрывавшим своего очарования хозяйкой, – **Анатолием Анатольевичем Рейнботом** (1868–1918?).

Хочу заметить, что Интернет бесстыдно тиражирует самые нелепые слухи, что ходили об этом человеке, искажая даже его отчество. «Новый муж не оправдал надежд. При нем взятки стали совершенно законным явлением…» и пр. Но я считаю, что имя этого человека, как оказалось столько сделавшего для России, нуждается в том, чтобы его обелили.

А.А. Рейнбот был назначен градоначальником Первопрестольной в 1906 году, после того как прекрасно показал себя в качестве казанского генерал-губернатора. И рьяно приступил к исполнению новых обязанностей. Перед подчиненными он произнес речь: «Я считаю, господа, себя обязанным находиться на службе в течение 24 часов в сутки. Я Москву недостаточно хорошо знаю, вы же знаете ее лучше меня, и поэтому прошу первое время не оставлять меня своими указаниями и советами; не ошибается тот, кто ничего не делает, возможны и в моей деятельности ошибки. Москва – сердце России, правильное биение этого сердца имеет значение для всей страны, и это еще больше увеличивает ответственность градоначальства и полиции перед правительством и обществом».

То ли вид бравого генерал-майора подействовал на вдову, то ли его положение в обществе – кто знает? – но Зинаида Григорьевна сказала «да».

Рейнбот развелся с женой и 7 августа 1907 года в Николаевской церкви села Лысцева Тульской губернии обвенчался с купеческой вдовой. Правда, я вот никак не могу понять: как это – третье венчание, если церковь допускает только два? А уж старообрядческая вера?! Злые языки тут же окрестили

этот брак «союзом тщеславия и расчета».

Что ж, этот брак и вправду открыл Зинаиде Григорьевне Морозовой-Рейнбот путь в высшие слои общества, только принесло ли это ей радость?

Т.А. Аксакова-Сивере вспоминала: «В начале 1907 года градоначальник А.А. Рейнбот приехал на Пречистенский бульвар с визитом со своей новой женой – он только что вступил в брак с известной всей Москве вдовой Саввы Морозова – Зинаидой Григорьевной. Это была женщина бальзаковского возраста, прекрасно одевавшаяся и умевшая быть приятной, когда хотела; при этом она была всегда довольно бесцеремонна, говорила нараспев с оттенком «nonchalance» (думаю, ближе всего будет перевод «пренебрежительность». – *Авт.*).

Ю.А. Бахрушин прозорливо написал в «Воспоминаниях»: «Это превращение мало отразилось на судьбе Зинаиды Григорьевны в среде московского большого света. Будучи вдовой, она мало появлялась в обществе, а теперь, благодаря своему замужеству, отстав от своих и не пристав к чужим, почти окончательно порвала с московским купечеством, и ее можно было лишь увидать на театральных премьерах».

Но счастья в этом браке не случилось: в том же году над головой градоначальника сгустились тучи в лице нового московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана.

Процитируем воспоминания В.Ф. Джунковского – российского политического, государственного и военного деятеля, московского вице-губернатора (1905–1908), а потом губернатора (1908–1913), что приведены на сайте «Марийская история в лицах», а не слухи: «24 ноября 1907 года Гершельман на основании распоряжения министра внутренних дел лишил Рейнбота дисциплинарной власти над подчиненными. Тот, возмущенный, подал «докладную записку об отчислении от должности», и 12 декабря 1907 года последовало официальное сообщение о снятии градоначальника с занимаемого поста… Его уход искренне огорчил городское управление, которое во главе с Гучковым возбуждало хлопоты об оставлении Рейнбота. 23 декабря городское управление поднесло ему прочувствованный адрес. Многие слои населения весьма сожалели…»

Интриги и борьба группировок привели к тому, что против бывшего градоначальника было возбуждено дело о превышении должностных полномочий.

«…Рейнботу инкриминировались нарушения кассовых правил, превышение власти, невыполнение обязательных постановлений по санитарной части и тому подобное. Обвинитель, товарищ обер-прокурора Сената Носович, вывел

следующее заключение: на незаконные действия подсудимого толкнула жажда популярности. Представители противной стороны возражали: отнюдь не «популизм» двигал их подзащитным, который если и снискал славу, то добрую и заслуженную. Минятов в конце своей речи сказал: «А.А. Рейнбот, возможно, был даже слишком популярен – неудивительно, что у некоторых явилось желание уничтожить его…» (В.Ф. Джунковский)

Хороший друг Зинаиды Григорьевны С.Ю. Витте не смог – или не захотел? – помочь… И даже лучшие адвокаты, нанятые супругой, ничего не смогли поделать: у нас если хотят посадить человека, то посадят, – так раньше было, так и теперь. Недаром народная мудрость гласит: «от сумы да от тюрьмы не зарекайся»… Москва ахнула, когда огласили приговор: «заключение в исправительное арестантское отделение сроком на 1 год с лишением особых прав и привилегий»…

Затем последовало высочайшее постановление о помиловании.

Но конечно же репутация Рейнбота была испорчена.

В 1909 году Зинаида Григорьевна продает особняк на Спиридоновке и покупает старое дворянское подмосковное имение Горки. Там супруги пытаются скрыться от людской молвы.

Для перестройки усадьбы хозяйка приглашает опять-таки Франца Шехтеля, с которым была дружна. Она всегда мечтала о родовом гнезде, да все как-то – несмотря на огромные финансовые возможности – не складывалось. По ее поручению архитектор создает целый ансамбль усадебных построек. Главное – это «барский» дом.

Да, именно о таком величественном и в то же время изящном особняке, в котором использованы все достижения науки и техники для современного комфорта, всегда мечтала купеческая дочка из провинциального Орехово-Зуева. Есть и образцовая молочная ферма, и прекрасные сады, и оранжереи…

Когда начались революционные волнения и многие барские усадьбы были разграблены и сожжены, Зинаида Григорьевна вместе со своими работниками организовали охрану Горок. Позже она сумела добиться от новой власти «охранной грамоты».

Но в 1918 году ей предписывают навсегда покинуть усадьбу. Вот тогда-то и начинается планомерное разграбление уникальной художественной коллекции, собранной хозяйкой. Только переезд в Горки В.И. Ленина после покушения спасает усадьбу от полного уничтожения. Что дальше происходило в Горках, ставшей резиденцией правительства, мы знаем.

Какова же судьба бывшей владелицы? Вернемся немного назад во времени.

Когда началась Первая мировая война, на пике антигерманских настроений Рейнбот меняет фамилию на Резвый, возвращается в действующую армию в прежнем чине генерал-майора и воюет на передовой. Зинаида Григорьевна становится Морозова-Резвая. Согласитесь, есть в этом какая-то ироничность и даже водевильность.

В годы Первой мировой войны она организовала сбор средств раненым, материально помогала семьям погибших, а также студентам Московского университета, приюту для сирот.

Что происходило в этой семье в последующие годы, история, как и воспоминания самой Зинаиды Григорьевны, умалчивает. Известно только, что в 1916 году супруги Резвые развелись. О последнем периоде жизни бывшего московского градоначальника сведения практически отсутствуют. Есть предположения, что он погиб на фронтах Гражданской войны в 1920 году, участвуя в Белом движении. Называется и другая дата смерти – 1918 год.

После революции для Зинаиды Григорьевны, не сумевшей или не захотевшей бежать из страны, начинаются годы, полные

лишения. До 1924 года она жила в Москве в Староконюшенном переулке, а потом ее выселили с запретом проживать в столице. Последние ее годы прошли в селе Ильинском. Жила она бедно, потихоньку продавая оставшиеся ценности. Только в 1930 году ей по ходатайству коллектива МХТ была назначена небольшая пенсия. Единственной ее радостью было разведение цветов.

Из воспоминаний Татьяны Морозовой: «Я помню, как летом 1944 года, вернувшись из эвакуации, я, маленькая семилетняя девочка, была приведена на поклон к прабабушке. Комната вся была залита солнечным светом и казалась огромной. Посередине стоял стол, покрытый белоснежной вязаной скатертью. На столе – букет сверкающих голубым, белым, розовым ирисов. В углу – плитка, на которой прабабушка варила кофе. Аромат его, еще мне незнакомый, разносился по комнате. Тогда, в голодные суровые годы войны, мне казалось, что я попала в рай. Меня поразили какая-то величественная стать прабабушки, ее нарядное светлое льняное платье и отливающие голубым волосы. Осмелев, я спросила: «А что – ты старая Мальвина из сказки «Буратино»? – «Деточка, даже прабабке не следует говорить «старая»! – сказала она, не улыбнувшись. «Как все-таки со всеми нами жестоко распорядилась жизнь» – вот последние слова, которые остались у меня в памяти».

Действительно, жизнь не была к ней добра. Как и к ее детям, потомкам великого человека – большого труженика, щедрого мецената и благотворителя, Саввы Тимофеевича Морозова.

Зинаида Григорьевна скончалась в 1947 году. Ее похоронили на кладбище в Быкове. А когда расширяли аэропорт, то кладбище уничтожили. Младший сын Морозовых, Савва Саввич, вернувшись из ссылки, взял горсть земли с уничтоженного погоста и высыпал ее на могилу отца в морозовской усыпальнице на Рогожском кладбище.

Детей у супругов Морозовых было четверо.

Старший сын, **Тимофей Саввич** (1888–1921), окончил математический факультет Московского университета, был попечителем Московского старообрядческого института и коммерческого училища. В браке с Татьяной Николаевной Пахорской имел детей: Савву, Адриана и Павла. В 1921 году был расстрелян большевиками в Ростове-на-Дону. После его гибели сыновей взял на воспитание сына механика, всю жизнь проработавшего на «Никольской мануфактуре» и помнившего добро бывшего владельца. Из троих детей долгую жизнь прожил только полный тезка деда, Савва Тимофеевич-второй (1911–1995) – участник Великой Отечественной войны, почетный полярник СССР, ставший потом журналистом и писателем, автором романа

«Льды и люди» и повести «Дед умер молодым».

Дочь, **Мария Саввишна** (1890–1934), страдала наследственным психическим заболеванием, которое долго не проявлялось. Она была замужем за богатым ювелиром Иваном Орестовичем Курлюковым, но недолго, так как супруги развелись. Вначале ее воспринимали просто человеком удивительно добрым, по-детски непосредственным, не от мира сего. После Октябрьского переворота она работала в отделе культуры Наркомпроса. По одним данным – скончалась в психиатрической лечебнице, по другим – утопилась в Оке.

Дочь, **Елена Саввишна** (1894 – после 1947), в браке Стукен. В начале 1920-х годов эмигрировала с мужем в Финляндию. По некоторым данным, последние годы жизни провела в Бразилии.

Сын, **Савва Саввич** (1903–1964), окончил Институт инженеров транспорта. Несколько раз его – нисколько не считаясь с заслугами отца, столько сделавшего на благо России, а скорее всего, именно за фамилию, – арестовывали. Был он репрессирован и сослан в село Северное Новосибирской области. Позже работал переводчиком в Мострансе, инженером по строительству мостов.

Вернемся к судьбе самого особняка, который, несмотря на его продажу в 1909 году, так и остался в истории «Особняком З.Г. Морозовой».

А купил его **Михаил Павлович Рябушинский** (1880–1960) – один из братьев богатейшего клана, частенько эпатировавшего своими поступками московское общество.

Михаил Павлович Рябушинский

Вот и Михаил Павлович постарался: страстно влюбился в балерину кордебалета Татьяну Фоминичну Примакову – красавицу и мужнюю жену. Ее-то он и увез от мужа-полковника и сделал хозяйкой дома на Спиридоновке. Новым владельцам

призрак Саввы Морозова, по словам Зинаиды Григорьевны страшно ее пугавший, не являлся.

Жили Рябушинские в этом доме счастливо, но недолго. В 1912 году хозяин заново оформляет некоторые части интерьера. Для этого приглашает художника Константина Богаевского, который создает для Большой гостиной три монументальных панно на те же темы, что и Врубель: «Утро», «Полдень» и «Вечер». 1918 году семье Рябушинских удалось выехать из России, забрав мебель, посуду, но не богатую коллекцию живописи, часть которой он сдал на временное хранение в Третьяковскую галерею, остальную спрятал в тайнике дома, где картины впоследствии и были обнаружены.

Еще позже Михаил скажет: «Не нужно думать, что благословение Божье только в богатстве. Многих из нас когда-то Господь благословил богатством, а сейчас бедностью и даже нищетой. Это благословение, думается, еще выше». Михаил Павлович дожил до 80 лет и умер в Лондоне в больнице для бедных.

Семья жила вначале в Париже, потом перебралась в Лондон, где Михаил Павлович впоследствии и скончался.

А в этом замечательном особняке располагались: губернский продовольственный комитет, интернат для сирот из Бухары.

Вдруг газеты затрубили: «Сенсация! Найдены сокровища Рябушинского». Это когда в доме Михаила Павловича расположился Бухарский дом просвещения, при перестановке шкафов был обнаружен тайник, а в нем сорок живописных работ русских художников – Брюллов, Тропинин, Серов, Врубель, Бакст, Репин, мраморный бюст Гюго работы Гогена, восточный фарфор…

Потом, в 1930-х годах особняк передают в ведение Наркомата иностранных дел. До 1938 года здесь жил нарком иностранных дел М.М. Литвинов. Потом там разместился Дом приемов МИДа.

Несколько лет, вплоть до 1987 года, продолжалась реставрация, постепенно здание наполнялось старинной мебелью и посудой, живописными полотнами…

Как вдруг – новая напасть: в ночь с 4 на 5 августа 1995 года в доме случился пожар, уничтоживший практически все внутреннее убранство, уникальный паркет, витраж Врубеля, панно Богаевского…

Почти сразу началось воссоздание особняка по чертежам и эскизам Шехтеля. Реставрировались полотна Богаевского и Врубеля, в Лондоне заново сделали витраж «Рыцарь»…

Мне в начале 2000-х вместе с журналистами, приглашенными на презентацию книги работника МИДа, удалось попасть в особняк на Спиридоновке и повосхищаться частью (ну, той, что

было дозволено увидеть) восстановленной красоты. К сожалению, в последние годы сделать это невозможно, потому что даже в те два дня в году, когда открываются двери иностранных посольств, расположенных в уникальных особняках модерна, Дом приемов МИДа свои двери держит закрытыми.

Особняк Н.В. Кузнецовой на проспекте Мира, № 41, стр. 1 (1893)

Эта городская магистраль в разные годы называлась по-разному: Троицкое шоссе, Большая Алексеевская улица, Большая Ростокинская улица и, наконец, 1-я Мещанская улица, которую в 1957 году в честь VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, прошедшего в Москве, переименовали в проспект Мира.

Со второй половины XIX века 1-я Мещанская начинает застраиваться красивыми особняками и дорогими доходными домами.

В 1870-х годах бывшее владение князя Н.С. Долгорукова, что неподалеку от церкви Филиппа Митрополита в Мещанской слободе, несколько раз меняло владельцев, пока оно в октябре 1874 года не оказалось в собственности «фарфорового короля» Матвея Сидоровича Кузнецова. Как это было принято в купеческих семьях, он оформляет недвижимость на имя супруги, Надежды Вуколовны.

Кузнецов решает на месте обветшалых построек возвести шикарный особняк и приглашает для этой цели модного московского архитектора Франца Шехтеля, которого хорошо знал и уже привлекал для небольших работ. Вероятно, он видел и проект особняка Морозовой на Спиридоновке и тоже захотел себе дом в стиле «виндзорской (английской) готики».

Особняк Н.В. Кузнецовой

Здание на старой фотографии очень отличается от современного особняка, что рядом с метро «Проспект Мира», много чего потерявшего из былого великолепия. Тем не менее в этом строении уже просматривались черты модерна: многофасадность и асимметрия.

Шехтелем, как обычно, были детально продуманы и элементы интерьера. Столовая была в «русском стиле», над камином – уникальное керамическое панно «Жар-птица», выполненное на заводе Кузнецова. Кстати, камины, как и элементы внешнего декора – атланты и кариатиды, – были сделаны по эскизам Сергея Тимофеевича Коненкова, будущего знаменитого скульптора, а тогда – безвестного студента, которого привлек к работе Шехтель.

Окна, выходившие во двор, были украшены зелеными майоликовыми изразцами, также изготовленными на заводе хозяина. В доме была устроена староверческая церковь в честь святого апостола и евангелиста Матфея, небесного покровителя Матвея Сидоровича, с фарфоровым иконостасом. Ее уничтожили в 1924 году.

Вообще этому особняку не очень-то повезло: вначале что-то пристраивал-перестраивал архитектор Иван Сергеевич Кузнецов (однофамилец владельцев), потом Василий Григорьевич Иванов и Роман Федорович Мельцер.

В 1918 году особняк был национализирован. Матвей Сидорович, можно сказать, к его «счастью» этого не увидел: скончался раньше, а вот его потомков просто «вытряхнули» из собственных домов.

В разное время в особняке находились разные организации. Вначале это был совет главного артиллерийского управления Красной армии. Надо сказать, все, кто там побывал, приложили руку к уродованию наследия Шехтеля. Уникальные фарфоровые изразцы были частично уничтожены, частично оказались в музеях.

Если бы в 1978 году здание не внесли в реестр памятников архитектуры, то вполне возможно, что при подготовке к московской Олимпиаде его вообще бы могли снести: как закрывающий вид на олимпийский комплекс. Хорошо, что этого не случилось. В 1988 году особняк был передан в долгосрочную аренду Московскому фонду культуры. Вот тогда-то и была произведена его реставрация, хоть и не вернувшая былого великолепия, но сделавшая интерьеры вполне достойными. В одном из залов в шкафу уместился небольшой музей, посвященный семейству «фарфоровых королей».

Ну а теперь немного о судьбе владельцев.

Матвей Сидорович Кузнецов (1846–1911) – замечательный труженик и великолепный менеджер, потомственный почетный гражданин, коммерции советник, кавалер орденов Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени, прославил свою фамилию далеко за пределами отечества. Конечно, родина фарфора, Китай, был – до поры до времени – безусловным лидером в производстве качественных фарфоровых изделий. Но потом появились новые международные бренды: во Франции – Севрский фарфор, в Германии – Мейсенский, в России – Кузнецовский. Именно так, с большой буквы в конце XIX века стали называть изделия многочисленных заводов «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова».

М.С. Кузнецов

Родоначальником «фарфоровой империи» Кузнецовых стал крестьянин Яков Васильевич Кузнецов, основавший в 1812 году в районе Гжели небольшое фаянсовое производство. Человек энергичный, воспитанный в духе старообрядческих традиций, в которых на первом месте стоял упорный труд, на втором – большая крепкая семья, он преуспел в своем деле.

Его сын, Терентий Яковлевич Кузнецов (1781–1848), старообрядец поповского согласия, с 1812 года возглавил отцовское дело. Он был женат на Агафье Дмитриевне (ум. 1832),

имел двоих сыновей – Емельяна и Сидора.

Именно он в 1832 году, решив расширить производство, купил у помещиков Сарычевых во Владимирской губернии пустошь Дулево и построил новый завод с сортировочным цехом, складом и живописной мастерской. Производительность труда на нем возросла за счет специализации рабочих на отдельных операциях: формовке, обжиге, росписи…

Бизнес братьев Кузнецовых был вполне успешным, но Терентий Яковлевич все время заботился о его расширении. Его сын, Сидор Терентьевич (1806–1864), перебрался в Первопрестольную и женился тоже на старообрядке поповского согласия Татьяне Ивановне (1802 – после 1845). У них было несколько дочерей и единственный сын Матвей, которому судьбой выпало прославить в веках свой род.

Сидор Терентьевич присоединил к разрастающейся «фарфоровой империи Кузнецовых» несколько заводов, а также построил в 1843 году новый завод в Риге. Он перевез туда опытных мастеров из Гжели, которые основали рядом с заводом свое поселение и старообрядческую общину.

Своего единственного сына, Матвея, он воспитывал как продолжателя семейного дела. В пятнадцать лет его отправили в Ригу на учебу в коммерческое училище и для «прохождения практики» на фарфоро-фаянсовом заводе. Юноша с интересом вникал во все детали производства и управления.

После смерти отца в 1864 году Матвей становится единственным наследником кузнецовских фабрик. Но до его совершеннолетия опекунами назначались мужья сестер, тоже работавшие на семейных предприятиях. По старообрядческим купеческим законам юноша становится совершеннолетним, когда женится. Вот Матвей и женился на дочери богородского купца Надежде Вуколовне Митюшиной (1846–1903). У них родились семь сыновей и две дочери.

В 1889 году набравший опыта и вошедший в полную силу Матвей Сидорович объединяет все заводы, находившиеся в собственности родственников, в единую «империю» – «Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова».

К началу XX века в «Товарищество» входило 18 предприятий, 14 из которых находились на территории России, на них производилось около $^2/_3$ российского фарфора, общая численность рабочих на предприятиях достигла 12,5 тысячи человек. Значительные средства вкладывались в техническую модернизацию производства, в расширение ассортимента выпускаемой продукции. Кузнецовский фарфор – это и

высококачественные дорогие изделия, это и качественные изделия, доступные каждому. Кроме этого на кузнецовских заводах выпускались технические изделия: электрические изоляторы, на которые были постоянные казенные заказы.

Кузнецовский фарфор сбывался не только в пределах России, но и в Персии, Румынии, Турции, Афганистане. Продукция «фарфоровой империи Кузнецовых» отличалась высоким качеством и была отмечена Большими золотыми медалями на выставках в Париже (1889, 1890), дипломами на выставке в Реймсе (1903) и Гран-при в Льеже (1905).

В 1902 году Кузнецову было пожаловано звание «Поставщик двора его императорского величества» с правом иметь на вывеске изображение малого государственного герба.

Сам Матвей Кузнецов, как и вся его родня, были членами старообрядческой общины Рогожского кладбища, а Матвей Сидорович – много лет бессменным председателем этой общины.

Кузнецовы заботились о социальных и культурных нуждах своих работников, но при приеме на работу предпочтение отдавали старообрядцам. В своих фабричных поселках они построили 7 старообрядческих церквей, 4 молитвенных дома, 6 школ, 7 больниц, богадельню, несколько спортивных сооружений, бань и многое другое. Лавки в рабочих поселках торговали по вполне приемлемым ценам продуктами хорошего качества, только алкоголя в них не было ни-ког-да! Работники получали очень даже неплохую заработную плату. Матвей Сидорович, будучи сам очень религиозным человеком, приветствовал это качество и у своих рабочих. Всем, кто поступал на завод, вручали Библию, завещая уважать веру предков.

До нас дошла история, основанная на реальных событиях, как Матвей Кузнецов, который частенько захаживал в дома своих работников, решил проверить религиозное рвение одного из них. На вопрос, читает ли он Писание, тот заверил, что конечно же каждый день. И хозяин незаметно перед уходом положил в святую книгу 25-рублевую ассигнацию. Через какое-то время он вновь пришел в этот дом и задал тот же вопрос. Вновь услышав заверения, взял Библию, пролистал ее и вытащил оттуда ассигнацию. «Э, соврал ты мне, – если б читал, то и деньги бы нашел!» С этими словами хозяин забрал купюру и ушел, оставив обманщика в полном конфузе.

Кстати, при заводах Кузнецова строились и православные храмы. Вообще сотрудничество с РПЦ было весьма плодотворным: на заводах «Товарищества» делали красивейшие фарфоровые иконостасы. В нашей стране практически все они пропали во время массового разграбления и уничтожения церквей, но мне

довелось увидеть кузнецовский иконостас в храме Святого Владимира в чешских Марианских Лазнях, который удостоился Гран-при на Всемирной выставке в Париже. Случится там побывать, обязательно посмотрите и тогда согласитесь, что французы дали эту высокую награду не зря.

Матвей Сидорович, как и положено было в то время крупным предпринимателям, свято верящим в христианскую заповедь «поделись с неимущим», был крупным благотворителем и меценатом, гласным Московской городской думы, членом Московского биржевого общества. На его средства были построены 3 церкви, 2 молитвенных дома, 5 больниц, 5 училищ, родильные дома, открыто несколько столовых для бедных…

Последние годы его жизни были омрачены смертью жены, с которой они прожили 38 счастливых лет, и потерей двоих сыновей. Матвей Сидорович Кузнецов скончался в 1911 году от апоплексического удара (инсульта, говоря современным языком). В 1930-х годах фамильная усыпальница Кузнецовых на Рогожском кладбище была полностью разрушена и на ее месте появились новые захоронения. Только в 1996 году стараниями Московского фонда культуры на месте бывшего захоронения Кузнецовых была поставлена памятная стела.

После Октябрьского переворота все заводы «Товарищества», кроме Рижского, были национализированы и продолжали выпускать продукцию. Правда, она уже не была такого качества и ассортимента, как раньше.

Особняк Н.М. Кузнецова (Кузнецовой) на проспекте Мира, № 43 (1894–1896)

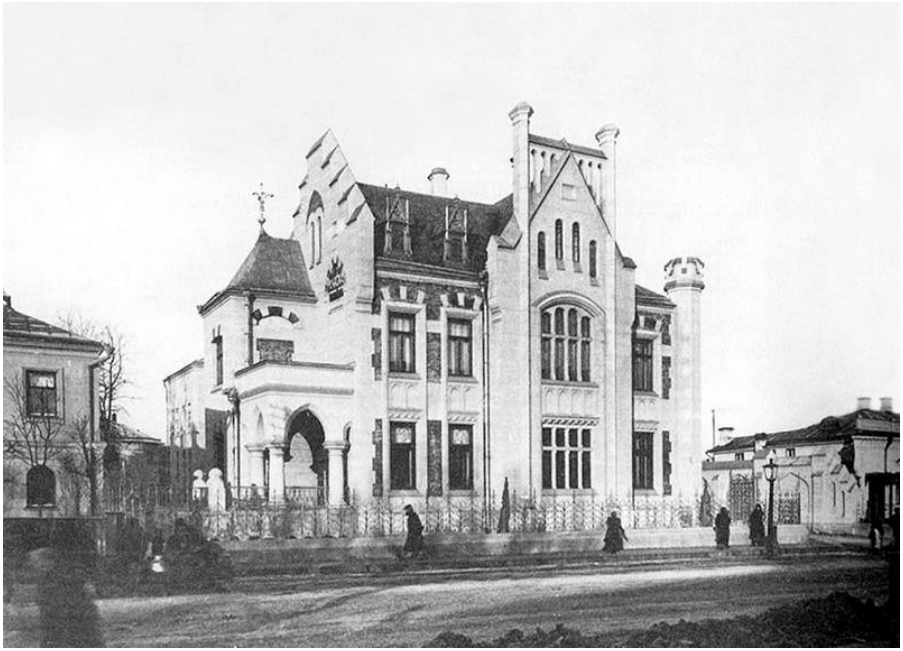
Неподалеку от собственного особняка Кузнецов решает построить дом для семьи старшего сына, Николая, и приглашает для этого того же Шехтеля. Вот так особняк в готическом стиле по адресу 1-я Мещанская, № 43 выглядел до революции.

В сегодняшнем изуродованном перестройками и надстроенном здании, лишенном готического щипца на центральном фасаде, трудно разглядеть шехтелевские черты.

После национализации особняк внутри перепланировали и превратили в жилой дом.

Что же случилось с потомками «фарфорового короля»?

Когда от бывшей «фарфоровой империи Кузнецовых» в собственности семьи осталась лишь фабрика в Риге, туда и перебралось практически все многочисленное потомство Матвея Сидоровича. Возглавил семейное дело Николай Матвеевич, практически все члены клана Кузнецовых работали на фабрике.



Особняк Н.М. Кузнецова. *Снимок 1900 г.*

Из оставшихся в Москве Кузнецовых были репрессированы Георгий Матвеевич и 23-летний сын его брата Александра Николай, или Ника. Его за переписку с родными арестовали как «латышского шпиона».

«Кузнецовы продолжали семейную традицию, не жалея денег на социальные нужды и благотворительность. Они поддерживали латвийскую старообрядческую общину и церковь, Русский рижский театр, строили школы для рабочих завода, больницы. С их помощью при фабрике для рабочих и служащих создавались спортивные, театральные, литературные общества и кружки, была своя библиотека и даже общество борьбы за трезвость…»

Когда Латвия была присоединена к СССР, и эту фабрику национализировали.

Из воспоминаний правнучки «фарфорового короля» Татьяны Матвеевны Кузнецовой:

«23 июня 1941 года в один день чекисты арестовали моего отчима Петра Долгова и моего отца Матвея Кузнецова… 27 июня, перед уходом из Риги Красной армии, они оба были расстреляны вместе с остальными заключенными. Я сама слышала по радио сообщение – враги народа приговорены к расстрелу, весь список

зачитали. Мама и жена моего отца ринулись в тюрьму, чтобы найти хотя бы тела своих мужей и похоронить по-христиански. Обнаружили их во дворе со следами страшных пыток…

Моя мама еще долго была в ужасе от случившегося, саму ее от расправы Бог уберег, наверное, потому, что она сменила фамилию и стала Долговой. Всех остальных Кузнецовых, кто не успел перед войной уехать за границу, сослали на каторгу…»

…Сегодня потомки Кузнецовых живут в России, Америке, Австралии, Германии. А их бывший фарфоровый завод в 1997-м был признан банкротом.

Торговый дом «Товарищества М.С. Кузнецова» на Мясницкой улице, № 8/2 (1898–1903)

В 1893 году участок со зданиями на пересечении Мясницкой улицы и Большого Златоустинского переулка у владелицы Веры Ивановны Фирсановой-Ганецкой[9] (знакомая фамилия!) покупает Матвей Сидорович Кузнецов под строительство своего торгового дома.

По проекту Франца Шехтеля – уже можно сказать, любимого архитектора Кузнецовых, – в 1898 году возводится трехэтажное здание, акцент в котором сделан на угол – вернее, трехгранник, с огромными, в два этажа окнами, а внизу с большими витринами. Фасад был украшен картушами с масками Меркурия – бога торговли. Весь первый этаж занимал магазин «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова», на втором и третьем этажах находились правление и конторы.

Торговый дом М.С. Кузнецова. *Фото О. Лёвкина*

Здание со стороны Златоустинского переулка в 1913 году надстраивают двумя этажами по проекту архитектора Ф.А. Ганешина.

В 1914 году владельцем дома стал старший сын Матвея Кузнецова Михаил, который здесь работал и жил.

Помимо торговли фарфоровыми и фаянсовыми изделиями, в залах магазина часто устраивались художественные выставки, в частности – Константина Маковского и объединения «Голубая роза», куда входили художники П. Кузнецов, Н. Сапунов, С. Судейкин, Н. Крымов, М. Сарьян, скульптор А. Матвеев и др.

После Октября 1917 года владение перешло к Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ). Здесь некоторое время размещался синдикат силикатной промышленности, а также Объединенный клуб III Интернационала.

В 30-х годах XX века после реконструкции к дому добавляются еще два этажа. О бережном сохранении культурного наследия тогда и не думали. Хотя… сейчас тоже не всегда.

После войны в бывшем «штабе» «фарфоровой империи Кузнецовых» открыли большой магазин посуды, хорошо известный москвичам.

В настоящее время там находится магазин «Гледиз», торгующий высококлассными изделиями из фарфора, фаянса и

стекла.

Жизнь здания продолжается в преемственности!

Особняк Ф.О. Шехтеля в Ермолаевском переулке, № 28 (1896)

Францу Шехтелю в 1896 году было 36 лет. Он полон творческих сил и дерзких замыслов. За ним уже прочно утвердилась репутация модного – а главное! – талантливого архитектора. Он много строил для самых богатых и уважаемых людей в Москве и за ее пределами.

И он уже мог себе позволить строительство собственного особняка в центре Первопрестольной, недалеко от Патриарших прудов.

С присущей ему ироничностью он написал другу, Антону Павловичу Чехову: «…Построил избушку непотребной архитектуры, которую извозчики принимают то ли за кирку, то ли за синагогу».

В творчестве тех лет он отдал дань готике, а построенный им особняк это уже шаг в сторону, но вот в какую?.. Модерна. Потому что наряду с явно просматривающимися элементами готики: башенками, островерхой ломаной крышей, витражами на окнах с сюжетами о средневековых рыцарях и дамах, а также оформлением интерьеров – видны характерные черты стиля модерн: разноуровневость и разнофасадность здания, когда с разных сторон дом воспринимается как совершенно разные строения. А также керамическое панно над главным входом, выполненное в мастерской В.А. Фролова по эскизу Шехтеля, на котором любимый символ модерна – ирис в трех фазах жизни: рождение, расцвет, увядание, латинская буква S – начальная буква фамилии архитектора, и число 96 – год постройки дома.

Особняк Ф.О. Шехтеля. Фото до 1904 г.: пристройки справа еще нет

Стена, выходящая в Ермолаевский переулок, прорезана огромным окном, делающим кабинет хозяина очень светлым.

Ф.О. Шехтель в кабинете

Все помещения внутри дома, расположенные на разных уровнях, выходят в двухсветный лестничный холл, образуя «круговую» анфиладу. Самым большим помещением в доме была гостиная. Арка разделяла ее на две части. На ее стенах висели картины «Садко» Врубеля, «Самарканд» Сарьяна и «Масленица в Париже» Рериха.

На втором этаже были спальни.

Как обычно, в оформлении интерьера Шехтель продумывает каждую мелочь: от дверных ручек, нестандартных рам и оконных шпингалетов до декора каминов, кованых деталей дверей, светильников и мебели. Но во всем здесь преобладал строгий стиль – никакой пышности, никаких лишних деталей, которые он делал порой в угоду богатым заказчикам.

Здание опоясывает кованая ограда с растительным орнаментом из извивающихся побегов – тоже любимый символ модерна.

В этом доме у Шехтелей случилось прибавление в семействе – родилась дочь Вера.

Дети подрастают, дом становится для семьи тесноват, и в 1904 году архитектор делает с северной стороны двухэтажную хозяйственную пристройку с подвалом.

В этом особняке семья прожила 14 лет, до переезда в 1909 году на Большую Садовую.

Особняк был продан Е.Я. Дунаевой из богатого клана владельцев торгового мануфактурного товарищества на паях «Наследники И.И. Дунаева».

После Октябрьского переворота 1917 года здание занимали различные учреждения. А с 1944 году в нем живут главы дипломатических миссий посольства Уругвая. Надо отдать им должное: они содержат историческое здание в прекрасном состоянии и пару раз в году открывают его двери для бесплатных экскурсий.

«Торговый дом Аршинова», Старопанский переулок, № 5 (1899)

Это здание в Космодамианском, нынешнем Старопанском переулке, – одно из первых, спроектированных Шехтелем в стиле модерн. Более того – первое офисное здание.

Позже недалеко от него появится банк Рябушинских, построенный также по проекту Ф.О. Шехтеля. В Китай-городе есть еще несколько адресов, связанных с гением этого архитектора.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Но вернемся к «Торговому дому Аршинова». Прежде всего, что бросается в глаза, – огромное окно, прорезающее три этажа фасада. Его венчает арочное обрамление с женской маской с распущенными волосами. В отделке здания использована комбинация серо-зеленой керамической плитки с декоративной штукатуркой и белыми лепными деталями. Как обычно, Франц Осипович продумал все мельчайшие детали экстерьера и интерьера. Кстати, сохранившиеся оригинальные дверные бронзовые ручки в том числе.

Кто же этот Аршинов, имя которого история сохранила в связи со зданием, построенным зодчим?

Василий Федорович Аршинов (1854–1942) родился в бедной семье саранских мещан. Семнадцати лет от роду он самостоятельно добрался в Москву и устроился в магазин владельца Даниловской мануфактуры В.Е. Мещерина на Пятницкой улице. Он показал себя отличным работником, предприимчивым менеджером, потому как через десять лет уже стал владельцем собственной суконной лавки, арендатором и застройщиком Нового Царицына – дачной местности площадью почти в один гектар. Там же он позже построил и собственную суконную фабрику. В тридцать лет создал собственный «Торговый дом В.Ф. Аршинов и К^{о}».

Не только богатство, но и отличная деловая репутация купца 1-й гильдии Аршинова делают его известным в Первопрестольной, как и общественная деятельность и благотворительность. Он становится потомственным почетным гражданином Москвы, выборным Московской купеческой управы, попечителем Андреевской богадельни и Коммерческого училища имени цесаревича Алексея.

Качество аршиновского сукна славилось по всей России, и «Торговому дому В.Ф. Аршинов и К^{о}» оказывается честь стать поставщиком двора его величества.

Особняк на Большой Ордынке. На этом старом фото здание еще не утратило круглую башенку – обсерваторию

И личная жизнь предпринимателя складывалась удачно. Женился Василий Федорович в двадцать два года по любви на девушке-бесприданнице Александре Ивановне Зеленовой. У них родились три сына: Владимир, Василий и Сергей.

В отличие от большинства купцов, заставлявших своих детей быть продолжателями семейного дела, В.Ф. Аршинов не просто любил своих сыновей, а уважительно относился к их интересам, даже если они не касались торговли.

Дом для старшего сына Владимира, блестяще закончившего Московский университет и отправленного для продолжения учебы в Гейдельбергский университет, Василий Федорович заказал тоже Шехтелю. С модным московским архитектором купец был знаком лично: будучи старостой церкви Иоанна Предтечи под Бором, он приглашал Шехтеля в 1896 году для

перестройки храма, которой остался очень доволен.

Франц Осипович на Большой Ордынке, № 32 в 1899 году выстроил для будущего известного ученого-минеролога двухэтажный особняк с обсерваторией на крыше, в которой располагался 4,5-дюймовый телескоп Цейсса.

Позже, в 1904 году в этом здании, которое вошло в историю как «Дом А.И. и В.В. Аршиновых», его владелец **Владимир Васильевич Аршинов** (1879–1955) – в будущем доктор геолого-минералогических наук, ученик В.И. Вернадского – создал первый в России частный научно-исследовательский институт Lithogaea («Каменная земля»), потом Петрографический. Сейчас это Всероссийский научно-исследовательский институт минерального сырья имени Н.М. Федоровского (ВИМС).

В настоящее время в этом здании располагается издательство «Воздушный транспорт».

Для младшего сына Сергея, который всецело посвятил себя музыке, отец построил в Саратове консерваторию.

Из трех сыновей Василия Федоровича лишь средний, Василий, унаследовал коммерческие дарования отца, став его помощником в делах.

Здание скоропечатни товарищества «Левенсон А.А.» в Трехпрудном переулке, № 9 (1900)

Глядя на это нарядное здание с эркерами и разными по величине окнами в ярких наличниках на углу Трехпрудного и Мамоновского переулков, очень напоминающее сказочный замок, трудно догадаться, что это производственный корпус – типография, или, как раньше называли, «скоропечатня». Вернее, сам производственный корпус находится в глубине участка, а на улицу выходит фасад административного здания издательства с редакцией.

Типография А.А. Левенсона

Типография А.А. Левенсона. *Фото В. Вельской*

Несмотря на экзотический для наших широт вид средневекового замка, здание построено в новомодном для того времени стиле модерн с применением самых новых технологий. В центре фасада возвышается щипец с надписью «Т-во скоропечатни Левенсонъ», которая была уничтожена после Октябрьского переворота. Светлые фасады отделаны кирпичного цвета керамической плиткой, украшены панно и орнаментом из листьев и цветов чертополоха.

Заказчику – крупнейшему в стране издателю и производителю печатной продукции, поставщику двора его императорского величества Александру Александровичу Левенсону – здание очень понравилось: «Издали оно красиво выступает своими легкими линиями, высокой шатровой крышей и остроконечностями, – так описывал его сам издатель. – Вблизи впечатление значительно выигрывает. Несмотря на свои размеры, постройка не кажется чересчур массивной, а, напротив, поражает своей легкостью. В наружных украшениях – полная умеренность.

Всего один барельеф, простой, художественно исполненный дрезденским скульптором».

Интерьеры скоропечатни тоже были продуманными,

оригинальными и стильными.

А.А. Левенсон

«Левенсон был одним из тех людей, которые думают не только о своей выгоде, но и хотят, чтобы человечество шло вперед. Он считал, что у рабочих должны быть хорошие условия труда – именно они были критериями оценки гигиены фабрик и заводов» (*Романенко Т.* Интересные факты из истории здания

типографии на Патриарших прудах с сайта Tele.ru.).

Издательский дом Левенсона – как бы его назвали сегодня – выпускал роскошные фото и художественные альбомы и дешевые лубочные картинки, плакаты, бумажные иконки, театральные афиши и программки, меню для ресторанов, издавал журналы «Дешевая библиотека», «Новости иностранной литературы», «Семья», газету «Ежедневное либретто»…

Здесь были напечатаны факсимильное «Архангельское Евангелие 1092 года» и первая книга Марины Цветаевой, книга «Русские пословицы и поговорки в рисунках В.М. Васнецова», кулинарные книги и детские книжки с иллюстрациями Билибина, произведения Чехова, Бунина, Куприна…

Про самого издателя практически ничего не известно – сгинул в лихие революционные… Но успел до переворота продать дело Земгору – Главному по снабжению армии комитету Всероссийских земского и городского союзов. Ну и не лишним будет добавить, что Ф.О. Шехтель построил Левенсону в 1900 году и дачу в Ново-Переделкине, в Чоботовском переулке – эдакий разноэтажный деревянный домик в неорусском стиле.

Но вот про самого – далеко не последнего человека в Москве – узнать практически ничего не удалось. Кроме того, что жил он в собственном доме в Рахманиновском переулке (ранее – Грязный, Глухой). Даже дат жизни нет…

Особняк С.П. Рябушинского на Малой Никитской улице, № 6/2 (1900–1903)

Эта постройка не зря считается одним из шедевров не только самого архитектора, но и московского модерна в целом.

Налицо все излюбленные приемы этого стиля. Все четыре фасада здания выглядят абсолютно по-разному. Окна имеют разный уровень и форму, и ни одна деталь в отделке здания не повторяется.

Мы уже знаем, что внутреннее пространство зданий архитектор всегда продумывал так же тщательно, как и внешнее. Главная деталь интерьера – витая спиральная лестница в форме волны. На гребне мраморных волн у основания лестницы – люстра-медуза. Все вокруг: зеленоватые стены, светильники, дверные ручки в форме водорослей, ракушек, морских коньков, черепахи – создают картину подводного мира. Рядом с ними соседствует растительный мир: витражи с пейзажами и цветами, тонкая деревянная резьба в форме необычных растений, лепнина потолка библиотеки – все это переносило сознание в иллюзорный мир фантазии.

Особняк Рябушинского

По просьбе заказчика – старообрядца, не выставлявшего свою веру напоказ, – Шехтель так расположил внутри молельную комнату, стилизованную под древнюю церковь, что о ее существовании никто из гостей особняка не догадывался.

Во внутреннем дворе располагались флигели со службами: прачечной, дворницкой, кладовой, гаражом и конюшней.

Особняк на Малой Никитской вызвал восторг не только у заказчика, но и у горожан. О нем писали, его снимали, три издательские фирмы – «М. Кампель», «П. фон Гиргенсон и Шерар», «Набгольц и К°» – выпустили открытки с изображением усадьбы Рябушинских.

После 1917 года особняк Рябушинских был реквизирован и переходил из рук в руки различным организациям. Вначале здесь разместился Наркомат по иностранным делам. Потом – Госиздат, куда нередко заходили поэты Есенин, Маяковский и Брюсов. Побывали здесь и психоаналитический институт, и детский сад… За эти годы интерьер здания сильно изменился: были утрачены мебель и осветительные приборы, выполненные по эскизам Шехтеля, разрушена вентиляционная система…

В 1931 году в особняке появляются новые жильцы: Максим Горький с семьей. Пролетарский писатель не любил стиль модерн в общем, о чем писал и говорил неоднократно, и в частности – этот особняк, который называл «нелепым домом». «Величаво, грандиозно, улыбнуться не на что». Он часто говорил, что дом его «душит», – не отсюда ли ходившая в народе версия, что Горького по приказу Сталина какое-то время «травили» (чуть ли не обои пропитали медленно действующим ядом?).

Поскольку дом для него выбрал лично товарищ Сталин, то «певцу революции» пришлось смириться и прожить здесь последние пять лет жизни. Он занимал первый этаж, наверху расположились его сын Максим с женой Надеждой Алексеевной и внучки Марфа и Дарья. В молельне невестка Горького, увлекавшаяся живописью, устроила мастерскую.

Да и весь интерьер особняка изменился до неузнаваемости: остатки роскоши были удалены, уникальный камин из каррарского мрамора в столовой был разобран. Парадный вход, чтобы не было сквозняков, закрыли. Обстановка стала скромной, даже аскетичной, к которой Горький привык, живя на Капри.

При Горьком особняк стал центром культурной и литературной жизни Москвы. Здесь запросто бывали и вели жаркие споры о жизни, литературе и политике Николай Бухарин и Иосиф Сталин, советские писатели и иностранные – в частности, Ромен Роллан…

Лестница на второй этаж

Самого бывшего владельца особняка, Степана Павловича Рябушинского, Горький не знал. А вот с его братом Николаем Павловичем – «беспутным Николашкой», как называли того в семье, а на самом деле меценатом, издателем и редактором журнала «Золотое руно» – познакомился в 1911 году на Капри. А в 1918 году Горький, по сути, вытащил из лап ЧК младшего из братьев Рябушинских, Дмитрия Павловича, ученого с мировым именем, основавшего на собственные средства в подмосковном Кучине первый в Европе и второй в мире Аэродинамический институт (преобразованный затем в ЦАГИ), чем спас того от неминуемой смерти.

В мае 1965 года стараниями невестки писателя Надежды Алексеевны в особняке был открыт мемориальный музей Горького. Сына его, Максима Алексеевича, уже не было в живых, внучки Марфа и Дарья уехали, а Надежда Алексеевна продолжала жить на втором этаже, стараясь все сохранить в доме так, как было при Горьком.

Кстати, на памятной табличке у входа – имя Горького, а вот о бывшем владельце особняка, С.П. Рябушинском, – ни слова…

Чтобы устранить эту несправедливость, расскажем немного о нем, Степане Павловиче Рябушинском (1874–1942) – бизнесмене, ученом, коллекционере, меценате.

Степан Павлович – второй по старшинству из восьми братьев Рябушинских – активно участвовал в семейном бизнесе.

Помимо участия в промышленно-банковской жизни семьи, на окраине тогдашней Москвы Степан вместе с братом Сергеем за шесть месяцев (!) на основе Акционерного московского общества (АМО) создают небольшой автомобильный завод – первый в России. Причем производство было устроено таким образом, что при минимальной реорганизации автомобильный завод мог производить авиатехнику. Ныне это – завод имени И.А. Лихачева.

Но в нашу историю Степан Павлович вошел не благодаря своему вкладу в развитие российской экономики, не только потому, что был щедрым благотворителем и меценатом, не только как владелец замечательного особняка, построенного Шехтелем, – об этом все знают, – но и потому, что первым в России стал не только собирать иконы «старого письма», но и изучать их и реставрировать, для чего открыл специальную мастерскую, – а вот об этом знают единицы. Он первым заговорил о художественно-исторической значимости икон. Но не декоративной! Поэтому нигде кроме молельной комнаты иконы у него не располагались!

Степан Рябушинский был признанным знатоком древнерусской живописи, написал ряд исследовательских работ. Современники оценили его заслуги в этой области, присвоив ему звание ученого-археолога и избрав почетным членом Московского археологического института.

В марте 1905 года его старший брат, Павел Павлович, будучи председателем старообрядческой общины Рогожского кладбища, покупает участок в 3-м Ушаковском переулке и передает эти земли на строительство храма Покрова Пресвятой Богородицы. Степан, в свою очередь, жертвует не только большую сумму на постройку храма, но и самому храму – уникальные древние иконы.

С.П. Рябушинский мечтал открыть в своем особняке первый в

стране музей иконы. Что ж, специальный музей русской иконы в Москве есть на Гончарной, № 3. Вопрос, есть ли в нем экспонаты из некогда богатейшей коллекции Степана Павловича? А вот в Третьяковской галерее точно есть – 57 икон XIII–XVII веков из его собрания.

После 1917 года, как практически все члены клана Рябушинских, Степан Павлович оказался за границей. Вначале в Париже, потом в Милане, где и скончался в 1942 году. Похоронен на кладбище в Петли близ Генуи.

Он был женат на Анне Александровне, урожденной Прибыловой. Из детей известно про его дочь Елену (1902–2000), потомки которой проживают в Милане и носят фамилию Rijoff (Рыжовы).

Дальше, нарушая хронологию создания, расскажем еще о двух зданиях, построенных Шехтелем для Рябушинских.

Банк «Товарищества мануфактур П.М. Рябушинского» на Биржевой площади (1903)

Первоначально площадь называлась Карунинской – по фамилии купца И.В. Карунина, имевшего тут в XVIII веке латунную фабрику. С конца XIX века – Биржевой, по находившейся здесь Московской бирже, здание которой было построено в 1875 году. В 1935–1994 годах площадь носила имя Куйбышева, потом ей было возвращено название Биржевая.

Здесь Франц Шехтель построил четырехэтажное здание Банкирского дома братьев Рябушинских – первое в стиле рационального модерна.

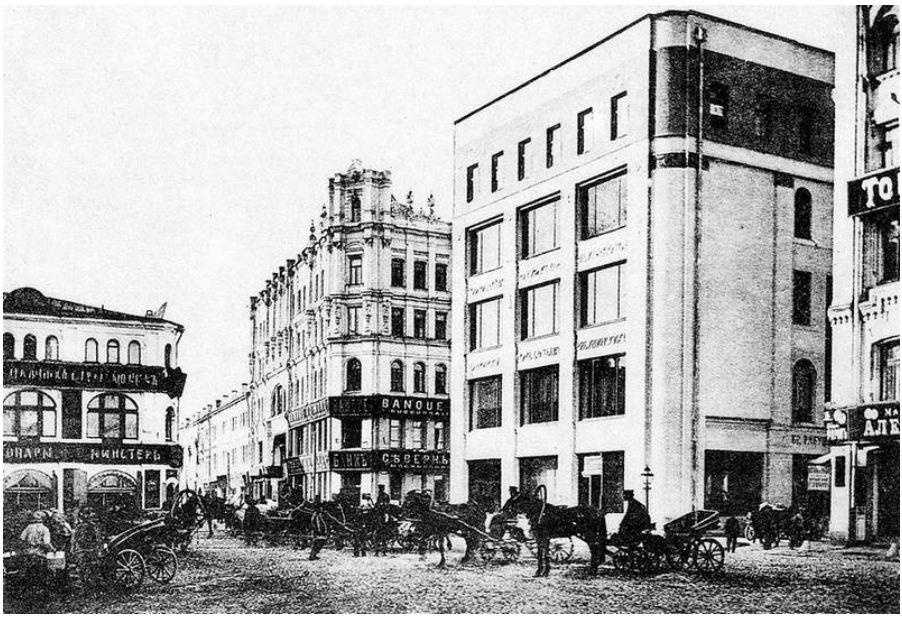
Оно практически лишено каких-либо украшений, только скромная гирлянда над верхним этажом и стилизованные венки несколько оживляют строгий фасад. Почти вся плоскость фасада, облицованного глазурованным кирпичом, занята огромными окнами.

В 1913 году архитектором А.В. Кузнецовым здание было надстроено еще одним этажом, что зрительно «утяжелило» его и исказило пропорции. Ну а дальнейшая надстройка 30-х годов XX века окончательно исказила первоначальный замысел Шехтеля. Со стороны Биржевой площади главный фасад был увенчан небольшим фронтоном, в котором позже, примерно в 1920-х годах был помещен герб СССР. Тогда же здесь разместился Промбанк.

У основателя династии «текстильных королей» и банкиров **Павла Михайловича Рябушинского** (1820–1899) от двух браков

было 16 (!) детей, правда, сын и три дочери умерли в младенчестве.

От первого брака, с женой Анной Фоминой, – женщиной сварливой да еще старше мужа на семь лет, с которой он развелся после смерти своего отца, – остались 6 дочерей. А вот от второго брака с 18-летней дочерью крупного петербургского купца Александрой Овсянниковой – кстати сказать, невестой его брата Василия, на которой он женился в 50-летнем возрасте, – было восемь сыновей и пять дочерей (трое умерли во младенчестве).



Биржевая площадь

После смерти П.М. Рябушинского в 1899 году его состояние было разделено поровну между его восемью сыновьями: каждый из них получил паи в основном бизнесе на сумму около 400 тысяч рублей и столько же наличными деньгами и ценными бумагами. Братья Павел, Сергей, Владимир, Степан и Михаил объединили капиталы, создав крупнейший семейный холдинг. Дмитрий стал известным ученым в области аэродинамики, создателем крупной лаборатории. Федор умер в 1912 году в возрасте 25 лет от туберкулеза. И лишь беспутный Николай жил всласть и к 1917 году промотал все отцовское наследство. Чему, кстати сказать, его родня, уже будучи в изгнании, позавидовала.

П.М. Рябушинский

Созданный братьями банк перед войной 1914 года стал одним из крупнейших в России.

После Октябрьского переворота Рябушинские оказались за границей, жили неплохо, потому как в зарубежных банках были значительные активы, создали свой банк, но потом в результате кризиса потеряли почти все капиталы.

В 1927 году Владимир организовал в Париже общество

«Икона», председателем которого и состоял до кончины. Он опубликовал десятки статей о русской иконе и истории религии в России. У Владимира Павловича есть интересный труд под названием «Сравнение языков», где он исследует шесть языков, которыми владел в совершенстве: латинский, греческий, итальянский, французский, русский и английский.

С начала Второй мировой войны, особенно после оккупации нацистами Франции, жизнь русских эмигрантов стала еще тяжелее. Но сотрудничеством с фашистским режимом ни один из Рябушинских себя не запятнал. Владимир Павлович умер в Париже в 1955 году в возрасте 83 лет.

Типография «Утро России» П.П. Рябушинского в Большом Путинковском переулке, № 3 (1907–1909)

Здание типографии построено Шехтелем тоже в стиле рационального модерна, который – во многом благодаря гениальному зодчему – получит широкое развитие в советской архитектуре 1920-х годов.

Интересна ломаная линия фасада, в котором доминируют огромные окна. Стильный лаконизм – так можно охарактеризовать внешний вид здания.

К сожалению, начиная с 1920-х годов здание неоднократно перестраивалось, утратив первоначальное совершенство пропорций.

«В 2000–2001 годах здание было капитально перестроено под культурно-развлекательный комплекс и является одним из самых удачных примеров реконструкции в Москве. В ходе работ была снесена надстройка типографского корпуса, заложены окна и восстановлена надпись на аттике центрального фасада. Реставрированы керамическая облицовка и остекление здания. Внутренний двор превращен в полноценное общественное пространство, где разместились открытое летнее кафе и небольшая площадка для стоянки автомобилей. Пять уровней культурно-развлекательного центра соединяет панорамный лифт, сооруженный в стеклянной кубовидной пристройке, интересно контрастирующей со старым зданием» (с сайта http://wikimapia.org/).

Типография «Утро России»

Ежедневная газета «Утро России» десять лет была самой прогрессивной русской печатной трибуной, живо откликавшейся на события внутренней жизни и в мире, знакомившая читателей с передовыми достижениями науки и техники. Ее основатель Павел Павлович Рябушинский обладал значительным политическим весом. Кстати, именно он в сложный для страны период назревания массовых беспорядков в 1917 году, понимая, что они в основном инициируются извне, предложил опустить между Российской империей и Западной Европой «железный занавес» – это он придумал этот термин, идея которого была реализована при Сталине. Он понимал гибельность идей, пытающихся ввергнуть страну в хаос революции: «Безумно и преступно над телом и душой России делать эксперименты и применять отвлеченные утопии, рожденные в умах людей, живших в

подполье».

Не лишним будет немного рассказать о самом владельце здания и газеты. **Павел Павлович Рябушинский** (1871–1924) – старший из братьев и единственный из них, удачно совмещавший карьеру бизнесмена с политической деятельностью.

Он окончил Московскую практическую академию коммерческих наук, которая считалась средним учебным заведением. Но благодаря природному аналитическому уму, постоянному самообразованию, общению в кругу умнейших и талантливых людей своего времени Павел Павлович заслуженно снискал себе репутацию интеллектуала, человека независимого в суждениях. Он свободно общался на французском, немецком и английском языках, был прекрасным оратором. События 1905 года выдвинули его на передний план политической борьбы. Торгово-промышленный съезд, прошедший в июле 1905 года, расколол промышленную элиту страны. Павел Рябушинский оказался в ее «левом» крыле: выступал за создание в России парламента. Потом находился в оппозиции к власти.

В 1893 году П.П. Рябушинский женился на А.И. Бутиковой[10], дочери суконного фабриканта И.И. Бутикова. В 1896 году у супругов родился сын Павел. Но семейная жизнь не заладилась. У Рябушинского вскоре вспыхнула новая любовь – к разведенной даме, Е.Г. Мазуриной, матери троих детей. Это не смутило фабриканта, и он начал бракоразводный процесс. В 1901 году он развелся с первой женой и женился на Е.Г. Мазуриной. Но энергичная бывшая супруга добилась через духовную консисторию признания развода недействительным и аннулирования нового брака. Только через три года второй брак Павла Павловича, в котором у него родилось двое детей – Анна и Сергей (умер в детстве), был официально признан.

В 1916 году Павел Павлович заболел туберкулезом легких, который просто преследовал семью: от него в 25 лет умер брат Федор. Семья Рябушинских переехала в Крым, где их и застала Февральская революция. Летом 1917 года он был арестован по обвинению в поддержке Корниловского мятежа, но по личному распоряжению А.Ф. Керенского был освобожден. В 1920 году эмигрировал во Францию.

Даже после смерти Павел Павлович Рябушинский не давал покоя большевикам. На процессе Промпартии в 1930 году прокурор Крыленко поставил главному обвиняемому по делу, Леониду Рамзину, в вину свидание в Париже в 1927 году с Павлом Павловичем, по мнению следствия, стоявшем в центре антисоветского заговора. Чекисты утаили, что это было невозможно по причине того, что П.П. Рябушинский еще в 1924

году умер от туберкулеза и шесть лет как покоился на кладбище Батиньоль.

Торговый дом «Московского страхового от огня общества». «Боярский двор» на Старой площади, № 8 (1901)

В 1901 году около Китайгородской стены на месте, где с 1783 года размещался большой толкучий рынок, «Московское страховое от огня общество» выстроило большую гостиницу и конторское заведение «Боярский двор», пригласив для этой цели Франца Шехтеля.

«Боярский двор». *Фото О. Лёвкина*

Здание было им интересно вписано в улицу, повторяя ее изгиб.

24 сентября 1903 года газета «Новости дня» писала: «На Старой площади введено в эксплуатацию 5-этажное здание «Московского страхового от огня общества», построенное по проекту академика архитектуры Ф.О. Шехтеля. Фасад дома облицован глазурованным серо-зеленым кирпичом, главный вестибюль украшен витражом, изображающим Кремль при заходе солнца. Значительная часть здания сдана Богородско-Глуховской

мануфактуре. Первые три этажа с подвалами рассчитаны на торговые помещения и конторы, четвертый и пятый – заняты гостиницей «Боярский двор»…»

Внутренние помещения «Боярского двора» были удобными и элегантными. В разное время здесь останавливались известные люди, в том числе Максим Горький.

Владелец здания, «Московское страховое от огня общество», было одним из самых крупных предприятий «огневого» страхования в Российской империи. Учреждено в 1858 году группой известных московских купцов и фабрикантов: Л.Г. Кнопом, А.И. Хлудовым, К.Т. Солдатенковым и др. Общество развивало операции по страхованию крупных фабрично-заводских предприятий, имело отделения в Варшаве и Петербурге. Обществу принадлежало два дома в Москве: дом на улице Большая Лубянка, № 14, в котором находилось правление МСОО, и это здание на Старой площади, № 8.

В 1920-х годах здание было передано Наркомзему. В октябре 1941 года средняя часть дома была серьезно повреждена во время фашистской бомбардировки. При этом погиб выходивший из подъезда драматург Александр Афиногенов.

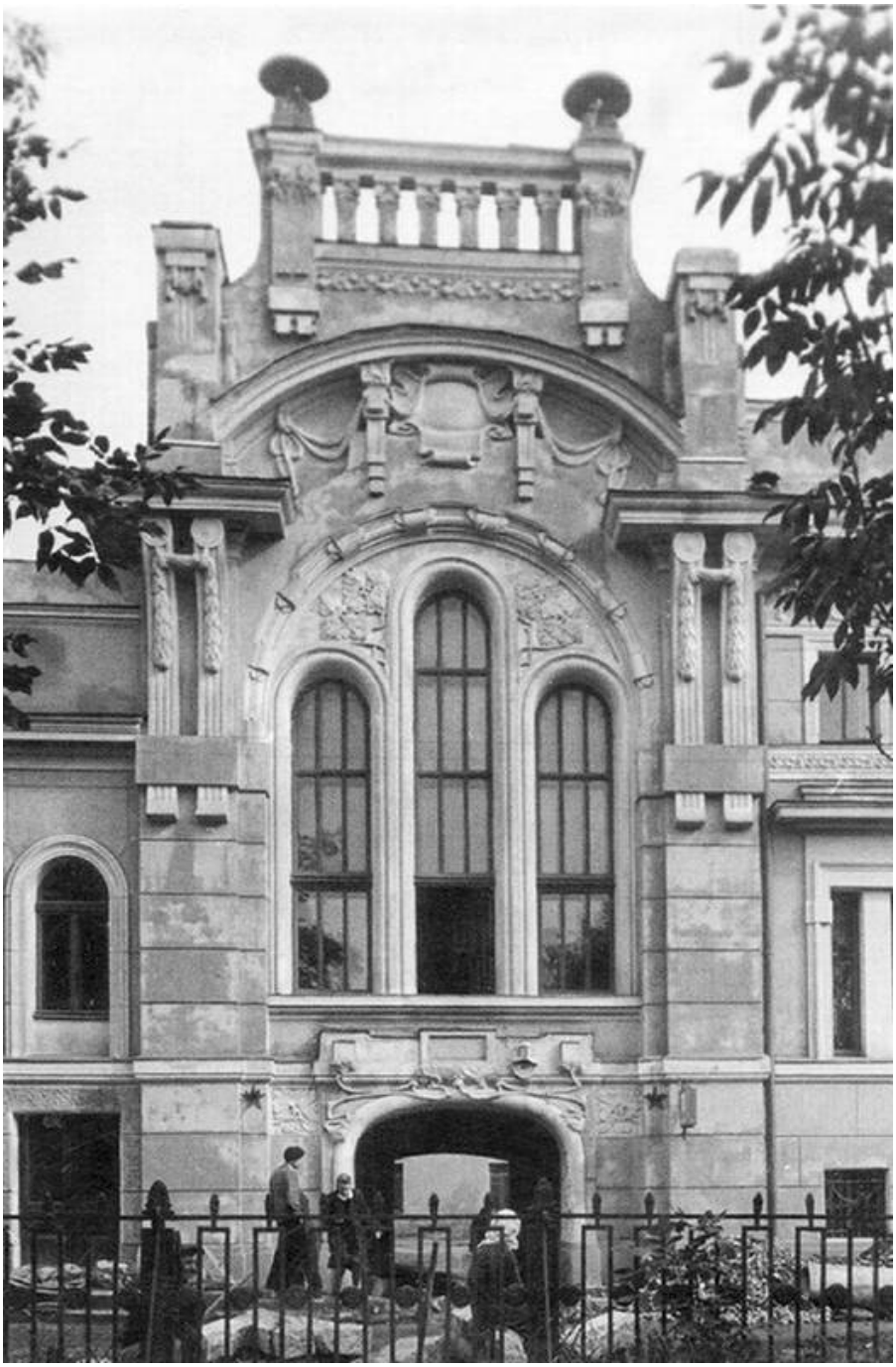
В советское время здание занимал ЦК КПСС, сейчас здесь находится Аппарат Президента РФ.

Особняк П.П. Смирнова на Тверском бульваре, № 18 (1901–1903)

Этот особняк Франц Шехтель построил (при участии известного архитектора А.А. Галецкого) по заказу сына «водочного короля» П.А. Смирнова – Петра Петровича.

Тот приобрел за 299 тысяч рублей у потомственного почетного гражданина Николая Петровича Малютина участок с несколькими зданиями на Тверском бульваре.

Кстати, растиражированные слухи о том, что особняк был перестроен «для любовницы, которая затем стала его законной супругой», и другие – не более чем миф. Я склонна доверять фактам, приведенным в ЖЖ Николая Подосокорского – историка идей, литературоведа, литературного критика, кандидата филологических наук, что и вам советую.



Особняк П.П. Смирнова

Франц Осипович перестроил старый ампирный особнячок в

величественное здание, с фасадом, прорезанным длинными витражными окнами и увенчанным высоким щипцом, на котором располагался картуш с монограммой владельца, отчасти напоминающее замок. Длинный балкон второго этажа с оригинальной кованой решеткой напоминает корабль. Здание было оснащено по последним техническим достижениям своего времени: собственное водяное отопление, вентиляционная система, канализация, горячая и холодная вода. И конечно же телефонизировано.

Первый этаж был отдан хозяйственным службам. На второй этаж вела мраморная лестница, напоминающая застывшую волну. Там располагалась анфилада парадных залов и жилых комнат хозяина и хозяйки, отделанных в разных стилях, что привычно для гениального архитектора, – он продумывал мельчайшие детали интерьера. Кабинет Петра Петровича был сделал в готическом стиле, а в будуаре Евгении Ильиничны потолок был в форме надутого ветром паруса, украшенный по углам богатым лепным орнаментом. Большое значение Франц Осипович придавал освещению. Это и уникальные окна с «горящими» витражами и фасетными стеклами, преломляющими лучи света и дающие эффект дополнительного освещения, многоярусные люстры и потолочные светильники в форме распускающихся бутонов роз…

Детские комнаты, оформленные по мотивам русских сказок, располагалась в мансарде. В дворовых флигелях жила прислуга. Была и собственная конюшня, которая выходила на Малый Гнездниковский переулок. А еще здесь был большой зимний сад с диковинными растениями и даже небольшой зверинец.

После Октябрьского переворота особняк, естественно, реквизировали. С 1922 года здесь заседал Революционный военный трибунал, а затем – городская прокуратура. В 1990-х годах часть особняка отдали Пенсионному фонду РФ. А в 1994 году его потеснили, подселив сюда фирму «Мелодия», у которой отобрали храм Святого Андрея в Вознесенском переулке, № 8, который президент Борис Ельцин пообещал королеве Англии Елизавете II во время ее визита в Москву вернуть англиканской общине.

Потом в здании сменялись клубы и рестораны, а сейчас, после реставрации, вернувшей зданию былое великолепие, находится Дом приемов и торжеств «Империя».

Благодаря **Петру Арсеньевичу Смирнову** (1831–1898), которого еще при жизни называли «водочным королем», русская водка, в частности «Смирновская», известна всему миру.

История о том, как бывший крепостной крестьянин из

деревни Каюрово Ярославской губернии, начинавший половым в московских трактирах, стал купцом 1-й гильдии, одним из самых богатых людей России, создателем «водочной империи», поставщиком дворов его императорского величества и его императорского высочества великого князя Сергея Александровича, потомственным почетным гражданином и коммерции советником, кавалером орденов Анны, Станислава и Владимира, описана и рассказана не раз.

У создателя «Товарищества водочного завода, складов вина, спирта и русских и иностранных вин П.А. Смирнова» Петра Арсеньевича было пятеро сыновей и семь дочерей.

Нас интересует старший сын – владелец особняка **Петр Петрович Смирнов** (1868–1910).

Вначале отец отправил его в Санкт-Петербург, потом вернул в Москву и сделал одним из директоров созданного «Товарищества». После смерти отца именно он продолжил семейное дело, потому что у остальных братьев к нему душа не лежала: Николай предпочитал работе удовольствия, а у Владимира появилась страсть – лошади, и он стал крупным коннозаводчиком.

Петр Петрович был щедрым благотворителем: членом Московского совета детских приютов, попечителем Долгоруковского детского приюта, старостой Благовещенского и Верхоспасского соборов Московского Кремля.

Женат он был на Евгении Ильиничне, урожденной Морозовой. У них были дети: Татьяна, Арсений, Алексей, Ольга и Анатолий. Семья была крепкая и счастливая. Но вдруг такое несчастье: в 1910 году Петр Петрович тяжело заболел фолликулярной ангиной и скоропостижно скончался.

Евгения Ильинична осталась одна с пятью детьми да еще во главе бизнеса. С началом Первой мировой войны Россия приняла «сухой» закон и ввела государственную монополию на водку – это сильно ударило по «Товариществу П.А. Смирнова».

Сошлюсь опять на И. Подосокорского:

«Но вопреки всяким слухам и позднейшим измышлениям семья Евгении Ильиничны до самой революции проживала в этом особняке. Никакому клубу его не сдавали, и никакого синематографа она тут открывать не хотела. Старшая дочь и сын к тому времени создали свои семьи и жили в доме на Пятницкой. Революцию в этом доме встретила Евгения Ильинична с тремя младшими детьми. Дом заняли юнкера, которые вели из дома обстрел красноармейцев, штурмующих соседний особняк градоначальства.

Послереволюционная судьба семьи очень печальна. Евгения

Ильинична, стремясь спасти семью, вышла замуж за итальянского делового партнера Смирновых (итальянского консула Далла Вале Ричи. – *Авт.*) и уехала с ним в Японию. Но детей им взять не разрешили, и они остались в России. Алексей и Анатолий погибли в 1920-х годах. Татьяне с дочкой удалось в 1926 году уехать в Париж. Сын Арсений много скитался по Средней Азии, где умер в середине XX века…»

После национализации завод, некогда принадлежавший Смирновым, продолжал работать, превратившись позже во всемирно известный «Кристалл».

Сумевший уехать за границу младший из сыновей «водочного короля» Владимир вывез технологию и рецепты знаменитых водок и зарегистрировал бренд Smirnoff, который у него затем перекупили компаньоны. Сейчас бренд принадлежит не потомкам «водочного короля», а крупному британскому производителю напитков Diageo.

Особняк А.И. Дерожинской в Кропоткинском переулке, № 13 (1901)

Это здание по праву считается одним из лучших творений Шехтеля и входит в десятку самых ярких образчиков московского модерна.

Его заказала Францу Осиповичу, уже ставшему к тому времени самым модным архитектором Первопрестольной, Александра Ивановна Дерожинская, которая была знакома как с самим зодчим, так и с его творчеством, поскольку первый брак ввел ее в семью Рябушинских, для которых Шехтель построил несколько прекрасных зданий.

Особняк находится в глубине двора, от улицы его отделяет красивая кованая ограда, рисунок которой называется «Роза Глазго».

Фасад здания, прорезанный огромным арочным окном, облицован светло-зеленой керамической плиткой и отделан лепниной в виде цветочных композиций и гирлянд. Парадный вход находится не со стороны улицы, а в глубине двора.

Особняк А.И. Дережинской

Дом имеет два этажа и подвал. На первом этаже располагались гостиные, библиотека, кабинет и будуар хозяйки, покои ее супруга. На второй этаж, предназначенный для детей и их гувернанток, из холла вела красивая лестница, украшенная деревянным резным декором. А вот кухню, которая была тоже на втором этаже, соединяла со столовой специальная «черная» лестница, перила которой поддерживали кованые элементы, сочетающиеся с оградой особняка. Подвал был занят хозяйственными помещениями и комнатами прислуги. Все было оснащено в соответствии с новейшими инженерными технологиями: водяное отопление, вытяжная и приточная вентиляция, электричество, канализация, водопровод, ванные и туалетные комнаты и телефонная связь.

Нельзя обойти молчанием мраморный камин холла – самый большой на то время в Москве. Но не из-за его размеров, а потому что он украшен горельефом, изображающим две человеческие фигуры: мужчину – лицом и женщину, отвернувшуюся и закрывшую лицо рукой. Сейчас трудно сказать, почему Александра Ивановна выбрала именно такой сюжет. Говорят, все еще тяжело переживала предательство первого супруга.

Как всегда, Франц Осипович продумывал даже мельчайшие детали интерьера, делая его единым целым, главным в котором были стиль, удобство и комфорт. Во внутренней отделке по

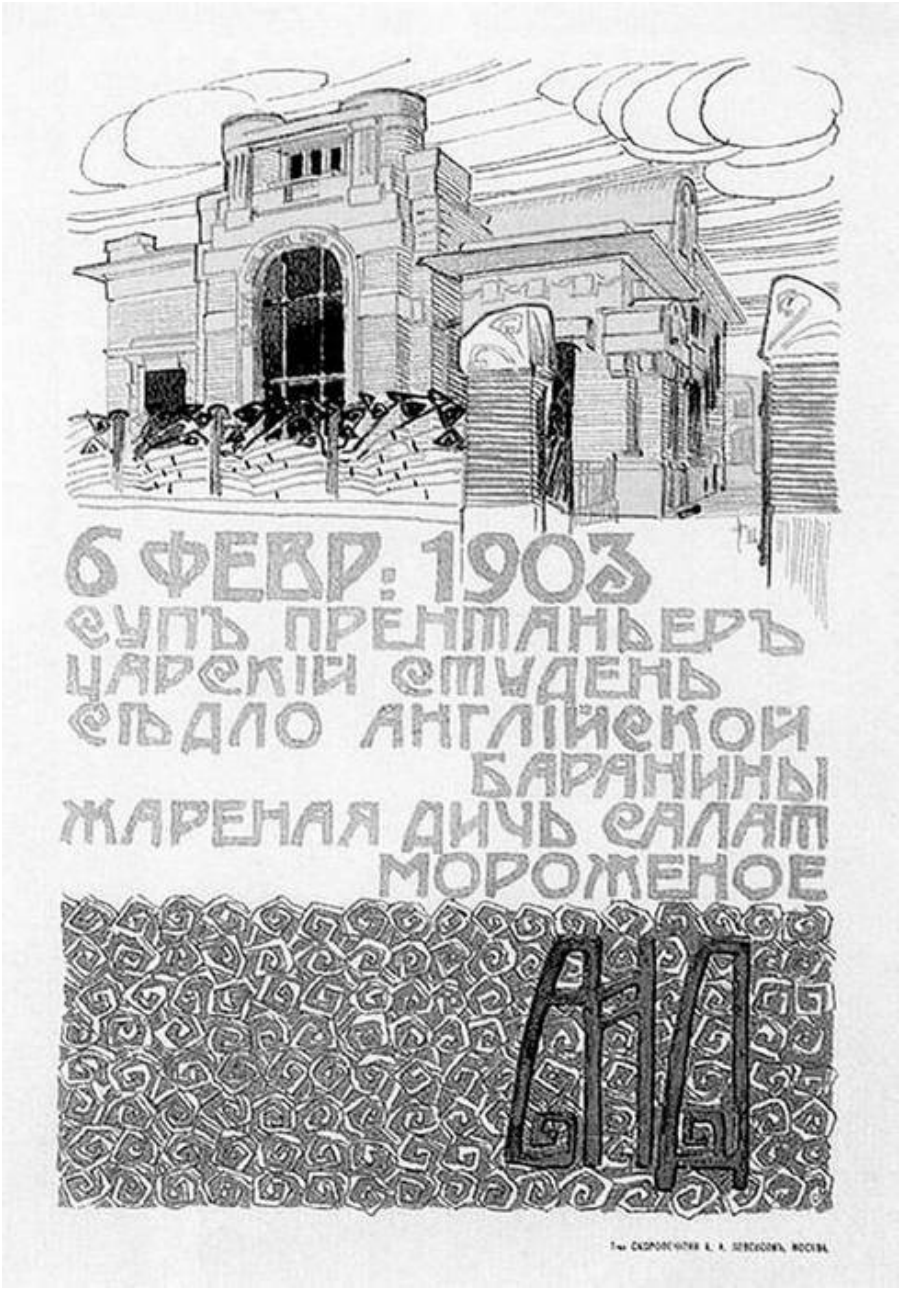
желанию заказчицы было широко использовано дерево: дубовые панели, мебель, уникальный паркет, стеновые панели, лестницы, оригинальные оконные рамы, а также яркая деталь – россыпь потолочных светильников, меняющих интенсивность свечения, обрамленных цветами из лепнины, мода на которые добралась до нас чуть ли не через век.

Кстати, молельни, как это было принято в старообрядческих домах, в особняке не было. Да и дальнейшие три (!) развода мадам Бутиковой-Рябушинской-Дерожинской-Зиминой говорят о том, что хозяйка не очень-то держалась за старые устои.

В начале 1903 года особняк был закончен отделкой. По случаю новоселья был торжественный прием с обедом, меню которого тоже оформил Шехтель.

Но это еще не означало полного завершения работ: своего часа ждали почти 250 квадратных метров площади, предназначенной для потолочных и стенных росписей. Для выполнения фресок Шехтель, у которого был карт-бланш, пригласил талантливого молодого художника Игоря Эммануиловича Грабаря. Тот с увлечением взялся за дело и вскоре представил хозяйке на суд свои эскизы. Но вероятно, наша дамочка включила режим экономии либо просто показала свой вздорный характер – предложила художнику лишь половину от обещанной суммы (5 тысяч рублей). Тот, естественно, отказался.

Она не подумала, в какое положение поставила архитектора, который оговаривал условия заказа… Скрепя сердце Шехтель уговорил взяться за работу (кстати, за урезанный гонорар) уже признанного Виктора Эльпидифоровича Борисова-Мусатова. Тот осмотрел особняк, остался от него в полном восхищении и согласился. Очень может быть, что по дружбе с зодчим.



Меню праздничного обеда по случаю новоселья 6 февраля 1903 года

Художник работал истово, выполнил эскизы, которые на всех, кто их видел, произвели огромное впечатление. Но не на госпожу

Дерожинскую.

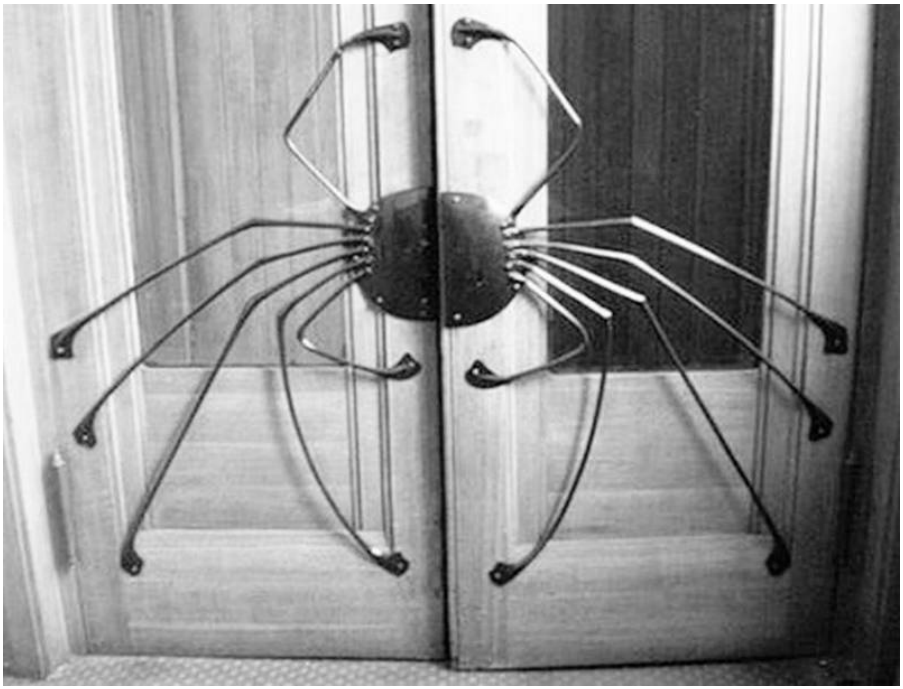
Борисов-Мусатов в письме А.В. Щусеву так обрисовал ситуацию: «Заказ с моими фресками не состоялся, хотя эскизы удались, как говорят. Но барыня, вероятно, думала, что я ей сделаю их для своего удовольствия – задаром. Поэтому половину их я продал в Третьяковку, а остальные два (увы?), по-моему, лучшие, оставил для Парижа». Горечь он не смог скрыть и в письме к А. Бенуа: «Моя фреска потерпела фиаско… Сделал я четыре акварельных эскиза, и они всем очень понравились… Владелица же палаццо, где нужны эти фрески, благородно ретировалась, предложив за них гроши».

Вам это не напоминает сегодняшнее бесправие творческих людей перед толстосумами, которые иногда из скупости, иногда из вредности, а чаще, чтобы продемонстрировать свою полную безнаказанность, не платят творцам?

«Шехтель был в отъезде и не мог объяснить капризной заказчице, что ей предлагают шедевры. В свое время он убедил Зинаиду Морозову принять панно, написанные Врубелем для ее особняка на Спиридоновке. В ту же осень Борисов-Мусатов умер» (с сайта «Моя Москва»).

Говорят, что тот огромный черный паук, выполняющий функцию ручек на внутренних створках входных дверей, – своеобразная характеристика хозяйки дома, данная архитектором.

После 1917 года, естественно, роскошный особняк был национализирован. Там в разные времена располагались: Культурно-просветительское общество Украинской рады, школьный отдел Наркомпроса, которым заведовала Н.К. Крупская (кому из молодых читателей эта фамилия ничего не говорит – вдова В.И Ленина). С 1921 по 1924 год здание занимали норвежский полномочный представитель Ф. Якхельн и норвежская торговая миссия.



Ручка двери «Паук»

Потом в особняке находилась китайская дипломатическая миссия, которая через три года была преобразована в посольство. В начале 1930-х годов – представительства Узбекской, Туркменской и Таджикской союзных республик. За время их пребывания в особняке Дерожинской интерьер уникального здания сильно пострадал: холл был разделен перекрытием на два этажа, частично были разобраны камины, демонтированы бра и плафонные светильники, исчезла уникальная мебель и некоторые стеновые панели, закрашены или заклеены росписи… В 1959 году особняк был передан посольству Австралии.

В 2009–2013 годах в здании проводились полномасштабные реставрационные работы, в ходе которых были восстановлены некоторые потолочные росписи и мозаичные полы. А на стенах появились фрески, выполненные по эскизам Борисова-Мусатова, сохранившимся в архивах Третьяковской галереи. Скажете, новодел? Возражу: историческая справедливость по отношению к художнику. Да и красиво вышло. Говорят…

Портрет владелицы особняка разыскать не удалось, но немного рассказать о ней нужно.

Александра Ивановна Дерожинская (1877 – 1920-е?) была

дочерью богатого купца 2-й гильдии, владельца нескольких текстильных фабрик, собственного магазина на Мясницкой, особняков и подмосковной усадьбы Ивана Ивановича Бутикова, сохранившего веру отцов, – то есть старообрядца. После его смерти миллионное состояние было разделено между сыном, Степаном, и вдовой, Анфисой Федоровной. Сын деловой хваткой отца не обладал, и постепенно бизнес стал приходить в упадок, наследство таять на глазах. После смерти матери в 1890 году ее доля перешла к дочери, Александре.

Та была девушкой энергичной и решительной. Несмотря на то что в шестнадцать лет ее выдали замуж за Павла Павловича Рябушинского и у них уже подрастал сын Павел, Александра стала вникать в коммерческие дела.

После смерти брата (в 1900-х годах), не имевшего детей, к Александре переходит и его часть (остатки, точнее сказать) семейного бизнеса. Деятельная Александра Ивановна стала во главе «Товарищества мануфактур Ивана Бутикова» и сумела так наладить работу, что вывела «Товарищество» из кризиса и сделала вновь рентабельным.

После развода с мужем – кстати, сын Павел остался с отцом – в 1901 году Александра вновь выходит замуж. По большой любви, между прочим. Ее избранником стал поручик Николаевского лейб-гвардии конного полка под руководством великого князя Дмитрия Павловича Владимир Валерианович Дерожинский. Он происходил из небогатой семьи потомственных военных. Но служил, видимо, хорошо, потому как за особую доблесть его имя было «записано на мраморную доску почета».

Построив роскошный особняк в Штатном переулке (позже, в 1921 году он стал Кропоткинским), хозяйка мечтала «свить» в нем семейное гнездо. Но в 1910 году брак, в котором так и не появились наследники, распался.

Вскоре Дерожинская выходит замуж за одного из крупнейших российских текстильных фабрикантов – Ивана Ивановича Зимина, директора «Товарищества Зуевской мануфактуры», тоже, кстати, из среды старообрядцев. Сама Александра Ивановна в благотворительных делах замечена не была, а вот новый ее супруг был меценатом: финансировал созданную его братом Сергеем «Частную оперу Зимина». Иван Иванович после женитьбы переселился в дом жены в Штатном переулке.

По отзыву современников, владелица особняка сумела сохранить отношения со всеми мужьями. Брюс Локхарт (1887–1970) – консул Великобритании в Москве в 1912–1917 годах – вспоминал: «Мне занимательно было наблюдать, как мадам Зимина, московская миллионерша, каждое воскресенье обедала и

играла в бридж со своими тремя мужьями – двумя бывшими и одним настоящим. Это показывало толерантность и понимание, которые в то время были за пределами восприятия западной цивилизации. Английские жены, однако, с ханжеским ужасом разводили руками».

За бывшим мужем, В.В. Дерожинским, сохранилось место в правлении «Товарищества мануфактур Ивана Бутикова», а новый супруг стал официальным финансовым советником.

В браке с Зиминым она родила сына Сергея. Но и это не спасло семью: супруги через какое-то время развелись.

О судьбе владелицы роскошного особняка, который, несмотря на смену ее фамилии, так и остался в истории «Особняком Дерожинской», после революции ходили разные слухи: чаще тиражировалось, что она эмигрировала. Но в воспоминаниях брата ее последнего мужа, Сергея Ивановича Зимина, упоминается встреча с ней в 1921 году в Москве, когда она с Иваном Ивановичем Зиминым и сыном Сережей была у него на дне рождения. И.И. Зимин умер от тифа в 1922 году. Его родня никогда не принимала «дважды разведенку» и считала, что сына у нее следует отобрать. Но дальнейшая судьба Сергея Зимина неизвестна. Как и его матери. По слухам, она какое-то время даже вынуждена была работать в «кассе тотализатора на ипподроме»…

Московский художественный театр в Камергерском переулке, № 3 (1902)

Все знают, Московский художественный театр – одно из самых ярких проявлений новаторского русского театрального искусства – «родился» в 1897 году благодаря союзу гениев: Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Ивановича Немировича-Данченко. А также при непосредственном участии Саввы Тимофеевича Морозова. На деньги последнего для труппы МХТ началась перестройка здания театра Лианозова в Камергерском переулке, № 3. Морозов привлек для этого Франца Осиповича Шехтеля, который «по дружбе» и разделяя идеалы нового театра, сформулированные Станиславским: «Мы стремимся создать первый разумный, нравственный общедоступный театр, и этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь», – трудился с азартом и… «безвозмездно – то есть даром», как говаривала Сова из «Винни-Пуха».

С марта по октябрь 1902 года Ф.О. Шехтель дневал и ночевал в театре, контролируя ход работ. По его чертежам был полностью перестроен зрительный зал, оформленный затем в стиле модерн на контрасте темного низа и серебристо-сиреневой

орнаментальной росписи потолка.

МХТ

Исследователь творчества гениального архитектора Евгения Кириченко: «Близкая по своим устремлениям творчеству Шехтеля программа театра вдохновила его на создание одного из лучших своих произведений. Он создал в театре атмосферу серьезности, почтительного и благоговейного отношения к искусству, невольно подчиняющую себе зрителя. Все, от конфигурации и размеров помещений, цветовой гаммы до мебели, светильников и шрифта надписей, подчинено единой цели: созданию особого мира, интеллектуально и эмоционально насыщенного».

Сцену закрывал огромный занавес, на котором была изображена летящая над волнами чайка – чеховская «Чайка», – ставшая символом МХТ.

О ее истории, думаю, надо сказать несколько слов.

В 1896 году Чехов, узнав о попытке самоубийства Левитана, помчался в подмосковное имение, где тот тогда жил. И нашел друга с пижонской черной повязкой на голове и дамой сердца, нежно за ним ухаживавшей. Взбешенный, Антон Павлович не удержался и наговорил Левитану немало неприятных слов, посчитав его поступок инсценировкой. Тут пришел черед обидеться Левитану: он сорвал с головы повязку, схватил ружье и выбежал из дома. Вскоре в саду прогремел выстрел… Все

испытали шок… А через несколько минут, живой и невредимый Левитан вернулся и бросил к ногам дамы убитую чайку. Чехова, болезненно не приемлющего «театральщину», так покоробила эта выходка и расстроила смерть птицы, что он на несколько лет разорвал с Левитаном отношения. А потом написал свою знаменитую пьесу, в которую ввел эту сцену.

Франц Шехтель очень переживал по поводу их ссоры, и был счастлив, когда они перед смертью Левитана (1900) успели примириться. Эта чайка имела для зодчего собственный, потаенный смысл, связывая двух талантливых людей и его лучших друзей – Чехова и Левитана.

На фронтоне театра над правым входом Шехтель разместил горельеф «Пловец» (его также называют «Волна» и «Море житейское») работы скульптора А.С. Голубкиной.

Многое из задуманного архитектор не сумел воплотить в жизнь: денег было мало, приходилось экономить на всем. Но Мастер создал образ того театра, который прошел неизменным через время и который мы любим.

Ярославский вокзал на Комсомольской площади, № 5 (1902–1904)

Да, да, здание Ярославского вокзала, что на площади трех вокзалов, спроектировал и построил Франц (до официального изменения имени в 1914 году будем называть его так) Шехтель.

Ярославский вокзал на Комсомольской площади

Но не все так просто. Задумал строительство нового московского вокзала один из крупнейших железнодорожных магнатов России Савва Иванович Мамонтов после сдачи в эксплуатацию железной дороги от Москвы до Архангельска. И пригласил, естественно, своего любимого архитектора Льва Кекушева. Но после разорения Мамонтова работа была поручена Шехтелю.

Сложность поставленной задачи была в том, что надо было в новое здание «вписать» старый вокзал, построенный по проекту архитектора Р.И. Кузьмина, да еще по возможности сделать все не так дорого, как обошелся бы кекушевский проект.

Шехтель положил в основу идеи павильон в неорусском стиле, который построил для Международной промышленной выставки в Глазго. Вот его слова: «На нем я изобразил уголок моих построек в Глазго. Эти постройки, в которых я старался придать русскому стилю суровость и стройность северных построек, мне милы более моих других произведений. Для меня это мой девиз».

Здание асимметрично – яркий прием модерна, как мы уже знаем. Главный вход расположен справа – через ризалит (часть здания, выступающая за основную линию фасада и идущая во всю высоту здания), увенчанный шатром. Над входом помещены рельефные изображения гербов трех городов, которые связала новая дорога: Георгий Победоносец – Москвы, святой Михаил Архангел – Архангельска, а медведь с секирой – Ярославля.

Над окнами второго этажа протянулся фриз в бирюзово-зеленых тонах, напоминающий северное сияние и очень гармонирующий с серым тоном стен. Фасад отделан цветным орнаментом, майоликовыми вставками и ажурными металлическими деталями.

Внутреннее помещение вокзала Шехтель значительно расширил за счет крытой площади.

В украшении интерьеров были использованы картины Константина Коровина, посвященные Русскому Северу: «Железнодорожные изыскания в тундре», «Лодки поморов в море», «Съемка жира с кита», «Охота на моржей», «Базар в приморском становище», «Прокладка железной дороги»; в проходе к поездам – «Северное сияние» и «Оленья упряжка»; в левом от входа зале – «Охота на тюленя» и «Разделка крупной рыбы».

Здание нового вокзала вызвало полный восторг москвичей,

часто печаталось на дореволюционных открытках, как одна из главных достопримечательностей Первопрестольной, упрочив положение Шехтеля как первого архитектора Москвы.

Но с середины 1930-х годов началась реконструкция вокзала, который уже не удовлетворял возросшему пассажиропотоку. Пути отодвинули подальше, расширив внутреннюю зону. В 1946–1947 годах под руководством архитектора А.Н. Душкина, автора станций московского метрополитена «Кропоткинская» и «Маяковская», значительно переделали «слишком жутковатые и тревожные» интерьеры, а картины К.А. Коровина, уже причисленного к тому времени к классикам, оказались в запасниках Третьяковской галереи.

Особняк Шехтеля на Большой Садовой улице, № 4, стр. 1, 2 (1909)

На примере этого особняка, построенного Шехтелем для своей семьи, четко прослеживается трансформация стилевых пристрастий архитектора, который уже уходит от модерна в сторону неоклассицизма.

Здание, фасад которого украшен портиком под четырьмя колоннами и барельефом на античную тему: Архитектура, Музыка и Скульптура идут на поклонение к Афине Палладе – богине мудрости, – отлично вписано в антураж одной из центральных улиц Москвы. Тем не менее здесь мы опять встречаемся с асимметрией, свойственной модерну, а также видим оригинальные разновеликие окна, украшенные орнаментами.

Парадный вход, расположенный в боковой стене дома за аркой ворот, вел в семиметровый по высоте холл, являющийся «сердцем» особняка. Здесь на стенах висели живописные полотна из богатой коллекции Шехтеля. Здесь часто устраивались выставки картин друзей его детей – авангардистов. Через лестницу холла можно выйти на плоскую крышу особняка.

Через второй вход, что в глубине двора, попадаешь в жилую, хозяйственную и рабочую части дома с кабинетом хозяина и мастерской. Особняк имел собственную котельную, канализацию, был оснащен вытяжной и приточной вентиляцией.

Интерьеры говорили о личности создателя и владельца: строгий стиль, функциональность и даже некий аскетизм.

Особняк на Большой Садовой улице

Этот дом на Большой Садовой видел многих замечательных людей: художников, поэтов, писателей, музыкантов, актеров, с которыми Шехтеля связывала дружба. А также друзей его детей – имажинистов, футуристов, споры с которыми часто заканчивались тем, что Франц Осипович выгонял их из дома (в особенности Владимира Маяковского, у которого был – не приветствующийся родителями – роман с дочерью Верой). Но все знали об отходчивом характере хозяина и вновь приходили в этот дом.

В 1918 году особняк был национализирован, а семью великого зодчего просто выкинули на улицу. О дальнейшей его судьбе мы знаем (кто забыл – вернитесь назад и освежите память).

В доме Шехтеля сначала был детский сад. Потом здание прибрала к рукам служба госбезопасности, устроив здесь центр слежки за иностранцами, селившимися в расположенной напротив гостинице «Пекин».

В один из дней, когда практически все здания, представляющие культурное достояние, распахивают свои двери, мне довелось побывать в «Особняке Шехтеля». Представители расположенного там с 1993 года гуманитарного и политологического центра «Стратегия» Геннадия Бурбулиса

провели интересную экскурсию, как по самому дому, так и по истории его реставрации.

Дело в том, что какое-то время в 1990-х годах особняк пустовал, в нем поселились бомжи, которые жгли костры из уникального паркета, интерьеры были разграблены, словно по дому прокатилась настоящая война. Фотографии запечатлели тот ужас, что достался в наследство центру. К чести сотрудников, они провели кропотливую и профессиональную работу по реконструкции, следуя чертежам Шехтеля и старым фотографиям. В Чехии по рисункам Мастера были заказаны огромная люстра для холла и светильники. Восстановлен паркет. Конечно, былого великолепия зданию не вернуть: финансовых возможностей не хватает, но то, что уже сделано, заслуживает уважения.

Кинотеатр «Художественный» на Арбатской площади, № 14 (1912–1913)

Начало XX века ознаменовало небывалый интерес к синематографу. Впрочем, кино тогда еще не было искусством, о котором впоследствии Ленин скажет как о важнейшем, а скорее зрелищем, аттракционом. И под показ фильмов приспосабливали любые помещения: подвалы, склады, даже квартиры.

Среди тех, кто понял перспективы, открывающиеся перед синематографом, был управляющий «Варваринского акционерного общества домовладельцев» Роберт Альберт Брокш.

Именно он на участке Арбатской площади, принадлежавшем «Варваринскому акционерному обществу домовладельцев», решил в 1909 году построить здание первого в России электротеатра на 400 мест, для чего пригласил архитектора Н.Н. Благовещенского.

От желающих попасть на открытие электротеатра «Художественный» 11 ноября 1909 года не было отбоя. С аншлагом прошли сеансы французских мелодрам «Жоржетта», «Ангел примирения» и «Посмертное желание матери».

Надо сказать, что название «Художественный» Брокш дал кинотеатру в пику самому популярному среди московской публики Московскому художественному театру, предвидя, что новый вид искусства вступит в конфронтацию со «старым» и, возможно, его сметет. К счастью, этого не произошло, хотя многолетнее соперничество (театра и кино) имело место.

Новое дело оказалось таким прибыльным, что спустя пару лет Брокш приглашает самого модного московского архитектора Франца Шехтеля для перестройки и расширения кинотеатра. Выбор архитектора не был случаен: ведь именно Шехтель придал МХТ тот неповторимый облик.

Зодчий изменил фасад здания, сделав его в стиле неоклассицизма лаконичным, украшенным всего двумя барельефами на античные темы над входами. Впервые – многое у Брокша было впервые! – на фасаде, освещенном гирляндами электрических лампочек, размещались нарисованные профессиональными художниками афиши.

Внутри все подчинялось принципу красоты и функциональности. Здание было оснащено вентиляцией и паровым отоплением. Впервые по примеру театров здесь были оборудованы гардеробные. В большом фойе с мраморными колоннами, украшенном пальмами в кадках и светящимся фонтаном (!), со сделанными на заказ большими хрустальными люстрами перед началом сеансов играл оркестр, выступали певцы и артисты.

Зрительный зал был расширен, и число мест увеличилось более чем вдвое – 900! Кресла партера были удобными, по театральному принципу на балконе разместилась галерка, по двум сторонам от экрана – ложи.

Вскоре «Художественный» стал любимым местом московской интеллигенции.

27 августа 1919 года был принят декрет о национализации кинотеатров, но «Художественный», который стал называться 1-й

Госкинотеатр, и при новой власти сохранил свое привилегированное положение. Именно здесь 18 января 1926 года состоялась триумфальная премьера фильма Сергея Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин».

Есть интересные воспоминания Ксении Немцевич, урожденной баронессы Унгерман, внучки владельца доходного дома № 29 на Арбате Я.М. Толстого:

«Облик нашего дома тоже очень изменился, постепенно куда-то девались прежние жильцы и въезжали совсем другие люди. В 12-ю квартиру въехал некий Генкин, юрист, его квартира кишела бандитами и ворами, которых он защищал, и довольно успешно. Нас он успокаивал, что по воровскому закону у своих не крадут. В квартиру 13 въехал некий Бабаев – крупный делец, армянин, в квартиру 14 – Беренгоф и Мария Трофимовна, она-то и ввела в наш дом цвет этой поднявшейся пены.

Наиболее значительной фигурой была некая Александра Маркеловна, ее отчество почему-то приводило меня в изумление. Она была бывшей горничной купца-миллионера, еще до революции влюбившегося в нее, вывезшего ее в Париж, там давший ей образование и лоск, передавший ей все миллионы, которые она держала за границей. Сам он умер в начале Гражданской войны от инфаркта. Эта Александра Маркеловна не развлекалась дутыми аферами, а купила кинотеатр «Художественный» и привела его в прекрасный вид. Все раздевались при входе. В фойе играл оркестр и в левой части было кафе, второе кафе без столиков было еще в одном зале и третье наверху, в бельэтаже. Фильмы были отменные, шедшие только первым экраном, люди приходили туда, как в театр, причем в большом фойе можно было даже танцевать. Мы с мамой обычно ходили туда вместе с Александрой Маркеловной, в правую ложу, которая всегда была оставлена за хозяйкой. Однажды был такой случай. Мы сидели до сеанса в кафе – пили кофе и ели отличные пирожные. Ее, Александру Маркеловну, куда-то вызвали, она оставила маме сумку, тогда были в моде большие бархатные сумки, вышитые стеклярусом. Начался сеанс, мы пошли в бельэтаж, в ложу, туда же пришла и Александра Маркеловна. И попросила у мамы сумку, а мама забыла ее на столике в кафе. Страшно побледнев, Александра Маркеловна быстро спустилась в кафе. Официант, зная уже нас, сумочку спрятал. Поднявшись наверх, она открыла сумочку, и мама ахнула от блеска золота и драгоценных камней. Оказывается, она носила все свои бриллианты с собой! Куда делась Александра Маркеловна, когда кончился НЭП, я не знаю…»

Куда она делась, выяснить не удалось, а вот то, что кинотеатр

с такой историей уцелел в начале 1960-х, когда его намеревались снести во время строительства Калининского проспекта, – просто чудо! И гражданский подвиг нашей творческой интеллигенции.

В лихие девяностые, когда рухнул отечественный кинопрокат и в большинстве столичных кинотеатров открылись автосалоны, магазины сантехники и залы игровых автоматов, «Художественный» (хоть и с игровыми автоматами тоже) выстоял. Более того, сохранил политику показывать качественное кино по доступным ценам.

Глава 3
Известнее своих создателей

В первых двух главах я рассказала о самых выдающихся московских архитекторах модерна – Льве Кекушеве и Федоре Шехтеле. Их имена знакомы многим. Но не всем так повезло. В этой главе мы познакомимся с самыми известными творениями зодчих, чьи имена знают в основном профессионалы в области архитектуры и искусствоведения. Надеюсь, вы их тоже запомните.

Доходный дом страхового общества «Россия» на Лубянской площади, № 2 (1897–1899)

Пожалуй, немногие дома в Москве испытали столько перестроек и радикальную смену внешности, как этот, в прошлом роскошный, а затем столь зловещий дом на углу Большой Лубянки и Лубянской площади, построенный по проектам архитекторов А.В. Иванова и Н.М. Проскурнина…

В конце XIX века на Большой Лубянке многие владения скупались страховыми компаниями под строительство своих контор и дорогих доходных домов. Не случайно, что именно на Лубянку, на владения титулярного советника, известного гравера и художника Николая Семеновича Мосолова, обратило свой взор одно из крупнейших страховых обществ того времени – «Россия», основанное в 1881 году в Санкт-Петербурге.

Доходный дом страхового общества «Россия»

«В 1890-х годах Мосолов продал свое владение страховому обществу «Россия», которое выстроило в 1897–1899 годах на его месте пятиэтажное доходное здание по проекту архитектора А.В. Иванова, пользовавшегося заслуженной известностью. Работы

этого архитектора нравились публике. Его проект доходного дома в Петербурге на Адмиралтейской набережной был даже «высочайше» царем Александром III отмечен как «образец хорошего вкуса» (*Муравьев В.* История московских улиц).

Надо честно признаться, что это здание не принадлежит к модерну – оно в стиле «эклектики с элементами модерна». Но не только оно само, но и его история настолько интересны, что заслуживают упоминания на страницах книги.

Главным фасадом дом выходил на Лубянскую площадь, боковыми – на Большую и Малую Лубянку, а во дворе стояло еще одно здание, также принадлежавшее страховому обществу, которое арендовала под меблированные комнаты «Империалъ» вдова коллежского асессора Варвара Васильевна Азбукина.

Крышу здания украшали башенки. На центральной башенке с часами были две женские фигуры, символизировавшие Справедливость и Утешение. Второй дом в четыре этажа, также принадлежавший Страховому обществу «Россия», был построен через улицу – вдоль Малой Лубянки в 1897–1900 годах.

Первые два этажа доходного дома занимали магазины и конторы. Здесь находились: книжный магазин Наумова, магазин швейных машин Попова, магазин кроватей Ярнушкевича, пивная лавка Васильевой и Воронина и др.

На третьем – пятом этажах располагались 20 квартир, по 4–9 комнат каждая. Надо сказать, что они были одними из самых дорогих в Москве и обходились арендаторам до 4 тысяч рублей год. Для сравнения: в других районах квартиры такой же площади стоили вдвое, если не втрое дешевле.

В декабре 1918 года декретом Совнаркома были ликвидированы все частные страховые общества, в том числе и «Россия», а их имущество и недвижимость национализированы. В мае 1919 года это здание передали московским профсоюзам, но буквально через несколько дней их, как и всех оставшихся жильцов роскошных квартир, выселяют и отдают дом ведомству Дзержинского. Вскоре там удобно устраивается растущий как на дрожжах аппарат ВЧК.

Новые владельцы здания согласно своим вкусам начинают переделывать и дом, и саму Лубянскую площадь, в 1931 году убрав с нее украшение города – водоразборный фонтан.

Аппетиты конторы, которая постоянно переименовывается, не меняя при этом сути, – ОГПУ, НКВД и пр., растут. Для их удовлетворения сносятся дома по Большой Лубянке, № 2, и в 1932–1933 годах по проекту А.Я. Лангмана и И.Г. Безрукова строится новое здание без архитектурных «излишеств» в стиле конструктивизма, которое составляет единое целое со зданием

Страхового общества «Россия». А старое здание прирастает двумя этажами. А бывшая гостиница «Империалъ», ставшая внутренней тюрьмой, – четырьмя. Проблему прогулки заключенных архитектор Лангман решил оригинально: разделив плоскую крышу высокими стенами на шесть «прогулочных дворов». Заключенных доставляли на крышу на лифтах или вели пешком по лестницам.

Так здание, что совсем недавно радовало глаз москвичей, стало их пугать. Его старались обходить десятой дорогой и невесело шутили – шепотом, на ухо и только проверенным людям:

– Был ГосСтрах – стал ГосУжас!»

И еще:

– Какое самое высокое здание в Москве?

– «Большой дом» на Лубянке.

– Почему?

– Из его окон Магадан виден.

Новый нарком Лаврентий Берия, чтобы решить проблему размещения растущего штата, решает присоединить здание напротив. Проект заказывается обласканному властью архитектору А.В. Щусеву, построившему Мавзолей. Но в связи с началом войны работы были приостановлены и закончены только в 1947 году.

В начале 1980-х годов опять перестройка – отдельно взятого здания, страны в целом – позднее, в ходе которой с крыши фасада исчезают символические фигуры Справедливости и Утешения. И правда, что им там делать? А нарядные башенки-теремки пропали с крыши еще раньше.

С 1996 года в этом здании располагается ФСБ – преемница ВЧК, ОГПУ, НКГБ, МГБ и КГБ СССР.

Архитектор, построивший это здание, – **Александр Васильевич Иванов** (1845 – после 1917?).

В начале 1890-х годов он переехал в Москву из столицы, Санкт-Петербурга, где почти за двадцать лет успешной практики спроектировал и построил более 60 зданий: в основном доходные дома и офисные здания, в том числе и знаменитую гостиницу «Националь».

Человеком он был талантливым и потрясающей работоспособности: строил, перестраивал здания, преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1912 году был избран действительным членом Императорской академии художеств.

Но как-то так неудачно сложилось, что многие его постройки

или уничтожены, или перестроены. Судьба самого архитектора после 1917 года неизвестна.

Просто какая-то злая карма тяготела над многими зодчими московского модерна…

Несколько нарушим хронологию, по которой в книге рассказывается о зданиях, потому что рождение этой известной гостиницы тоже обязано таланту А.В. Иванова.

Гостиница «Националь» на улице Моховая, № 15/1 (1900–1903)

На этом месте, на углу нынешних Тверской и Моховой, раньше были доходные дома купца Москвина и весьма популярный у москвичей трактир «Балаклава». В конце XIX века «Варваринское акционерное общество домовладельцев» выкупило угловой участок под новую застройку. Вначале планировали построить доходный дом. Но дело в том, что совсем недалеко от этого места «Северное домостроительное общество», возглавляемое Саввой Ивановичем Мамонтовым, начало строительство гостиницы «Метрополь», которая стала темой номер один и в прессе, и в разговорах обывателей. Дух соперничества – великий двигатель промышленности и торговли – заставил варваринцев замахнуться на свою гостиницу. Да чтоб стала богаче и престижней: окна-то на Кремль смотрят!

«Националь»

Чтобы переплюнуть Мамонтова с его «Метрополем», выделили астрономическую сумму в два миллиона рублей! Конкурса проектов устраивать не стали, а сразу пригласили Александра Васильевича Иванова, уже покорившего Москву доходным домом страхового общества «Россия» на Лубянской площади.

Перед архитектором стояла сложная задача: органично соединив свое чувство стиля с представлениями купцов-заказчиков о роскоши, создать конкурента «Метрополю». И он с этой задачей справился.

Шестиэтажное здание, плавно огибающее угол двух улиц, гармонично соединило в себе модерн с элементами эклектики и классицизма. В его строительстве были применены новейшие технологии и использованы новые материалы вроде железобетонных конструкций в потолочных перекрытиях. Угловой фасад был украшен майоликовым панно с пейзажем.

В отделке интерьера использовались дорогие материалы – природный камень и благородные сорта дерева. Только на мебель было потрачено 300 тысяч рублей! Поражали воображение мраморные лестницы в вестибюле, витражные окна, мозаичный пол, фигуры атлантов, установленные у входа в лифты.

В январе 1903 года газеты раструбили об открытии «Национальной» – так она вначале называлась – гостиницы. Взыскательная московская и приезжая публика, вернее, ее более консервативная по своим взглядам часть, что морщилась при виде «декадансных» картин Врубеля и отдыхала глазом на стильной роскоши (правда, без восточных излишеств), потянулась к новой гостинице. На первом этаже были расположены кафе-кондитерская и магазин готовой одежды фирмы Петуховых, на втором – ресторан, а с третьего по шестой этаж занимали гостиничные номера и дорогие квартиры, сдаваемые на длительный срок.

Гостиница, как и мечталось заказчикам, стала воплощением шика, совмещенного с новейшими достижениями цивилизации: электрические лифты с зеркалами и диванами, водяное отопление и вентиляция, ватерклозеты – как их тогда называли, – ванные комнаты с горячей и холодной водой, персональные сейфы и телефоны в номерах.

Из 160 гостиничных номеров не было ни одного похожего. Самые дорогие апартаменты люкс расположились на верхних этажах. Они имели необычные названия: «Гостиная Людовика XV», «Гостиная Людовика XVI» и др. и предназначались для членов царского дома, европейских монархов и высокопоставленных иностранных дипломатов. Кроме того, гостиница предлагала постояльцам собственную библиотеку с хорошим подбором книг и прекрасный ресторан с богатым меню. В нем, кстати, балерина Анна Павлова всегда заказывала свой любимый борщ с гусем.

И хотя проживание в гостинице колебалось от 1 рубля 50 копеек до 25 рублей в сутки (для сравнения: в начале XX века

земские учителя и врачи получали жалованье 10–15 рублей, что являлось неплохим доходом), от постояльцев не было отбоя! Ее облюбовали представители царской семьи. Так, в 1913 году свои постоянные апартаменты здесь имел великий князь Александр Михайлович – дядя императора Николая II, высшие чиновники, в частности премьер-министр С.Ю. Витте, аристократы, творческая элита в лице И.А. Бунина, Ф.И. Шаляпина, Н.А. Римского-Корсакова, приезжали писатели Анатоль Франс и Герберт Уэллс…

Гостиничный штат был безукоризненно вышколен и набирался только по личной рекомендации сотрудников.

После Октябрьской революции «Националь», который переименовали в «Первый Дом советов», облюбовали вожди и видные деятели нового правительства. Так, в номере 107 жили и работали Ленин и Крупская. В соседнем номере расположилась сестра Ленина М.И. Ульянова. Ну и еще целый ряд высокопоставленных большевистских «аскетов»: Дзержинский, Свердлов, Сталин, Троцкий и др.

В 1930-х годах здесь снова открылась гостиница.

«Тогда в «Националь» свезли реквизированную мебель из Царскосельского дворца и богатых усадеб. Атмосфера самого шикарного советского отеля привлекала иностранцев, но высокая цена номеров отпугивала даже их. И при советской власти здесь останавливались крайне состоятельные политики, представители интеллигенции – здесь жили, например, М.А. Шолохов, Герберт Уэллс и Уинстон Черчилль, который очень жаловал «Националь». Интеллигенция и советская богема часто наведывалась в гостиничный ресторан, куда можно было зайти с улицы, не останавливаясь в номерах.

Однако в советское довоенное время своим выживанием гостиница была обязана лишь тому факту, что была связана с памятью Ленина. Только по этой причине она получила статус исторического памятника и уцелела до наших дней, когда обрела второе рождение» (Елена Лебедева).

В 1932 году зданию вернули гостиничный статус.

С 1991 по 1995 год проводилась масштабная реконструкция и реставрация «Националя».

Черной датой в более чем вековой истории гостиницы, да и в нашей отечественной, стало 9 декабря 2003 года, когда в результате взрыва припаркованного возле гостиницы «мерседеса» погибли шесть человек, в том числе обе террористки – чеченские шахидки, и еще двенадцать человек получили ранения разной тяжести. Взрывной волной были выбиты стекла на первом и втором этажах. В июне 2005 года у гостиницы «Националь» был открыт памятный знак: на кубе из черного мрамора высечена

искра, написаны имена погибших и слова: «Вечная память жертвам террористического акта 9 декабря 2003 года».

На сегодняшний день гостиница является одной из наиболее дорогих и комфортабельных в Москве. С 2006 года она стала официально называться Le Royal Méridien National и вошла в международную гостиничную корпорацию Starwood Hotels & Resorts Worldwide.

С 1 сентября 2009 года, после очередной реновации, гостиница стала The Luxury Collection, из той же международной компании Starwood Hotels & Resorts Worldwide.

Как вы уже догадались, от отечественного бренда «Националь» остались только исторические стены.

Особняк А.А. Морозова на Воздвиженке, № 16 (1897–1899)

Когда выходишь из вестибюля станции метро «Арбатская», первое, что бросается в глаза, – удивительный особняк-замок. Словно декорация к фильму о завоевании… маврами Москвы.

Подобные эмоции испытывали и современники, когда на Воздвиженке – в аристократическом районе – выросло… это сооружение.

Владимир Гиляровский с удовольствием цитировал эпиграмму, сочиненную актером Михаилом Садовским:

Сей замок на меня наводит много дум,
И прошлого мне стало страшно жалко.
Где прежде царствовал свободный русский ум,
Там ныне царствует фабричная смекалка.

А Лев Толстой вложил в уста своего героя романа «Воскресение» Нехлюдова размышления о строительстве «глупого ненужного дворца какому-то глупому ненужному человеку».

А уж матушка владельца особняка, Варвара Алексеевна Морозова – женщина характера крутого и острая на язык, подарившая сыну на 25-летие этот участок рядом со своей усадьбой, в сердцах бросила:

– Раньше только я знала, что у меня сын дурак, а теперь вся Москва увидит!

Так кто же этот «сын дурак», ставший в Москве притчей во языцех?

Особняк А.А. Морозова

Арсений Абрамович Морозов (1874–1908) был из многочисленного клана богатых купцов и фабрикантов, меценатов и страстных коллекционеров. Но к работе его не влекло. Впрочем, как и к учебе, науке, искусству, благотворительности и пр. и пр. Красавец, кутила, заядлый охотник, Арсений прожигал свою жизнь яростно и со вкусом.

Матушка надеялась, что после женитьбы сынок остепенится, – ничуть не бывало!

«Арсений А. Морозов первым браком был женат на Вере Сергеевне Федоровой, дочери архитектора» (*Филаткина Н., Дроздов М.* Морозовы. Династия фабрикантов и меценатов: Опыт родословия).

Несмотря на рождение дочери, брак не сложился. Говорят, супруга вскоре убежала от своего непутевого мужа к начальнику сыскного отделения Лебедеву. Есть и другое мнение, что супруги просто разъехались без оформления развода.

Достоверно можно сказать одно: оставленный муж не горевал

– в особняке на Воздвиженке не жизнь была, а сплошной праздник! Московский бомонд, несмотря на критическое отношение к дому-замку и ироничное к его владельцу, с удовольствием бывал на банкетах и приемах, которые с размахом и выдумкой давал хозяин. Частенько сюда заглядывал и двоюродный дядя Арсения – Савва Тимофеевич Морозов, привозя с собой многочисленных друзей, в том числе и Максима Горького.

Жизнь Арсений прожил бездарно, и оборвалась она нелепо: как-то в компании приятелей, не первый день отмечающих что-то в Твери, он поспорил, что сила духа человека безгранична. Вышел в другую комнату, прострелил себе ногу, вернулся к столу и ни единым мускулом не выдал боли, продолжая пировать. Пари-то выиграл, да через несколько дней скончался от гангрены.

И вот тут все с удивлением узнали, что его наследницей оказалась некая госпожа Коншина. О, об этой женщине по Москве ходили далеко не красящие ее слухи!

«В самом начале 90-х годов <…> жила-была в Москве молоденькая закавказская красавица Нина Окромчаделова, ласковая, умная, зачаровавшая чуть ли не пол-Москвы: и старых, и молодых. Я ее никогда не встречала, но слышала, что под ее чары подпали оба Коншина – отец и сын. <…> Сплетни переплетались и путались: то Нина выходила замуж за старика Владимира Дмитриевича, то за сына его Николая Владимировича» (*Зилоты В.П.* В доме Третьякова).

И братец Нины был ей под стать – первейший аферист! Это он сумел «пристроить» сестру к Арсению Морозову, за одну ночь в купе до Санкт-Петербурга вконец растаявшему от рассказов красавицы о своей «несчастной судьбе» и ее необыкновенных чар.

Газеты захлебывались от пересудов: «…в коммерческих кругах говорят об иске в несколько миллионов рублей, вчиняемой супругой покойного г-жой Федоровой к некоей г-же Коншиной, явившейся неожиданной наследницей великолепного дворца в мавританском стиле на Воздвиженке и 4-миллионного состояния покойного».

В результате выиграла любовница… И прожила в особняке до 1917 года.

Надо признать, что кое в чем Арсений Морозов оказался прав, когда возражал братьям: «Мой дом будет вечно стоять, а с вашими картинами еще неизвестно что будет». Действительно, богатые художественные коллекции Морозовых оказались в разных музеях и частных руках, а дом стоял и стоит! Да еще и прославил имя своего владельца.

Откуда же в голову самому непутевому из Морозовых пришла идея строительства именно такого замка?

На Всемирной выставке в Антверпене в 1894 году Арсений Морозов – заграничные выставки он любил посещать – познакомился с архитектором Виктором Мазыриным. Выяснилось, что оба увлекались мистикой и эзотерикой, да и просто оказались приятны друг другу. Тут у Арсения и родилась мысль построить дом, «какого не видели на Москве».

Когда зодчий поинтересовался, в каком стиле, заказчик вопрос решил легко: «Во всех стилях строй, у меня есть деньги!»

Но вначале Морозов с Мазыриным отправились за поиском идей в путешествие по Европе. И в центре португальского города Синтра Арсений увидел дом своей мечты – дворец Пена (Palacio Nacional da Pena), как бы привязанный мраморными канатами к горе Круц-Альта.

Хозяин – барин! И по возвращении в Москву стройка закипела. Первый камень – что было традицией для архитектора – заложила его старшая дочь Лидия, балерина Мариинского театра.

«Мавританский стиль наиболее ярко проявляется в оформлении парадного подъезда, а также двух башен, расположенных по двум сторонам от главного входа. В остальных же частях этого сооружения архитектура эклектична. Например, некоторые оконные проемы украшены классицистическими колоннами, а общая асимметричная структура особняка больше характерна для модерна. Эклектика сохраняется и во внутренней отделке сооружения. Так, например, столовая, названная «Рыцарским залом», была оформлена в стиле готики, женская половина дома оформлена под барокко, гостиная – в стиле ампир…» (Екатерина Шаблова и Дарья Кузнецова, корреспонденты портала ГдеЭтотДом. РУ «Воздвиженка, № 16: Дом дурака, покоривший века).

Во время революции в здании располагалась штаб-квартира партии анархистов – уж эти бунтари против всего и вся умели выбирать для себя дома!

С 1918 до 1928 год здесь находился 1-й рабочий театр Пролеткульта. В этот период здание постоянно посещали Всеволод Мейерхольд, Владимир Маяковский, Сергей Эйзенштейн и Сергей Есенин. Последний даже прожил «в замке» несколько месяцев, поселившись в чердачном помещении у сотрудника канцелярии – поэта Сергея Клычкова, который приспособил под жилье бывшую ванную.

Потом особняк перешел в ведение Наркомата иностранных дел. Сменяя друг друга, здесь размещались посольства Японии, Индии. Во время войны здесь работала редакция английской газеты «Британский союзник».

С 1950-х более полувека зданием владел «Союз советских

обществ дружбы и культурных связей с народами зарубежных стран».

В начале 2000-х годов здание подверглось серьезной реставрации, и в 2006 году в нем открылся Дом приемов правительства России.

Вы конечно же можете упрекнуть меня в том, что особняк на Воздвиженке не относится к зданиям в стиле модерн. И будете правы.

Просто не хотелось обойти молчанием этот дом. Во-первых, потому, что он построен архитектором, которого причисляют к мастерам московского модерна. Во-вторых, отдать дань его смелости: во время всеобщего увлечения модерном, когда такое сооружение выглядело вызовом стилю и вкусу, он решился… Ну а в-третьих, – теперь-то мы считаем, что это красиво!

Построил особняк на Воздвиженке **Виктор Александрович Мазырин** (1859–1919).

Он родился в Алатыре Симбирской губернии. Об этом человеке вообще известно немного. Из какой он семьи? Нет ответа. Виктор рано осиротел и воспитывался в семье тетки. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества со званием классного художника архитектуры. Учился вместе с художником Константином Коровиным, с которым был дружен всю жизнь.

Человеком Виктор Александрович был приятным и общительным. И в числе его близких знакомых были такие выдающиеся люди, как В.А. Серов, Ф.И. Шаляпин, В.М. Васнецов, И.Э. Грабарь, А.М. Горький, А.И. Куприн…

Многие из них подтрунивали над увлечением Мазырина эзотерикой, мистикой, оккультизмом, но беззлобно – тогда мода была на это (впрочем, как и теперь). Сам зодчий не обращал на подколы никакого внимания и был абсолютно уверен, что его душа прошла несколько реинкарнаций и ранее принадлежала строителю египетских пирамид.

Еще одной его страстью были путешествия. Виктор Александрович исколесил Европу, побывал в Японии и дважды в Египте.

Мазырина привлекали к строительству павильонов для Всемирной выставки в Париже (1889), Среднеазиатской выставки в Москве (1889), Всемирной выставки в Антверпене (1894), где и произошло знакомство с Арсением Морозовым.

Надо сказать, что особняк на Воздвиженке принес архитектору скорее скандальную славу, и особняков он больше не строил: «нелепый дом» эстеты так ему и не простили. Можно

сказать, что зодчий «исправился» и выстроил несколько доходных домов в «чистом модерне».

Скончался Мазырин в 1919 году от брюшного тифа. Похоронен на Пятницком кладбище.

Гостиница «Метрополь» в Театральном проезде, № 2 (1899–1905)

На месте, где стоит «Метрополь», раньше располагалась гостиница с банями – так себе, второсортное заведение, хоть и построенное по проекту архитектора Осипа Ивановича Бове. Принадлежало оно купцу Челышеву, и москвичи сразу окрестили его «Челыши».

К концу XIX века здание обветшало и сильно диссонировало с центром меняющей свое лицо Первопрестольной. Железнодорожному магнату, возглавлявшему «Северное домостроительное общество», Савве Ивановичу Мамонтову пришла в голову – голову гениальную! – идея создания на этом месте большого многофункционального гостинично-развлекательного (как сейчас бы назвали) комплекса.

«Метрополь»

В 1899 году был объявлен конкурс архитектурных проектов. Победителями стали Лев Николаевич Кекушев и Николай Львович Шевяков. Но Савва Иванович, несмотря на то что сам сделал Кекушева главным архитектором «Северного домостроительного общества» и по проектам которого построил

немало прекрасных зданий, волевым решением начал строительство по проекту двадцатипятилетнего Вильяма Валькота, который занял лишь четвертое место.

Помимо зимнего сада, залов для выставок, концертного зала, ресторанов и магазинов, проект предусматривал шестиярусный оперный театр на 3 тысячи мест, – грандиозная мечта Мамонтова: «чуть больше Венской оперы!» – который должен был стать домом для мамонтовской «Частной оперы».

Но в том же году Савву Мамонтова арестовывают по обвинению в крупных растратах[11].

Новые владельцы строительства включают режим экономии: вместо театра – ресторан, увеличение количества гостиничных номеров и пр. С целью изменения проекта приглашаются… архитекторы Кекушев и Шевяков. Так что спираль истории замкнулась в круг!

Можно сказать, что какой-то злой рок тяготел над этим проектом, – в 1901 году сильнейший пожар практически уничтожил внутренние интерьеры гостиницы, да и серьезно повредил само здание.

Начинать пришлось чуть ли не с нуля. Новый проект составил архитектор Стефан Петрович Галензовский. Надо отдать ему должное: он бережно подошел к работе предшественников, и фасад гостиницы украсили 23 майоликовые панно, утвержденные самим Мамонтовым и изготовленные в его Бутырской керамической мастерской, – «Принцесса Греза» по картине М.А. Врубеля, «Жажда», «Поклонение природе» и «Поклонение божеству» по эскизам художников А.Я. Головина и С.В. Чехонина и скульптуры «Времена года» Н.А. Андреева.

Здание опоясывала цитата из Ницше на майоликовых плитках: «Опять старая истина: когда построишь дом, то замечаешь, что научился кое-чему». В советские времена изречение «реакционного» философа посчитали неуместным, и на его месте появилась другая цитата: «Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала. В.И. Ленин». Очень уместно на фасаде роскошной гостиницы, ставшей воплощенным манифестом модерна? Ха! Один из ярких примеров советского идеологического маразма.

«Метрополь». *Фото В. Вельской*

В 1905 году состоялось торжественное открытие «Метрополя» – самого передового на тот момент здания в сфере гостиничного бизнеса.

Всего здесь было 400 номеров для проживания и не было двух похожих в оформлении. А вот то, что было в каждом: горячая и холодная вода в кранах, водяное отопление и вентиляция, холодильники (!), заполняемые льдом, телефон… Все это вызвало полный восторг посетителей. У гостиницы была своя электростанция и своя собственная артезианская скважина.

В 1906 году в этих стенах открылся первый в Москве двухзальный синематограф «Театр «Модерн». В 1930–1980-х годах он стал трехзальным и назывался кинотеатром «Метрополь». А в 1986 году его уничтожили.

Сразу после открытия «Метрополь» становится не только престижным пристанищем для богатых гостей из других городов и заграницы, но и любимым местом встреч и отдыха москвичей. В кабинетах «Метрополя» заключали миллионные сделки такие крупные российские промышленники, как Савва Морозов и братья Рябушинские. Оценив кухню новой гостиницы, туда частенько заезжали поужинать люди искусства: В. Брюсов, З.

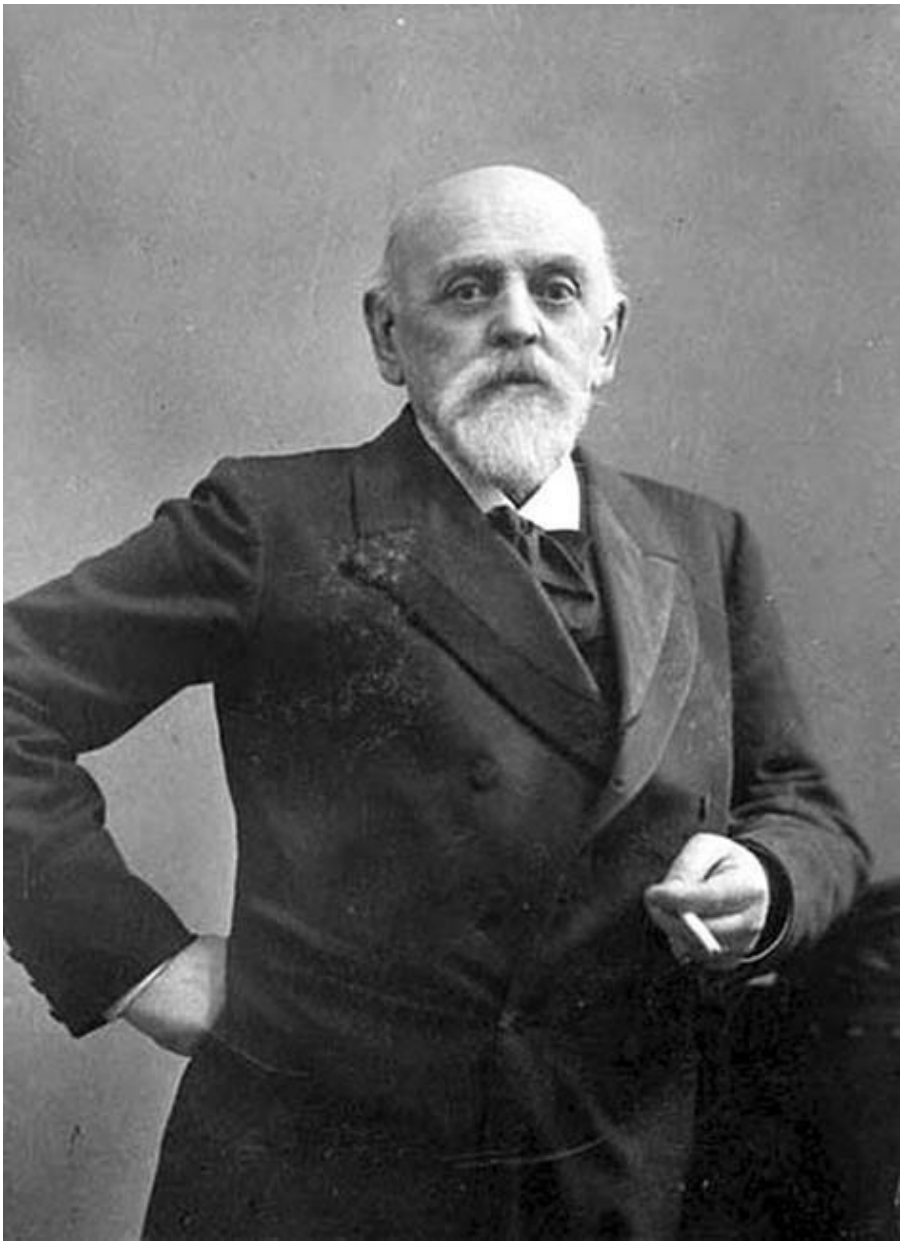
Комиссаржевская, С. Рахманинов, Ф. Шаляпин и многие другие.

В 1918 году, после переезда советского правительства в Москву, «Метрополь» превратился в одну из главных резиденций новой власти, получив название «Второго Дома советов» (как уже упоминалось, «Первым Домом советов» стала гостиница «Националь»). Здесь до 1919 года в помещении ресторана проводились заседания В ЦИК, на которых регулярно выступали Ленин и Троцкий, в номерах гостиницы комфортно устроилась элита «пролетарской власти»: Чичерин, Бухарин, Антонов-Овсеенко и др.

В конце 1920 годов «Метрополь» вновь становится гостиницей – очень популярной и престижной. Здесь жили Бернард Шоу, Бертольт Брехт, Сергей Прокофьев, Алексей Толстой, Александр Куприн…

Стены «Метрополя» видели выдающихся людей: Вана Клиберна, Монтсеррат Кабалье, Мстислава Ростроповича, Пласидо Доминго, Ив Сен Лорана, Майкла Джексона, Элтона Джона, короля Испании Хуана Карлоса, а также дипломатов, президентов и премьер-министров со всего мира, звезд первой величины – Арнольда Шварценеггера, Шэрон Стоун, Пьера Ришара, Жерара Депардье и др.

Нельзя не вспомнить об авторе идеи строительства «Метрополя» – **Савве Ивановиче Мамонтове** (1841–1918) – успешном промышленнике, железнодорожном магнате, щедром благотворителе и меценате, талантливом человеке, которого современники шутливо-уважительно называли Саввой Великолепным, без которого Москва конца XIX – начала XX века не стала бы такой, какой стала и какую мы любим.



С.И. Мамонтов

Савва Иванович происходил из славного старообрядческого рода. Он родился в городе Ялуторовске, в Тюменской области, где жили ссыльные декабристы, с которыми дружил его отец, купец Иван Федорович Мамонтов. Позже некоторые из получивших

амнистию декабристов останавливались в доме Мамонтовых в Москве, куда семейство перебралось в 1849 году. Декабристами юный Савва искренне восхищался всю жизнь: в его рабочем кабинете висели их портреты.

Нарушая привычную схему купеческой преемственности, Савва Мамонтов рано проявил интерес к изящным искусствам. Он с юности был близок к секретаревскому кружку, центром которого был драматург А.И. Островский, играл в спектаклях кружка. Так, в «Грозе» исполнил роль Кудряша, а сам автор пьесы – Дикого.

В 1864 году после измотавшей Савву поездки по торговым делам в Персию отец отправил сына в Италию, изучать там шелковое дело и окрепнуть. Но тот в Милане стал учиться не тому, серьезно увлекшись пением. И весьма в этом преуспел, поскольку его приглашали петь в Ла Скала! В Италии он подружился со многими русскими стипендиатами Академии художеств и в особенности со скульптором Марком Антокольским. Сам стал заниматься скульптурой и в этом тоже проявил недюжинный талант.

«Он один из самых прелестных людей с артистической натурой, – писал о Мамонтове Антокольский. – Он – прост, добр, очень любит музыку и очень недурно сам поет».

Там же, в Италии, Савва познакомился с семнадцатилетней дочерью московского купца Григория Григорьевича Сапожникова – Елизаветой. Через год, 25 апреля 1865 года, в мамонтовском имении Киреево состоялась их свадьба. Елизавета не отличалась особой красотой, но обладала обаянием нравственной чистоты и доброты сердечной, любила читать, пела, занималась музыкой, словом, была Савве родственной душой.

Молодая семья поселилась в доме на Садовой-Спасской улице, купленном для них отцом Саввы Мамонтова, который вскоре превратился в один из культурных центров Москвы.

Своих детей Мамонтов назвал с выдумкой: Сергей, Андрей, Всеволод, Вера и Александра – из первых букв их имен складывается Савва.

Выбирая весной 1870 года загородный дом для семьи, Савва Иванович не случайно обратил внимание на имение Абрамцево писателя Аксакова, что в трех верстах от деревни Хотьково. При жизни хозяина это был один из культурных центров Подмосковья: там часто гостили Тургенев, Тютчев, Самарин, Загоскин, Щепкин, Грановский, Погодин, подолгу жил Гоголь. В 1859 году Сергей Тимофеевич Аксаков скончался, и жизнь в Абрамцеве на некоторое время затихла.

Савва Мамонтов, не торгуясь, заплатил дочери Аксакова за

обветшалый деревянный дом, постройки XVIII века, участок с речкой Воря, двумя прудами и старым лесом 15 тысяч рублей – сумму по тем временам немалую.

Приводя в порядок обветшавшие постройки и возводя новые, Мамонтов старался сохранить «аксаковский дух». В 1870 – 1890-х годах на территории усадьбы появился ряд построек в «русском стиле»: керамическая мастерская (архитектор В.А. Гартман), «Терем» (архитектор И.П. Ропет), по проекту Виктора Васнецова была построена церковь Спаса Нерукотворного. Хозяйка Абрамцева Елизавета Григорьевна открыла школу для крестьянских детей и столярно-резническую мастерскую. Выпускники мастерской получали в подарок инструменты для организации своего дела.

И вскоре Абрамцево, переживая второе рождение, вновь становится культурным центром России. Постепенно здесь образуется ядро талантливых людей и единомышленников, в основном художников, вошедшее в нашу историю как «Абрамцевский кружок». Это архитектор В.А. Гартман, скульптор М.М. Антокольский, искусствовед А.В. Прахов, художники И.И. Левитан, Н.В. Неврев, И.Е. Репин, братья Васнецовы, братья В.Д. и Е.Д. Поленовы, М.А. Врубель, В.А. Серов, М.В. Нестеров, К.А. Коровин.

Савва Иванович имел удивительный дар: разглядеть истинный талант, и при этом он был очень тактичен, поддерживая его и развивая. Он первым обратил внимание на Федора Шаляпина, «выкупив» того из Большого театра, где ему не давали ролей, и сделав из него величайшего артиста.

В спектаклях домашнего театра, пьесы для которого часто сочинял сам хозяин Абрамцева, участвовали не только профессиональные артисты, но и художники, музыканты, а также родственники, друзья и гости Мамонтовых и конечно же сам Савва Иванович. Декорации и костюмы делали друзья – художники. Постановками часто занимался К.С. Станиславский. Нередко шаляпинский бас, вырвавшись за стены дома, разносился по окрестным лугам и глади озера. Из этого домашнего театра выросла первая в России «Русская частная опера» Мамонтова.

У С.И. Мамонтова в Абрамцеве

Издаваемый им журнал «Мир искусства» стал настоящей трибуной новых стилей в искусстве – модерна и символизма. Мамонтов состоял деятельным «членом-учредителем» цветаевского Музея изящных искусств в Москве, на создание которого пожертвовал значительные средства.

И сентября 1899 года Савву Ивановича арестовали по обвинению в незаконном использовании денег Акционерного железнодорожного общества. Внимание: не акционеры, которые исправно получали свои высокие дивиденды, а государство в лице министра финансов С.Ю. Витте, который раньше благоволил Мамонтову, представлял к наградам, да вдруг диаметрально поменял свою точку зрения! Почему? Не умаляя заслуг Сергея Юльевича, нельзя не отметить: будучи членом Государственной комиссии, курирующей состояние железнодорожного дела в России, он вначале покровительствовал первым строителям железных дорог. Позже, когда некоторые из них стали крупными железнодорожными магнатами, довел до разорения или смерти.

Среди них оказался и Савва Иванович Мамонтов.

Человека, которым вчера еще восхищались, чьей дружбы и

расположения искали, пешком под конвоем доставили в Таганскую тюрьму. Есть ли предел унижению? На все имущество Мамонтова был наложен арест. Суд определил большой залог – 763 тысячи рублей. Где было их взять родственникам, когда все счета арестованного были заблокированы? Но друзья, среди которых были Сапожниковы и Савва Тимофеевич Морозов, готовы были внести всю сумму, как она неожиданно увеличилась до 5 миллионов рублей! Вынуть такие огромные деньги из оборота даже для богатых предпринимателей было непросто…

За полгода, проведенные в тюрьме, Мамонтов тяжело заболел чахоткой. Под давлением общественности и врачей камеру ему заменили домашним арестом.

Инспирированная правительством пресса обрушила на Мамонтова такие цунами «разоблачительной» лжи, что полностью погребла под ними до этого кристальную деловую репутацию промышленника.

А вот люди, хорошо знавшие Савву Ивановича, московская творческая интеллигенция протестовали: письма в защиту Мамонтова с подписями виднейших представителей культуры и крупных бизнесменов шли в различные инстанции. Безрезультатно.

23 июня в Московском окружном суде началось судебное разбирательство. На скамье подсудимых оказался не только сам С.И. Мамонтов, но и его сыновья Сергей и Всеволод, брат Николай, а также два члена правления: К.Д. Арцыбушев и М.Ф. Кривошеий.

Защищал обвиняемых известный московский адвокат Ф.Н. Плевако. Надо отметить, что ни один человек, дававший показания, не сказал о Савве Ивановиче ни одного худого слова!

Процесс длился несколько дней, и 30 июня присяжные вынесли свой вердикт: невиновен. Суд завершился триумфом Мамонтова!

Зал, до отказа забитый людьми, по свидетельству очевидца – К.С. Станиславского, «…дрогнул от рукоплесканий. Не могли остановить оваций и толпы, которая бросилась со слезами обнимать своего любимца».

Но Савва Великолепный был сломлен духом и разорен. Его дом на Садовой почти два года простоял опечатанным. Вода в трубах зимой замерзла, а весной их разорвало, заливая бесценные коллекции хозяина.

В 1903 году состоялась распродажа имущества. Часть богатой художественной коллекции Мамонтова стараниями И. Остроухова и В. Серова ушла в Третьяковскую галерею, другая – осела в частных руках или была вывезена за границу, оказавшись

утраченной для России.

Кстати, акции железных дорог и заводов, принадлежавшие Мамонтовым, удивительным образом оказались в руках родственников супруги Витте. Так-то!

Последние годы Савва Иванович, вернувшийся к супруге, Елизавете Григорьевне, прожил в Москве, в небольшом доме у Бутырской заставы. Там ему оборудовали гончарную мастерскую, и он с удовольствием занимался гончарным делом. Пустырь, примыкавший к дому, Савва Иванович со временем превратил в розарий. Этот удивительный человек умел гармонизировать пространство вокруг, создавая красоту и даря ее людям!

Его дом у Бутырской заставы стали называть «Новым Абрамцевом». Сюда приходили старые и новые друзья. Но не все. До самой смерти Савва Иванович не смог простить равнодушия к его несчастью Коровина и ухода из «Частной оперы» «жадного до денег» Шаляпина. После ареста тут же ушла от него и любовница, солистка его «Частной оперы» Татьяна Любатович, из-за которой Мамонтов в середине 1890 годов расстался с женой. И не просто ушла, а распродала декорации и костюмы «Частной оперы», присвоив себе десятки тысяч рублей.

Несчастья продолжали преследовать этого великого человека: в 1907 году умерла любимая дочь Вера, та самая, с которой Серов писал «Девочку с персиками». Через год тихо угасла Елизавета Григорьевна. Это сильно подорвало и без того слабое здоровье Саввы Ивановича, у него появились провалы в памяти, он начал путать имена близких людей. В 1913 году скончался его внук Сережа. А еще через пару лет смерть забрала сына Сергея…

Умер Савва Иванович Мамонтов в марте 1918 года в возрасте 77 лет. Похороны были очень скромными, за его гробом почти никто не шел… Случайный прохожий, узнав, что хоронят знаменитого Савву Мамонтова, горестно вздохнул: «Такого человека похоронить как следует не могут…»

Похоронен великий человек, сделавший так много хорошего для страны в целом и сотен людей в частности, в фамильной усыпальнице Мамонтовых в Абрамцеве.

Можно без преувеличения сказать, что Савва Мамонтов – это один из тех «китов», на которых «стоял» московский модерн.

А теперь немного о человеке, чей проект С.И. Мамонтов предпочел корифею московского модерна Льву Кекушеву, – о В. Валькоте.

Вильям Францевич Валькот (1874–1943), несмотря на свои шотландские корни и иностранную фамилию, родился возле Одессы. До 17 лет жил в Европе и Южной Африке.

Учился в Высшем художественном училище Санкт-Петербургской академии художеств, затем брал уроки у известного французского художника-символиста Одилона Редона. В Москве он знакомится с Саввой Мамонтовым и вскоре становится своим в «Абрамцевском кружке».

Валькот жадно впитывал новые знания, увлекся модерном и символизмом, под руководством М. Врубеля осваивал керамику в Абрамцевских гончарных мастерских.

У нас имя Вильяма Валькота в основном известно специалистам, хотя, я уверена, многие из москвичей и гостей столицы не раз любовались удивительными особняками М.Ф. Якунчиковой в Пречистенском переулке, № 10 и К.А. Гутхейля, что рядом – в Пречистенском, № 8, построенными им.

В 1908 году Валькот с семьей уехал из России в Лондон. Навсегда. Но на родине предков, да и в Европе, карьера архитектора у него не сложилась, и там его знают как художника – гравера и акварелиста.

Что стало толчком к тому, что в 1943 году он решил свести счеты с жизнью? Мы вряд ли узнаем. Но вспоминать добрым словом хотя бы за три удивительно прекрасных здания, построенные по его проектам в Москве, – можем.

Особняк Высоцких в Огородной слободе, № б (1900–1901)

Этот чудный особняк в переулке Огородная слобода (ранее назывался Чудовский переулок, потом Фокин переулок, затем до возвращения исторического названия – переулок Стопани, в честь революционера и советского партийного деятеля) в стиле французского шато был построен по проекту известного московского архитектора Романа Клейна. Заказчиком выступил богатый фабрикант Давид Высоцкий, глава чаеторговой фирмы «В. Высоцкий и К°».

Особняк Высоцких

Фирма была основана в 1849 году Вульфом Высоцким и вскоре стала одной из крупнейших компаний в России, контролируя треть всего чаеторгового рынка в стране.

Вульф Янкелевич (Калман-Вольф, Калонимус Вольф) Высоцкий (1824–1904) – основатель всемирно известной фирмы

родился в бедной еврейской семье Якова Высоцкого в местечке Старые Жагоры Ковенской губернии (сегодня Литва). Получил традиционное религиозное образование и первоначально занимался торговлей зерна. В 1858 году он переселяется в Москву и основывает чайную фирму «В. Высоцкий и К°».

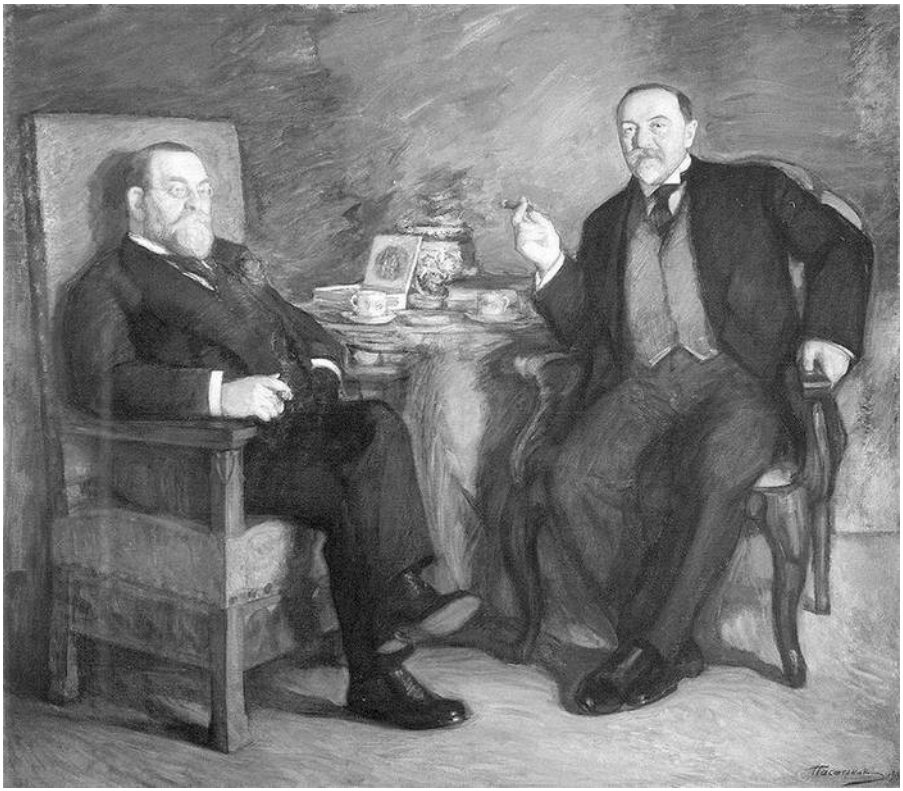
Это было время, когда чай становится популярным во всех слоях российского общества. На каждом столе и в бедной избе и в богатых домах целыми днями кипел самовар, за которым собирались семьи, к которому обязательно приглашали гостей. Чай, чаепитие стали неотъемлемой частью нашей культуры. Сколько пословиц и поговорок, связанных с чаем, вошли в нашу лексику, сколько прекрасных живописных полотен запечатлели момент чаепития!

Главными любителями чая – в отличие от снобистского Петербурга с его приверженностью кофе – оказались москвичи. За это низкий поклон российским чаеторговцам Поповым, Боткиным, Перловым и конечно же «королю чая в России» Вульфу Высоцкому и его наследникам. Они сделали очень много, чтобы познакомить покупателей с разнообразными сортами чая.

Вскоре купцу 1-й гильдии В. Высоцкому присвоили звание «Почетный гражданин Москвы» и «Поставщик двора его императорского величества», что позволяло размещать на продукции государственный герб.

Высоцкий умел не только зарабатывать деньги, но и не жалел их, когда речь шла о поддержке единоверцев: помогал еврейским организациям, писателям и еврейским интеллектуалам. Он много жертвовал на еврейскую колонизацию Палестины.

В 1904 году основатель фирмы скончался, оставив отдельным параграфом завещания 1 миллион рублей на благотворительность.



Портрет О.С. Цейтлина и Д.В. Высоцкого. За чашкой кофе. 1913 г. *Художник Л.О. Пастернак.* Курская галерея

Калонимус Вульф Высоцкий был женат на Кейле Цвии, в девичестве Абрамзон. У них было три дочери и сын Давид, после отца возглавивший семейное дело вместе с мужем старшей сестры Ханы Либы Иосифом Цейтлиным.

Именно **Давиду Вульфовичу Высоцкому** (1861–1930) фирма обязана дальнейшим расцветом и выходом на европейский рынок.

Эта картина принадлежит перу художника Леонида Осиповича Пастернака, часто бывавшего в доме Высоцких в качестве друга и учителя барышень рисованию. Он написал портреты членов семейства. А его восемнадцатилетний сын Борис – репетитор детей хозяина особняка и будущий известный поэт – был влюблен в дочь Давида Вульфовича Иду. Именно сильному и трагическому в неразделенности чувству к этой девушке мы обязаны многим прекрасным поэтическим строкам Бориса Пастернака:

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Терялась ты в снедающей гурьбе.
Но, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.
Припомню ль сон, я вижу эти стекла
С кровавым плачем, плачем сентября;
В речах гостей непроходимо глохла
Гостиная ненастьем пустыря.
В ней таял день своей лавиной рыхлой
И таял кресел выцветавший шелк,
Ты раньше всех, любимая, затихла,
А за тобой и самый сон умолк.

В 1908 году был открыт филиал компании в Лондоне, а к 1914 году Торговый дом Высоцких обладал капиталом в 10 миллионов рублей и годовым производством в 45 миллионов рублей!

Давид Вульфович значительно расширил сферу благотворительной деятельности отца, жертвуя большие средства на содержание московских лечебных и богоугодных учреждений, не забывая также единоверцев: на его пожертвования был отделан зал Московской хоральной синагоги.

Он был известным меценатом, поддерживающим людей искусства, а стараниями его супруги, Анны Борисовны, их дом в Огородной слободе стал популярным в Москве салоном, в котором любили бывать деятели культуры и искусства.

После Октябрьского переворота Д.В. Высоцкий с семьей успели эмигрировать в Великобританию, и фирма Wissotzky Tea продолжала активную деятельность в Европе. Глава семьи скончался в 1930 году в Париже, после чего семейный бизнес возглавил его сын Федор (1879–1933).

А вот другой сын, Александр, остался в России и очертя голову бросился в политику: был гласным Петроградской городской думы, членом Всероссийского Учредительного собрания от партии эсеров, потом арестован и расстрелян в 1937 году.

«Чай Высоцкого» (Wissotzky Tea) набирал торговые обороты. Его владельцы многое сделали для создания независимого государства Израиль, где фирма существует до сих пор.

В реквизированном особняке Высоцких в 1920 – 1930-х годах размещалось Общество старых большевиков, а после ликвидации

общества, да большей частью самих «старых большевиков», в 1930–1935 годах – клуб телеграфистов. В 1936 году здесь был открыт первый в столице Дом пионеров (позже – Московский городской дворец пионеров), который курировала лично Н.К. Крупская. Он находился в особняке до 1962 года, пока не перебрался в новое здание на Ленинских горах. А сюда переехал районный Дворец пионеров имени Крупской.

Эти годы и беспокойные постояльцы нанесли значительный ущерб особняку: его не раз перестраивали, сделали пристройку со стороны двора, исказившую пропорции здания. Богатые интерьеры постепенно были практически полностью утрачены. Сейчас здесь располагается Дворец творчества детей и молодежи.

Построил особняк Высоцких известный московский архитектор **Роман Иванович (Роберт Юлиус) Клейн** (1858–1924).

Он родился в многодетной еврейской семье московских купцов. Жили Клейны в центре Первопрестольной – на Малой Дмитровке. От родителей, которые тонко понимали искусство и дружили с известными художниками, литераторами, музыкантами, в частности, Антоном и Николаем Рубинштейнами, архитектором Александром Вивьеном и многими другими, Роман с детства постигал природу прекрасного, любил музыку и рисование. Он закончил Академию художеств со званием классного художника архитектуры 3-й степени, потом полтора года стажировался в Европе – в Италии и Франции; работал в мастерской известного мастера модерна архитектора Шарля Гарнье.

Р.И. Клейн

Он много строил в Москве. Среди его самых знаменитых построек – усадьба В.А. Морозовой на Воздвиженке, Музей изящных искусств (Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина), магазин «Мюр и Мерилиз» (ЦУМ), Средние торговые ряды на Красной площади и др. С 1918 года и до конца жизни он был штатным архитектором Пушкинского музея, работал в правлениях Казанской и Северной железных дорог, возглавлял кафедру МВТУ. Последние четыре месяца жизни руководил проектным бюро Наркомпроса.

Похоронен на Введенском кладбище (15-й участок).

Дом Пигита на Большой Садовой улице, № 10 (1902–1903)

За этим домом, что в самом центре Москвы, много лет тянется шлейф скандальных и мистических слухов. Начнем по порядку, с названия.

Дом Пигита

Уверена, что большинство считает ПИГИТ аббревиатурой, такой модной в 20 – 30-х годах XX века. Ошибаетесь! Пигит – это фамилия владельца.

Пигит Илья Давидович (1851–1915), предприниматель, общественный деятель.

Родился в семье караимов (крымских евреев). Окончил караимскую школу, получил также светское образование. Занимался торговлей табаком и табачными изделиями и преуспел в этом деле. В 1891 году Илья Давидович уже владел в Москве табачной фабрикой «Дукат» и сделал ее лучшей в России. Он основал Торговый дом «И. Пигит и К°», табачные магазины которого были и в Москве, и Петербурге, и в других крупных

городах.

Продукция фабрики «Дукат» часто отмечалась на всероссийских и международных выставках.

В XIX веке курение прочно вошло в жизнь и быт россиян всех сословий. В немалой степени руку к этому приложил и господин Пигит, фабрика которого выпускала продукцию в красивых коробках, да и на рекламу своих изделий владелец денег не жалел.

Илья Пигит с супругой

В 1910 году Пигит преобразовал свой Торговый дом в акционерное «Товарищество табачной фабрики «Дукат» с основным капиталом в полтора миллиона рублей!

Здание на Большой Садовой изначально задумывалось им как табачная фабрика. Но городские власти не дали на это разрешения: центр города, рядом – церковь Святого Ермолая… Кто не знает, церковь всегда выступала против курения. Ну, церковь в 1930-х годах снесли, а вот дом «табачного короля» остался на месте.

Когда строительство фабрики запретили, Илья Давидович решил построить на этом месте доходный дом. Но не любил этот

человек ничего ординарного, и дом должен был быть необычным. По сути – дом-квартал.

Архитекторы Э.С. Юдицкий и А.А. Милков построили здание в стиле модерн: текучие, причудливо изгибающиеся формы, растительный орнамент, лепной декор, майоликовый фриз, закругленные эркеры и балконы – все детали придавали фасаду неповторимый облик. По бокам 5-этажного дома, фасадом выходящего на Большую Садовую, пристроили два 4-этажных корпуса, отделенных от него арками. Соединяла три жилых здания 4-этажная секция художественных мастерских с огромными окнами, придав на плане всему комплексу вид трапеции. Внутренний дворик был облагорожен, в центре его бил фонтан! А перед зданием на Большой Садовой был разбит красивый палисадник.

Илья Пигит доходов от своего доходного (ироническая тавтология – не удержалась!) дома не ждал. Сам он с семьей поселился в квартире номер 5 на втором этаже, имевшей два входа из 1-го и 2-го подъездов. Она была роскошно отделана уникальной лепниной и живописными росписями. Стены были украшены тиснеными обоями ручной работы и крокодиловой кожей – о как!

«Пигит сдавал квартиры внаем всем подряд – и знати, и богеме, и нищим, которые ему чем-то приглянулись и явно не могли вносить плату в положенный срок. Российскую богему так и тянуло в этот дом. К тому же в подвале всегда дешево продавалась водка, сигары и наркотики» (из Интернета).

Часть жильцов была почтенная: профессура, адвокаты, доктора. И среди богемы встречались известные артисты, художники – студии заняли Петр Кончаловский и Аристарх Лентулов, основавшие свое авангардное объединение «Бубновый валет», тоже авангардист и впоследствии известный театральный художник Георгий Якулов и др.

Из-за разношерстных обитателей дом Пигита частенько попадал в скандальную газетную хронику. Оказывается, там один из братьев-миллионеров, Владимир Рябушинский, стрелял в себя от несчастной любви. Выжил, после чего отправился добровольцем на фронт Первой мировой (откуда судьба забросила его сначала в белогвардейский Крым, а потом и во Францию).

Сколько тут перебывало знаменитостей, всех не перечислить: художник В. Суриков, писатели А. Толстой, Б. Пастернак, В. Иванов, С. Маршак, В. Маяковский, А. Белый, Ф. Сологуб, Ю. Олеша; великие актеры И. Москвин, Б. Ливанов, В. Качалов, А. Степанова, А. Коонен; режиссеры В. Мейерхольд, А. Таиров;

балерина Е. Гельцер; пианисты К. Игумнов, В. Софроницкий; композиторы С. Прокофьев, И. Голованов; скульптор С. Коненков; оперные певцы Ф. Шаляпин, А. Нежданова и многие другие. Именно в этом доме познакомились Сергей Есенин и Айседора Дункан. С домом Пигита связаны имена имажинистов В. Шершеневича, А. Мариенгофа, А. Кусикова. В одной из квартир жила мать поэта Вадима Шершеневича, оперная артистка Львова. Она же была редактором и издателем альманаха имажинистов «Мезонин поэзии».

С конца сентября 1921 до осени 1924 года здесь снимал комнату в квартире 50 – это был его первый московский адрес – Михаил Афанасьевич Булгаков со своей первой женой Татьяной Николаевной Лаппа.

Из письма Булгакова сестре Вере от 24 марта 1922 года: «… Самый ужасный вопрос в Москве – квартирный. Живу в комнате, оставленной мне по отъезде Андреем Земским. Болып. Садовая, 10, кв. 50. Комната скверная, соседство тоже, оседлым себя не чувствую, устроиться в нее стоило больших хлопот…»

Неустройство коммунального быта, шумные пьющие и скандальные соседи, песни, крики, ругань, драки нашли отражение в булгаковских фельетонах «№ 13 – Дом Эльпит-Рабкоммуна», «Самогонное озеро» и повести «Тайному другу». Вот и поселил писатель мессира Воланда со свитой в доме Пигита – самое им там место! – назвав его дом 302-бис с «нехорошей квартирой № 50»!

Сейчас по этому адресу работает негосударственный – и притом единственный в России – Музей М.А. Булгакова и Культурно-просветительский центр «Булгаковский дом». Поклонники творчества Булгакова с удовольствием приходят туда на ночные театрализованные действа. А от истории, как однажды наутро в запертой квартире вдруг появился огромный черный кот – прозвали, естественно, Бегемотом, – просто дух захватывает!

Кстати, нелишне будет сказать об этой «нехорошей квартире» еще несколько слов: здесь в 1917 году несколько месяцев прожила Фанни Каплан (по паспорту – Фейта Хаимовна Ройтблат), дружившая с племянницей владельца дома, а потом «неожиданно и загадочно» уехавшая в Евпаторию. Почему туда? Отнюдь не поправлять здоровье в целительном крымском климате. Тогда зачем?

Оказывается, Илья Давидович, который много помогал нуждающимся караимам, мечтал устроить на полуострове что-то вроде идиллической коммуны будущего, для чего купил близ Евпатории имение с 3,2 тысячи десятин пахотной земли и паровой мельницей. Он назвал это место «Имдат Пигит»

(«Помощь Пигита»). Да вот с коммуной так и не сложилось.

Туда-то на время и занесло неистовую полуслепую анархистку Фанни по кличке Дора, которой приписывают роман с младшим братом Ленина Дмитрием, а потом и покушение на «вождя мирового пролетариата». Она в нем призналась, за что ее быстренько в кремлевском гараже и расстреляли, а тело сожгли в бочке с бензином. И только недавно исследователи доказали: не могла полуслепая девушка ранить Ленина, да еще и с того места, где находилась. Но ее признания большевикам оказалось вполне достаточно.

Владелец здания, Илья Пигит, проявил удивительную прозорливость: в июне 1917 года продал дом «Московскому благушинскому домовладельческому акционерному обществу».

Ну а дальше – сами знаете, все по одному сценарию: национализация, конфискация, выселение богатых жильцов, превращение роскошных квартир в коммуналки… Этот дом стал одним из первых в Москве домов-коммун. В 1938 году, во время расширения Большой Садовой, палисадник перед домом Пигита и ограду снесли.

Хотя дом № 10 по Большой Садовой не горел, о чем, вероятно, втайне мечтал Михаил Афанасьевич Булгаков, описывая «очищение огнем» в рассказе «№ 13 – Дом Эльпит-Рабкоммуна», время и люди его не пощадили, уничтожив оригинальный декор квартир и многие элементы главного фасада.

Судьба Ильи Давидовича после революции покрыта мраком… Большинство из тех, кто о нем писал, уверены, что он успел-таки уехать за границу. Но в его бывшей квартире остались жить родственники, в том числе племянница Анна – подруга Фанни Каплан. И как ни странно, за знакомство с ней не была расстреляна.

Об архитекторах, спроектировавших и построивших это уникальное здание, известно немного.

Эдмунд Станиславович Юдицкий (ок. 1838–1908). Про него сказано: «один из видных мастеров московского модерна». Поляк, аристократ, из семьи потомственных военных. Но изменил семейной традиции и стал архитектором. Строил в Москве особняки и доходные дома, но самым его известным детищем так и остался Дом Пигита. Похоронен на Введенском кладбище в Москве (но среди захороненных на этом кладбище в списке Википедии его нет…). Словом, опять вопросы без ответов.

Второй архитектор – Антонин Аристархович Милков (1868 – ?). О нем известно еще меньше. Родился в Ярославле. С малой

серебряной медалью окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, получив звание неклассного художника архитектуры. Везде лишь повторяется скудная информация с перечислением нескольких построенных им домов, фабрик, с одинаковым окончанием: «Судьба зодчего после 1907 года неизвестна»…

Доходный дом М.В. Сокол на улице Кузнецкий Мост, № 3 (1903–1904)

Логичным было бы предположить, что такое название дом получил по герою майоликового панно на фасаде с изображением летящего сокола. Тогда при чем здесь инициалы? А вот об этом удалось узнать немного: оказывается, это имя домовладелицы – генерал-майорши М.В. Сокол. И все!

Об авторе доходного дома известно больше.

Иван Павлович Машков (1867–1945) – русский советский архитектор, реставратор, просветитель, исследователь древнерусского зодчества.

Родился будущий известный архитектор московского модерна 13 января 1867 года в селе Трубетчине под Липецком в семье кузнеца Михаила Соколова. Ваня рано потерял родителей. Но девятилетнему сироте повезло: его усыновила семья купца 2-й гильдии Павла Карповича Машкова из Липецка. Брат супруги приемного отца Натальи Ефимовны, Алексей Ефимович Андреев, был липецким городским архитектором, что и предопределило для Ивана выбор профессии.

И.П. Машков

Панно доходного дома М.В. Сокол

Доходный дом М.В. Сокол

Мальчик оказался талантливым и трудолюбивым. В 14 лет (!) Иван выдержал экзамен и был принят сразу в головной класс Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Однокашниками юного вундеркинда были в будущем известные художники: Константин Коровин, Исаак Левитан, Абрам Архипов, Анна Голубкина, Константин Юон и др. За дипломный проект, выполненный в 1885 году по классу архитектуры под руководством А.С. Каминского, Иван Машков был награжден большой и малой серебряными медалями. А уже через год ему присвоили звание классного художника архитектуры и выдали лицензию на право ведения строительных работ. Кстати, событие далеко неординарное: в 19 лет – и классный архитектор! Вспомним, сколько лет ушло у гениального Федора Шехтеля, чтобы получить право на ведение строительных работ!

Еще учась в МУЖВЗ, талантливый студент стал преподавать перспективу в Училище изящных искусств А.О. Гунста.

После получения диплома Машков много работал под руководством архитекторов К.М. Быковского, А.С. Каминского и Д.Н. Чичагова. В 1889–1890 годах он жил в Липецке, где самостоятельно спроектировал и построил две школы, больницу и тюремную церковь (ныне действующий Никольский храм). Вернувшись в Москву, архитектор быстро приобрел собственную практику, строил в основном доходные дома и здания общественных учреждений. С 1895 года служил архитектором Московской городской управы, занимаясь в разные годы застройкой Лефортовской, Мещанской и Басманной частей Москвы.

Ему было 36 лет, когда он спроектировал и построил доходный дом М.В. Сокол на Кузнецком Мосту.

Иван Павлович на только строил и преподавал, он написал и издал десятки книг и пособий по архитектуре, в том числе – один из лучших путеводителей по Москве (1895 и 1913). А также был действительным членом Московского архитектурного общества (МАО), активно участвовал в подготовке и проведении его съездов, много сил отдал изучению, реставрации и сохранению памятников архитектуры.

В 1913 году сын деревенского кузнеца И.П. Машков, получил чин надворного советника, что соответствовало воинскому званию подполковника и давало право на потомственное дворянство. А в октябре 1917 года он стал заместителем главного архитектора города Москвы. Вот это карьерный рост! Что говорит о признании заслуг и таланта.

После 1917 года Машков продолжал трудиться на высоких постах в области архитектуры, участвовал в разработке первого

Генерального плана развития «Новая Москва», а также успешно вел преподавательскую деятельность в МАРХИ, с 1935 года и до конца жизни возглавлял кафедру архитектуры в вечернем строительном институте имени Моссовета.

Новая власть тоже оценила его талант и кипучую деятельность, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда. Скончался И.П. Машков 12 августа 1945 года и похоронен на самом престижном кладбище столицы – Новодевичьем (1-й участок, 30-й ряд).

Теперь, узнав об архитекторе, вернемся к одному из его самых известных творений.

Доходный дом «Сокол» уникален тем, что это, вероятно, единственный дом Москвы, построенный в стиле венского сецессиона – разновидности модерна. Он задумывался как составная часть единого ансамбля с расположенной в двух кварталах гостиницей «Метрополь».

Золоченая крыша, строгие кованые элементы декора (впоследствии утраченные), лепные украшения над входом, металлические козырьки над боковыми балконами верхнего этажа, неповторяющиеся основания трех фасадных эркеров, причудливые рамы больших окон первого и второго этажей – типичные детали модерна.

Майоликовое панно с изображением летящего сокола – визуализация имени владельца и своей родовой фамилии – выполнено по рисунку художника объединения «Мир искусства» Николая Сапунова, также как и плитки с «люстрами» (то есть радужным металлическим блеском) и рельефные изразцы по рисунку Михаила Врубеля «Рыбки» изготовлены в мамонтовской гончарной мастерской и на заводе «Абрамцево».

«Сокол» представляет собой комплекс зданий, состоящий из пятиэтажного доходного дома, фасадом выходящего на Кузнецкий Мост, и двух корпусов по бокам, образующих каре с внутренним двором.

Первые два этажа главного корпуса занимали офисы и магазины: итальянское издательство «Данте Алигьери» с бесплатной читальней, фотография, фототипия и фотоцинкография фирмы «Шерер, Набгольц и К°»… Был здесь и дорогой ресторан.

В комфортабельных апартаментах третьего этажа проживала сама владелица здания, госпожа М.В. Сокол. Кроме нее здесь было немало богатых и титулованных жильцов, среди которых: дирижер Большого театра Ю.Ф. Файер, актриса театра и кино Е.Н. Гоголева, оперная певица Е.И. Збруева.

В советское время в здании размещался магазин «Мосторга»,

книжная лавка «Международная книга», популярный книжный магазин издательства «Академия». С 1960-х годов по сегодняшний день здесь работает ГУП «Моспроект-3» – организация по проектированию жилых и нежилых зданий и сооружений. В 1980-х годах в здании располагались представительства иностранных авиакомпаний.

Со временем здание, к сожалению, изменилось: при перестройках 1930–1970-х годов были утрачены отделка ресторана и квартиры владелицы доходного дома, а также некоторые детали внешнего декора здания. Доходный дом М.В. Сокол является объектом культурного наследия регионального значения.

Особняк (контора) И.-Л. Динга на 3-й Рыбинской улице, № 22–24 (1904)

Мимо этого красивого особнячка просто невозможно пройти! Постоишь, посмотришь, поахаешь – до чего хорош! – да невольно задашься вопросами: кто? когда? кому?

Вначале о самом доме. Он отличается от зданий в стиле московского модерна. По мнению специалистов, его можно отнести к югендстилю – немецкому модерну, «собратьев» которого можно встретить в Берлине или Франкфурте-на-Майне.

Фасад «разрезан» на два разновеликих объема, заканчивающихся острыми крышами-башенками. Словом, нам, немного поднаторевшим в распознавании элементов модерна, они налицо: и разные по форме и величине окна, и нарядный белый декор в сочетании со светло-охровой штукатуркой стен, и женская маска над наличником окна, и майоликовые панно с пейзажами (правда, не такие стильные, как абрамцевские), и ажурная ограда… Говорят, на втором этаже башни располагалась домашняя капелла управляющего, а на крыше был крест…

Так кому же предназначался этот дом?

Особняк И.-Л. Динга

Задумывался он как контора при фабрике, расположенной по соседству.

Приехавший из Гамбурга 27-летний купец 2-й гильдии Иоганн-Леонгард Динг вместе с коллегой Александром Марковичем Галиным, создавшие Торговый дом «Динг и Галин», в 1883 году открыли в Замоскворечье «паровую фабрику макарон, шоколада и кондитерских изделий». Надо сказать, что для российского покупателя макароны тогда были диковинкой, причем не дешевой. Но компаньоны сумели освоить местный рынок, чему способствовала и умелая реклама, и хорошее качество продуктов.

В 1900 году Динг, ставший к тому времени единоличным владельцем предприятия, решил расширить производство. Он купил большой участок близ речки Рыбинки, где архитектор Александр Калмыков построил краснокирпичные корпуса макаронной фабрики и здание конторы. Видимо, владелец так

ностальгировал по оставленной родине, что этот дом – как привет из фатерланда – согрел ему душу. Вот он с семьей и переселился в «контору», обжил ее великолепные интерьеры, от которых, кстати, до сих пор сохранились резные деревянные двери, витражи на окнах и потолочная лепнина.

С началом Первой мировой, когда антигерманские настроения в обществе достигли пика, мудрый господин Динг продал бизнес и недвижимость русскому предпринимателю Николаю Бландову, председателю «Товарищества на вере Н.И. Бландов и К°», и рванул на историческую родину.

В 1920–1930-х годах особняк был приспособлен под рабочий клуб с кинотеатром. С 1989 года он включен в список вновь выявленных памятников архитектуры. В 1995–1996 годах по проекту архитектора В.К. Варфоломеева там прошла масштабная реконструкция, и теперь он во всей своей красе!

После революции фабрика Динга поменяла много названий: «Кондитерско-шоколадная макаронная фабрика», «1-я Московская макаронная фабрика», «Ударная макаронная фабрика 13-летия ОГПУ», «Московская макаронная фабрика № 1»… и с 1993 года – ОАО «Экстра М», но неизменно выпускала макаронные изделия.

Ну, на вопросы: когда и кому – мы ответили. Теперь – кто?

Это был известный и плодовитый архитектор, мастер модерна, Александр Михайлович Калмыков (1863–1930).

В 1889 году он окончил с малой серебряной медалью Московское училище живописи, ваяния и зодчества, получив звание неклассного художника архитектуры. Он много построил в Москве прекрасных зданий, среди них: дом Н.А. и И.А. Абрикосовых при фабрике «Товарищества А.И. Абрикосова Сыновей» («Директорский дом»), производственные корпуса кондитерской фабрики Ф. Эйнема (впоследствии «Красный Октябрь»), доходные дома… Много строил для клана Третьяковых – в том числе и здание знаменитой художественной галереи в Лаврушинском переулке.

Но ни его фотографии найти не удалось, ни узнать о судьбе после революции не получилось. Вот так мы, «иваны, родства не помнящие» относимся к выдающимся представителям нашей культуры.

Печально…

Особняк Тарасовых в Скатертном переулке, № 4/1 (1905)

По поводу этого симпатичного особнячка, что выходит закругленным углом на пересечение Скатертного и Медвежьего переулков, существует разночтение: одни исследователи считают, что его построил в 1905 году архитектор В.П. Войников, другие – в том числе и авторитет в области московского модерна М.В. Нащокина, – что в 1907 году архитектор М.Г. Гейслер. А некоторые просто поставили обе фамилии архитекторов рядом – ну, и вашим и нашим. Мало того, на сайте Wikimapia сказано: «Особняк Тарасовых, 1905 г., архитекторы В.П. Вотилов, Н. Морозов, 1907 г., инженер М.Ф. Гейслер, 1912 г., конюшни 1907 г.».

Вот и поди разберись!

Особняк Тарасовых

То, что здание, несомненно, относится к модерну, говорит описание (на мой взгляд, топорное) на этом же сайте: «Карниз, горизонтальная тяга между вторым и третьим этажом, венки и гирлянды в верхней части пилястр, акротерии над входом, декор углового эркера и руст первого этажа – элементы языка неоклассики. Этот дом иногда тоже относят к неоклассической

архитектуре, но по своему строению, по композиции – это чистый модерн. Даже растительные мотивы присутствуют…»

Так что со стилем все ясно. Как и в том, в чем все тоже сходятся: владельцами особняка были братья Тарасовы.

В следующем рассказе, о доме-сказке инженера-путейца П.Н. Перцова, будет упомянута железная дорога Армавир – Туапсе, для строительства которой усилиями Петра Николаевича было создано акционерное общество. Так вот, правление Северо-Кавказского банка, который субсидировал строительство «народной» Армавиро-Туапсинской железной дороги, возглавил Александр Тарасов, а его брат Михаил возглавил совет банка.

Кто ж такие эти банкиры, которым в Москве принадлежало несколько домовладений, в том числе и этот, заинтересовавший нас особняк?

Черкесские армяне Тарасовы (или Торосяны) были родом из города Армавира. Не будем углубляться в историю – богатство к семье пришло трудами Аслана Тарасова, торговавшего ватой, мануфактурными товарами и тканями в Армавире и Екатеринодаре. Он скончался в 1857 году, передав дело своим пятерым сыновьям: Ивану, Александру, Лазарю, Гавриилу и Михаилу. В 1858 году братья Тарасовы во главе с матерью, Марией Сеферовной, вошли в купеческое сословие по городу Нахичевани. К этому времени лавка в Армавире обросла сетью магазинов по всему Северному Кавказу. В 1880 году Тарасовы основали «Мануфактуру братьев Тарасовых» и перебрались в Москву.

В «Москве купеческой» Павел Афанасьевич Бурышкин приводил воспоминания известного московского коллекционера Петра Ивановича Щукина о резкой перемене в жизни Тарасовых: «Вначале братья Тарасовы жили весьма скромно; ездили по железной дороге в третьем классе, возили с собой мешки с сухарями из черного хлеба, которыми питались дорогой, носили зимой потертые бараньи шубы, но потом они разбогатели, и мы увидели их в собольих шубах с бобровыми воротниками…»

Действительно, уже к 1903 году братья были приписаны к 1-й купеческой гильдии по городу Москве.

Уже третье поколение Тарасовых прочно закрепилось среди торгово-финансовой элиты Первопрестольной да еще периодически «взрывало» спокойствие общества своими эксцентрическими (порой – трагическими) поступками.

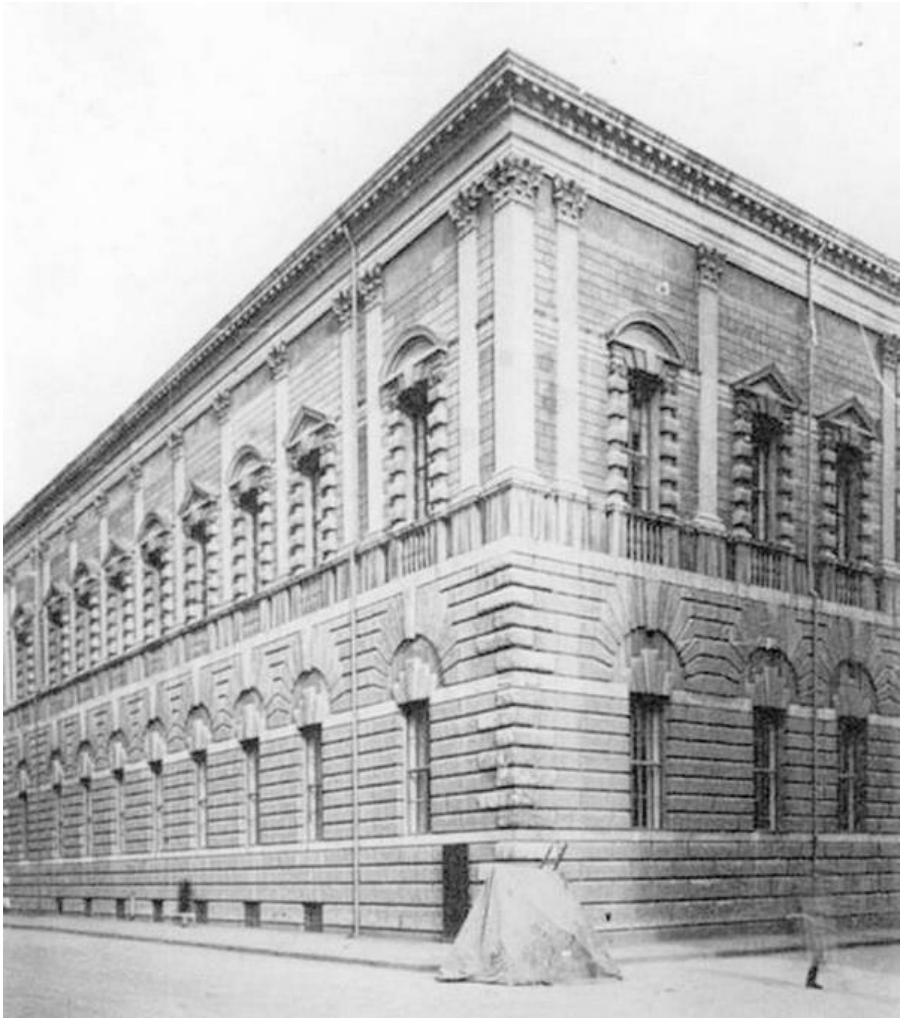
Процитируем опять П.А. Бурышкина: «Из братьев Тарасовых в Москве проживали трое: Александр, Гавриил и Михаил Афанасьевичи[12]. …Из следующего поколения был Гавриил Александрович, которому принадлежал дом, вновь выстроенный

по старым рисункам в стиле итальянского Возрождения и представлявший копию какого-то дворца в Италии. Дом этот сразу стал одной из московских достопримечательностей. Проживал там также и Аслан Александрович, который, насколько я помню, был представителем в Москве их торгового дела. Мне приходилось с ним немало встречаться: он входил в состав совета возглавляемых мною «Обществ оптовых товариществ мануфактуры», и о нашей совместной работе я сохранил самые добрые воспоминания. Жена его, Лидия Васильевна, урожденная Абессаломова, была одной из городских дам-патронесс…»

В Москве было немало адресов благотворительных дел Тарасовых: больницы, богадельни, приюты для бедных, школы…

Вот этот дом, что на углу Спиридоновки и Большого Патриаршего, практически копия итальянского палаццо Тьене (Palazzo Thiene) в итальянском городе Виченце, построен архитектором И.В. Жолтовским для Гавриила Аслановича. По фасаду особняка, обращенного на Спиридоновку, шла надпись GABRIELUS TARASSOF FECIT ANNO DOMINI – «Гавриил Тарасов построил в год… нашей эры». Место для точной даты так и осталось пустым, потому как заказчик умер, не дождавшись окончания строительства. А дом перешел к его сыну, Гавриилу Гаврииловичу Тарасову.

Много шуму по Москве наделало самоубийство одного из Тарасовых – Николая Лазаревича, который славился своей благотворительной деятельностью, поддерживал Московский Художественный театр, был основателем и меценатом известного кабаре «Летучая мышь».



Особняк Тарасовых на Спиридоновке

Тот же Бурышкин приводит слова о нем Владимира Ивановича Немировича-Данченко: «Трудно встретить более законченный тип изящного, привлекательного, в меру скромного и в меру дерзкого денди. Вовсе не подделывается он под героев Оскара Уайльда, но заставляет вспомнить о них. Вообще, не подделывается ни под какой «тип»: прост, искренен, мягок, даже нежен, но смел; ко всему, на каждом шагу подходит со вкусом, точно пуще всего боится вульгарности…»

И вот, этот человек – утонченный эстет, кроме того, страстный автомобилист, неоднократно выходивший призером гонок, – застрелился в 28 лет… Причина банальная: cherchez la

femme. Вернее сказать, женщин. Их было две. В одну – Ольгу Грибову, жену богатого промышленника, – Николай был безответно влюблен. У нее же был свой «свет в окошке»: Н. Журавлев – прожигатель жизни, да к тому же друг… ее мужа. В очередной раз проигравшись вдрызг в карты, тот попросил денег у любовницы. И Ольга не нашла ничего лучшего, как пойти к Николаю Тарасову – ну, просто «Последняя жертва»! Правда, в жизни все сложилось не как у писателя А.Н. Островского: Николай, оскорбленный в своих чувствах, женщине отказал. Итог: Журавлев кончает жизнь самоубийством, за ним застрелилась и Ольга Грибова.

Н.Л. Тарасов

Вот тут появляется вторая la femme – подруга Грибовой. Она звонит Тарасову и обвиняет того в обеих смертях. И из мести заказывает доставку по адресу Тарасова: Большая Дмитровка, № 9. Жестокая шутка: гроб и венок. Потрясенный Николай после разговора с ней не выдержал мук совести и тоже застрелился… А наутро к его дому прибыли гроб и венок… Получилось кстати…

Его надгробие на Ваганьковском (Армянском) кладбище в Москве, выполненное скульптором Николаем Андреевичем Андреевым – автором знаменитого памятника Гоголю 1909 года, – считается одним из самых интересных надгробий эпохи модерна.

А в этом особняке, что в Скатертном переулке, жила семья одного из братьев Тарасовых – Александра Аслановича (Афанасьевича) (1843–1916)[13]. Там же у Александра и его жены Лидии появился на свет мальчик Леон, нареченный на русский манер Львом. Имя это на черкесском и означает Аслан. Мальчику дали имя отца и прадеда, обладавших львиной хваткой. Он был младшим из трех детей: сестра Ольга была старше его на девять лет, брат Александр – на четыре года. Но прославил род Тарасовых именно он, Леон. Мир его узнает как знаменитость – Анри Труайя (1911–2007).

А. Труайя

«Я русский армянин, воспринявший только русскую культуру», – став уже маститым писателем, признается он. Как и скажет: «Я полюбил Францию задолго до того, как узнал ее». Образованием Леона занимались мать Лидия Васильевна и гувернантка-француженка, словно предвидевшая его будущее.

Под порывами свирепых ветров Октябрьской революции сорвалась с места и семья Тарасовых. Готовясь к превратностям

судьбы, Лидия Васильевна второпях зашивала в подкладку детских пальто семейные драгоценности. «О! Это было захватывающее бегство через всю Россию!» – спустя много лет опишет эти ужасы Анри Труайя в биографической книге «Моя столь длинная дорога».

Эмигрантские тропы Тарасовых пролегли из Новороссийска через Константинополь, Венецию во Францию, в Париж, где в 1920-м они и осели. Зашитые в детскую одежду дальновидной Лидией Васильевной бриллианты таяли с каждым днем, что, однако, не помешало семье дать детям вполне приличное образование. Леон ушел с головой в юриспруденцию, чтобы обеспечить семье стабильный достаток. Проклюнулся в Леоне и писательский дар, подмеченный матерью еще в детстве.

В 1938 году, в канун Второй мировой, Анри Труайя издает роман «Паук». «Он покоробил одних своей резкостью, другие хвалили его за необычность», – вспоминал автор. Этот роман возвестил о триумфе молодого писателя: ему была присуждена Гонкуровская премия – престижнейшая из литературных премий Франции и мира.

Многогранный талант Анри Труайя вызвал к жизни не только книги на французские темы, но и целую библиотеку биографических романов, посвященных русской духовности. Из-под его пера вышли эссе-биографии о Достоевском, Толстом, Лермонтове, Пушкине, Чехове, Тургеневе…

В 1959 году друзья из Академии наук Франции, на пике литературной славы Анри Труайя, убедили его выставить свою кандидатуру на избрание академиком. «Я не колебался. Сын эмигрантов, я не имел права отказываться от чести, которую мне предлагали самые крупные писатели приютившей меня страны… Думал я также и о радости родителей, если я буду избран. Какое утешение для них за все горести изгнания! Я был избран абсолютным большинством голосов при двух против», – напишет в своем дневнике писатель.

Анри Труайя, ставший одним из сорока «бессмертных» (так величают членов Французской академии), пребудет в этом качестве целых полвека. Редчайший случай в истории науки Франции.

Закончил свой жизненный путь 96-летний Анри Труайя в 2007 году. Президент Франции Жак Ширак в прощальном слове назвал великого писателя «гигантом французской изящной словесности» (*Мирзояны Марина и Гамлет*. Москва армянская, с сайта «Ноев ковчег», № 19 (225), октябрь (16–31) 2013 года).

Ну а в особняке Тарасовых вначале было устроено

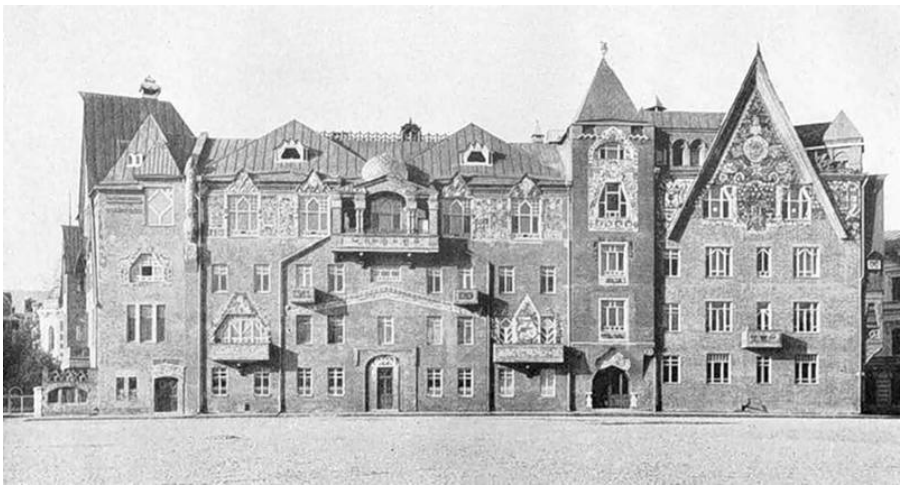
студенческое общежитие. В квартире № 50 жил физик, академик И.Е. Тамм, автор трудов по ядерной физике и теории излучения.

Потом много лет в здании размещался Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. Ныне размещаются дирекция спортивных и зрелищных мероприятий Москомспорта и информационное общество «Росбалт».

Доходный дом З.А. Перцовой в Соймоновском проезде, № 1 (1905–1907)

Этот необычный, сразу притягивающий взгляд дом находится на углу Соймоновского проезда и Пречистенской набережной. Записан он был, как тогда было принято у купцов и промышленников, на супругу владельца – Зинаиду Алексеевну Перцову.

Сразу по завершении работ это здание вызвало восторг москвичей и получило ласковое название, закрепившееся во времени, «дом-сказка».



Дом З.А. Перцовой

Построен он по эскизам художника С.В. Милютина архитекторами Н.К. Жуковым и Б.Н. Шнаубертом.

Начать надо с предыстории его появления. Но сделать я это хочу необычно: предоставив слово инициатору строительства – инженеру **Петру Николаевичу Перцову** (**1857–1937**).

Он родился в Казани, в старинной дворянской семье, славной своими традициями и дружескими связями с выдающимися людьми. Кстати сказать, его дядя, поэт и сатирик Эраст Перцов, был дружен с А.С. Пушкиным. Петр Николаевич окончил гимназию в Казани, потом Институт путей сообщения в Санкт-Петербурге. Талантливый инженер-путеец показал себя еще и отличным организатором. Он выдвинул проект строительства

первой в России «народной» Армавиро-Туапсинской железной дороги, для чего предлагал создать акционерное общество и привлечь в его члены жителей Северного Кавказа.

Как и любой смелый проект, тем более имеющий целью обогатить не отдельных людей, а широкие ряды акционеров, он встретил яростное сопротивление и со стороны власти – в лице министра финансов России В.Н. Коковцева, и отдельных железнодорожных магнатов.

В поисках банковской ссуды под выпуск акций Перцов даже поехал в Англию. Англичане проектом заинтересовались, миллион золотых рублей пообещали дать, но при условии, что акции будут распространяться исключительно среди жителей Туманного Альбиона.

Петр Николаевич отказался. И тогда он заложил все свое имущество, включая и только что построенный дом, в банк питерского миллионера А.И. Путилова.

Вот тут чуть было по швам не затрещал брак Петра Николаевича: ведь номинальной владелицей доходного дома была супруга – Зинаида Алексеевна Перцова, урожденная Повалишина. Петр Николаевич впоследствии вспоминал: «Дома неожиданно для меня вышло серьезное объяснение с женой, которая воспротивилась залогу дома, считая, что дом должен был служить обеспечением семьи и всех моих обязательств перед кредиторами. Взволнованный этим неожиданным для меня возражением со стороны Зины, я привлек к участию в нашем объяснении обоих сыновей и, объяснив им, в чем дело и что меня вынуждает на залог дома, получил в их лице защитников моей точки зрения. Оформив, что требовалось, в Москве, я поспешил обратно в Петербург и заключил уже нотариальные условия с банком».

Слава богу, что предприятие оказалось коммерчески успешным! Правда, только в 1910 году Петр Николаевич сумел погасить ссуду банка, и дом был освобожден от залога.

Позднее Перцов увлекся политикой: входил в ЦК партии «Союз 17 октября», баллотировался в 1-ю Государственную думу. Он был одним из хранителей ценностей храма Христа Спасителя. А еще он оставил интересные рукописные воспоминания о времени и о себе.

Теперь, познакомившись с хозяином, перейдем к истории строительства дома. Из его воспоминаний:

«…В ноябре 1902 года я посетил как-то Ивана Евменьевича Цветкова, только что построившего себе или, вернее, для своей коллекции картин на набережной р. Москвы, близ храма Христа Спасителя, двухэтажный особняк в русском стиле по рисунку В.М.

Васнецова. Из окон его главного зала я залюбовался открытым видом на Кремль и высказал И.Е., что завидую ему, что он нашел такое прекрасное место под выстройку дома. И.Е. поймал меня на слове и предложил указать мне еще лучшее место при условии, что я, приобретя его, построю дом также в русском стиле. Я согласился, и тогда И.Е. объяснил мне, что все участки по набережной от его дома до площади под храмом Спасителя принадлежали И.В. Ушакову и что у него еще остался во владении последний участок, выходящий на эту площадь, на который зарится А.А. Левенсон, владелец известной в Москве типографии, купивший соседний, предпоследний участок. И.Е. высказал уверенность, что ежели я не постою за ценой, то Ушаков продаст мне участок, так как Левенсон выжимает у него цену. Я тут же отправился на место: владелец был удивлен сделанному мною предложению, но, посоветовавшись с женой, объявил цену в 70 тысяч рублей. Я согласился, и на следующий же день сделка была оформлена у нотариуса под видом купчей на имя Зины.

Портрет Зинаиды Перцовой. 1921 г. *Художник К. Коровин.* Третьяковская галерея

…Зимой 1905/06 года я решил приступить к составлению

проекта для перестройки нашего дома в Москве с расчетом начать постройку его с весны. Памятуя обещание, данное мною И.Е. Цветкову, – построить дом в русском стиле и считаясь с тем, что место постройки на берегу реки Москвы, рядом с храмом Спасителя и с открытым видом на Кремль обязывает строго отнестись к заданию, я решил объявить закрытый конкурс на составление проекта «доходного дома в русском стиле» и обратился к художникам А.М. Васнецову и С.В. Малютину, архитектору А.И. Дидерихсу и архитектору-художнику Л.М. Браиловскому с предложением участвовать в конкурсе. Условием составления проекта я поставил, чтобы он отвечал «духу и преданиям Москвы и требованиям современности… В жюри конкурса я пригласил В.М. Васнецова, В.И. Сурикова, В.Д. Поленова, Ф.О. Шехтеля, И.А. Иванова-Шиц, С.У. Соловьева и С.В. Ноаковского, предложенного мне дополнительно Л.М. Браиловским. Первая премия была присуждена А.М. Васнецову и вторая – С.В. Малютину… Проект А.М. Васнецова, будучи шаблонным, меня не удовлетворил, и я решил остановиться на С.В. Малютине, поручив ему переработать конкурсный проект…

…С.В. взял в нем за основу существующую постройку – трехэтажный ящик с небольшими оконными отверстиями, нанес на него четвертый этаж с большими окнами комнат-студий для художников и с интересным балконом под золотым куполом под названием «Беседа царицы» и пристроил к нему по набережной четырехэтажный особняк и по переулку – особый отлетный корпус со стильно разработанным главным подъездом, богато покрытым майоликовой живописью. Все здание завершалось высокими отдельно разработанными крышами, а стены и фронтоны дома были богато украшены пестрой майоликой.

Эскиз получился в высшей степени интересным, красочным и крайне оригинальным – в сказочно-былинном стиле. Я пленился им… Чтобы лучше сообразить общую компоновку отдельных частей здания, С.В. вылепил модель дома из глины. Меня С.В. совершенно захватил своим индивидуальным талантом, и я решил всецело отдаться на его вкус, вводя лишь небольшие коррективы чисто технического или хозяйственного значения. С.В. по разработке проекта в целом приступил к обработке деталей фасада и составлению рисунков для заказа наружной майолики. По его совету я поручил выполнить заказ майолики артели молодых художников Строгановского училища под фирмой «Мурава», не имевших в то время работы и близких, за отсутствием заказов, к ликвидации своего дела. Выбором фирмы мы не ошиблись, работа была исполнена в срок с точным воспроизведением раскраски, согласно данным С.В. рисункам;

качество работы также оправдало себя – за пятнадцатилетний период времени не последовало никаких повреждений глазури. Я лично руководил всеми работами и входил во все детали постройки, целыми днями носясь по всем этажам и не оставляя без личного надзора ни одного места работ…»

По сути, у дома-сказки оказалось три соавтора: Малютин (художественный облик), Жуков (планировка и инженерные решения) и Шнауберт (руководство строительством).

«…Все работы велись одновременно, и через четыре с небольшим месяца от начала работ постройка была закончена, в конце сентября были сняты леса, и на зиму остались штукатурные работы, настилка паркетов и малярные работы, которые и продлились до марта месяца. Таким образом, в одиннадцатимесячный срок были закончены решительно все работы, и с апреля месяца квартиры были объявлены к сдаче. В мае въехали в дом первые жильцы. Во всем доме не было допущено деревянных перекрытий. Проводка электричества устроена вся скрытая, равным образом замаскированы все водопроводные и канализационные трубы. Вообще при постройке дома во всех деталях преследовались две основные задачи – солидность устройства и удовлетворение требований эстетики.

Наша квартира, расположенная в трех этажах корпуса на набережной, обслуживалась своим подъездом. Позднее, когда выяснилась нужда в особом зале для молодежи, к нашей квартире было присоединено подвальное помещение, в котором одно время помещался кружок артистов Московского Художественного театра под названием «Летучая мышь», устраивавший свои закрытые интимные собрания по ночам по окончании спектаклей. Душой этих собраний был Н.Ф. Балиев, организовавший позднее свою труппу для публичных спектаклей «Летучей мыши», ставшую вскоре столь популярной в Москве. Для устройства танцевального зала помещение было мною углублено на аршин и по асфальтовой подготовке положен дубовый паркет. Фронтоны на площадь и на набережную облицованы сплошь майоликой, равно как и простенки между окнами 4-го этажа на площадь. Также майоликой украшены перила балконов и углы дома. На коньке крыши над острым углом поставлена золоченая решетка со львами, а над пирамидальной крышей над зеленой башней – золоченый петух…

…По своей оригинальной внешности дом наш в очень скором времени стал известен всей Москве и попал, как одна из достопримечательностей Москвы, в путеводитель «По Москве» «Издания М. и С. Сабашниковых…».

По рисункам Малютина была изготовлена и мебель для дома.

«…Отделка нашей квартиры захватила часть лета 1907 года. Салон с панелями и хорами из красного дерева, спальню с нишей и восточную курительную комнату отделывал мебельщик Коршанов, а столовую русского стиля, как и вестибюль, и лестницу, – кустари, выписанные С.В. из Нижегородской губернии. С.В. лично руководил резьбой стен, арок, наличников, столовой мебели и всеми работами по отделке комнат. Стены столовой резались из дуба, а арки, наличники и карнизы – из березы. Посудный лифт для спуска кушаний из кухни в буфет при столовой сделан в виде изразцовой майоликовой печи. Столовая вышла строго стильной. Половина салона от входа с площадки лестницы отведена под кабинет. Красивы вышли хоры с библиотечными на них шкафами и широким под ними камином. В большом окне ниши вставлено цветное, исполненное Строгановским училищем по рисунку Врубеля стекло с изображением «Въезда победителя». Картина Малявина «Мужик» была вделана в стену над письменным столом. Под широким, во всю стену, трапецеидальным окном с зарисованными цветами и арабесками стеклами стояла дубовая, с резьбой, скамья. Березовая резная арка, с резным окошечком, отделяла от столовой «Думку», на стене которой против арки висело большое синее полотно Рериха – «Заморские гости». В общем, вся отделка первого и второго этажей с соединяющей их лестницей была интересно задумана и любовно выполнена под непосредственным руководством С.В. Малютина, проявившего не только массу вкуса, но и много практичности…»

Сохранились резные украшения наружных дверей, лестничных перил и дверей квартир, убранство парадной лестницы.

Конечно, русский стиль дома бросается в глаза, и все же это модерн, можно сказать, неорусский модерн, с асимметричными окнами и балконами, богатым декором и башенками… Фантазия художника «заселила» фасады здания образами зверей и сказочных персонажей: бога Ярилы, волшебной птицы сирин, павлинами, драконами и др.

«Петр Николаевич прожил в своем с любовью построенном доме пятнадцать лет. Будучи одним из хранителей ценностей храма Христа Спасителя, выступая в защиту церкви от нападок новой власти, он в 1922 году проходит как обвиняемый во втором процессе «церковников». Результатом процесса явился приговор – пять лет тюремного заключения. Однако в следующем году трое осужденных по этому процессу были освобождены, в их числе – и Петр Николаевич. В этом же 1923 году он был выселен из собственного дома, в который уже никогда не вернулся» (цитаты

и воспоминания Перцова взяты с сайта журнала «Русское искусство»).

Этот дом-сказка сразу нашел постояльцев. Здесь поселились артисты, в мансардах устроили студии художники. Квартиры снимали: пианист К.Н. Игумнов, писатель А.В. Куприн, художники Р.Р. Фальк, П.П. Соколов-Скаля, Н.И. Альтман и др. В подвале с 1908 по 1910 год размещалось артистическое кабаре «Летучая мышь», где мхатовские знаменитости пробовали себя в неожиданных амплуа: В.И. Качалов – в роли циркового борца, О.Л. Книппер-Чехова – парижской шансонетки, В.И. Немирович-Данченко дирижировал любительским оркестром, К.С. Станиславский демонстрировал «чудеса черной и белой магии», а устав заведения гласил: «Не обижаться».

О том, что происходило с домом при советской власти, вспоминает дочь П.Н. Перцова Зинаида Петровна: «Наш московский дом (известный всему городу «Дом Перцова», в древнерусском стиле, против храма Христа Спасителя) стал неожиданно знаменитым – в нем поселился Троцкий! Стоит рассказать, какую именно из всех московских квартир он себе выбрал. Уже несколько лет жил в нашем доме известный оригинал и чудак Поздняков. Свою квартиру из четырех громадных комнат он устроил необычайным образом. Самая большая, почти зала, была превращена в ванную (братья мои бывали у Позднякова, они подробно описали мне ее устройство). Пол и стены были затянуты черным сукном. Посреди комнаты, на специально сооруженном помосте, помещалась громадная черная мраморная ванна (вес 70 пудов). Вокруг горели оранжевые светильники. Огромные стенные зеркала отражали со всех сторон сидевшего в ванне. Другая комната была превращена в зимний сад: паркет засыпан песком и уставлен зелеными растениями и садовой мебелью. Гостиная была прелестная – с тигровыми шкурами и художественной мебелью из карельской березы. Хозяин принимал в ней посетителей в древнегреческой тоге и сандалиях на босу ногу, причем на ногте большого пальца сияла бриллиантовая монограмма. Прислуживал ему негр в красной ливрее, всегда сопровождаемый черным мопсом с большим красным бантом! Вот этой-то фантастической квартирой и прельстился вначале Троцкий. Не знаю только, заимствовал ли он также у Позднякова его греческую тогу и сандалии! Позднее Троцкий переехал в нашу личную квартиру, представлявшую собой особняк в 4 этажа, и – уже в изгнании – я прочла мемуары одного английского дипломата, описывающего пышный прием, данный Троцким для дипломатического корпуса. Дипломат восторгался его замечательным вкусом! Я поспешила написать

наивному автору, что все поразившие его картины, статуи, вазы и мебель были собственностью моего отца…»

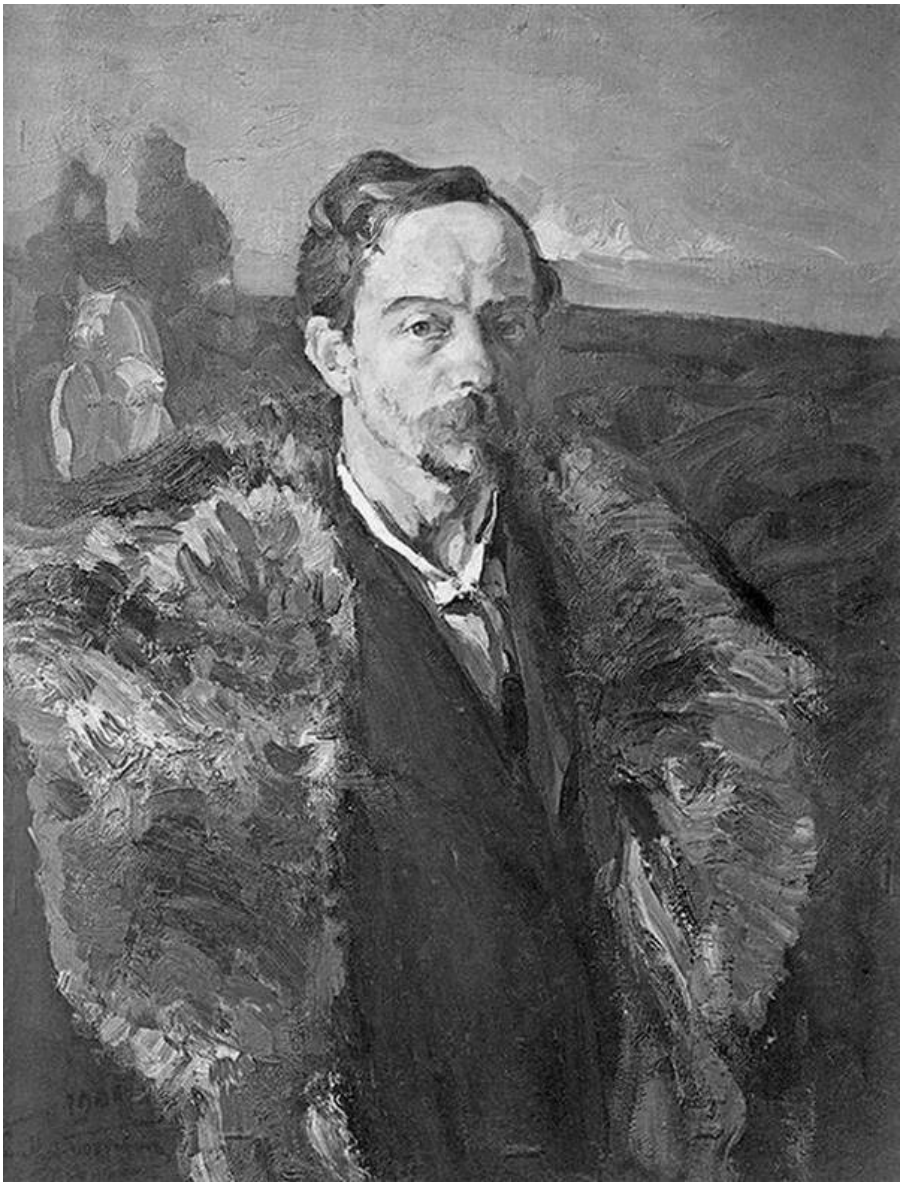
В настоящее время здесь располагается ФГУП ГлавУпДК при МИДе России.

Восемь лет в «Доме Перцовой» прожил и сам **Сергей Васильевич Малютин** (1859–1937).

Родился художник в московской купеческой семье, учился у И.М. Прянишникова и В.Е. Маковского в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

О его признании современниками можно судить хотя бы по тому, что сам Савва Великолепный пригласил его в качестве художника в свою «Частную оперу», – а Мамонтов по части талантов никогда не ошибался. Вполне логично, что Малютин входил в художественное объединение «Мир искусства».

В 1913 году Малютин вступил в ряды «Товарищества передвижных художественных выставок», а через год художнику было присвоено звание академика.



Автопортрет в шубе. *С.В. Малютин*

Сергей Васильевич написал немало живописных произведений, художественных иллюстраций, много преподавал, и в советские годы в том числе, но оставил о себе память – да и то, к сожалению, не все об этом знают – как автор вещи, ставшей символом нашей страны – русской матрешки.

«Однажды он увидал в доме у Мамонтова набор японских

кукол «кокеси» – выточенные из дерева и вручную раскрашенные фигурки. Он подумал, что токари талашкинской артели могли бы сделать ничуть не хуже – и даже лучше, если фигурки выточить пустотелыми, чтобы они не просто выстраивались с убыванием по размеру, но и вкладывались одна в другую! Скорее всего, идея пришла из сказки про Кощееву смерть, которая «на кончике иглы, а игла в яйце, а яйцо в утке…».

Токарь Звездочкин из Сергиева Посада вырезал фигурки, сделал их пустотелыми и разъемными, а художник их сам расписал – вот они, авторские матрешки. С той поры матрешки стали самыми популярными русскими сувенирами, да и многие страны скопировали идею, придав ей свои, национальные черты.

«Мы действительно ленивы и до упрека нелюбопытны, – написал Игорь Грабарь после посещения выставки, посвященной 75-летию художника. – Появилось в 80-х годах минувшего столетия такое бесспорное, исключительное, такое огромное, сверкающее живописное дарование, как Сергей Малютин, а сонная царская Россия (и не только царская) его не заметила. Критика, а с нею коллекционеры, а за ними музеи его проморгали».

Дом-сказка, придуманный Малютиным с такой любовью, не принес ему счастья. В 1908 году большое наводнение затопило подвал здания, где хранились картины художника. Его самого дома не было, а жена, пытаясь спасти картины, простудилась и вскоре умерла… Малютин остался с четырьмя детьми на руках. В этом доме он больше жить не смог и переехал.

При советской власти художник был вполне успешен. Он умер в 1937 году, на 78-м году жизни.

Кстати, в том же году скончался и 80-летний Петр Николаевич Перцов.

Клуб Московского купеческого собрания (Театр «Ленком») на Малой Дмитровке, № б (1907)

«Ленком»! Как много в этом слове…» – да простит меня классик!.. Театр с историей и плеядой потрясающих артистов и режиссеров!

Но изначально здание театром не было. В 1904 году владение на Малой Дмитровке, № 6, поменявшее к тому времени немало хозяев, было куплено за 250 тысяч рублей Московским купеческим собранием для постройки здания клуба.

Был объявлен конкурс на лучший проект, который бы соответствовал требованиям заказчика: 2-3-этажное здание с большим подвалом, терраса, выходящая в сад, а также два отдельных вестибюля, каждый с гардеробом и входом. И внутри должны были быть не менее четырех карточных комнат, поскольку основную прибыль правление Московского купеческого клуба намеревалось получать от карточной игры, официальное разрешение на которую имели всего несколько заведений.

Московское купеческое собрание состояло из представителей купеческой и промышленной элиты, таких как Прохоровы, Морозовы, Карзинкины, Третьяковы, Кузнецовы, Боткины, Алексеевы, Солдатенковы, Хлудовы и др. Членство в нем было пожизненным и передавалось по наследству.

Из представленных на конкурс 46 работ выбрали проект архитектора И.А. Иванова-Шица, который заверил, что сделает проект бесплатно, если ему обещают доверить строительство объекта.

Почти три года шло строительство, и осенью 1909 года Купеческий клуб отпраздновал новоселье в собственном доме, построенном в стиле модерн с элементами неоклассицизма.

Интерьеры были стильно отделаны. Кроме большого зала, в саду была построена летняя площадка с эстрадой, на которой проходили концерты и литературные вечера.

Надо отметить как заслугу Купеческого клуба, была собрана большая и разнообразная по тематике библиотека, включавшая 52 тысячи томов, из них около 14 тысяч – на иностранных языках. Здесь хранилась и практически вся выходящая в Москве периодика.

Вскоре Купеческий клуб на Малой Дмитровке с удовольствием посещали и аристократы, и творческая интеллигенция, и представители богемы. Здесь проводились концертные программы и гастроли театров, знаменитые костюмированные балы, на которые стремилась попасть вся Москва, а также благотворительные мероприятия.

Дела у клуба шли отлично, и было решено расширить полезную площадь здания. Что и было сделано в 1913–1914 годах за счет пристройки по проекту архитекторов В.В. Адамовича и В.М. Маята.

С первых дней Первой мировой войны Московское купеческое собрание отдало часть своих помещений под лазарет на 300 коек, где были оборудованы операционные, перевязочные и приемный покой. На содержание и лечение раненых было выделено 50 тысяч рублей.

После революции клуб, естественно, национализировали, и в апреле 1918 года туда самовольно вселилась Московская федерация анархистских групп, назвав клуб «Домом анархии». За три месяца анархисты разграбили и превратили прекрасное здание в жуткие развалины. Новой власти пришлось силой выбивать оттуда беспредельщиков, как бы их сейчас назвали.

Потом там находилась Центральная школа партийной и советской работы. В 1919 году в здании был открыт Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова, в котором несколько раз выступал В.И. Ленин, а в 1920 году прошел 3-й съезд Российского коммунистического союза молодежи.

А в 1923 году здесь был открыт кинотеатр «Малая Дмитровка», где шли преимущественно зарубежные фильмы, а в 1926 году, несмотря на официальные гонения на музыку «толстых», выступал один из пионеров джаза гениальный кларнетист и саксофонист Сидни Беше.

Только через семь лет у здания бывшего Купеческого клуба появился новый хозяин – Театр рабочей молодежи (ТРАМ). В 1938 году он был преобразован в Московский театр имени Ленинского комсомола, с 1990 года официально называется «Ленком».

Благодаря художественному руководителю театра с 1973 года Марку Анатольевичу Захарову «Ленком» со своим звездным составом стал одним из ведущих театров столицы. В разные годы на его сцене играли: Галина Сергеева, Валентина Серова, Елена Фадеева, Евгений Леонов, Татьяна Пельтцер, Анатолий Солоницын, Олег Янковский, Николай Караченцов, Александр Абдулов – и продолжают играть: Леонид Броневой, Инна Чурикова, Александр Збруев и представители более молодого поколения звезд-ленкомовцев.

Человек, построивший это красивое здание с богатым историческим прошлым – архитектор **Илларион Александрович Иванов-Шиц** (1865–1937).

Родился он в селе Михайловка Воронежской губернии. Окончил Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров, где учился на одном курсе со Львом Кекушевым, в мастерской которого стажировался после переезда в Москву и в соавторстве с которым построил богадельню имени И.Н. Геера.

Он строил много доходных домов, общественных зданий и особняков в стиле модерн, оставив нам свидетельства своего таланта в виде комплекса зданий Солдатенковской (ныне – Боткинской) больницы (2-й Боткинский проезд, № 5), детской больницы имени В.Е. Морозова (4-й Добрынинский переулок, № 1), Введенского народного дома (площадь Журавлева, № 1, стр. 1), Народного университета А.Л. Шанявского (Миусская площадь, № 6) и многое другое.

С новой властью отношения Иванова-Шица вполне сложились, потому что до самой кончины он имел постоянную работу, строя новые здания и перестраивая старые. За что был отмечен правительством орденом Ленина. Он умер в 1937 году и

был похоронен на престижном Новодевичьем кладбище.

Особняк В.В. Правдиной Садовая-Сухаревская, № 5 (1908)

Этот красивый двухэтажный особняк на Садовой-Сухаревской сегодня известен в основном по культовому фильму «Место встречи изменить нельзя» – именно здесь Глеб Жеглов заставил Кирпича открыть тугую дверь 17-го отделения ментовки, при этом незаметно подложив вору украденный им кошелек.

Правда, на фоне новых застроек особняк Правдиной – последний исторический дом в районе Самотеки – смотрится сиротой…

Особняк В.В. Правдиной

А построили эту красоту в стиле модерн архитекторы А.В. Правдин и А.А. Галецкий (?).

О самом архитекторе **Аполлосе Васильевиче Правдине** практически ничего, кроме того, что построил он этот особняк для своей семьи, не известно.

А о самом доме все дружно перепечатывают скудные сведения, говорящие о его «вторичности»: мол, основные детали скопированы у европейских архитекторов, принявших участие в 1898 году в эксперименте богатого мецената герцога Эрнста-Людвига Гессен-Дармштадтского, поклонника стиля модерн и для

его пропаганды предоставившего свои земли и свои деньги под строительство.

В числе нескольких архитекторов, откликнувшихся на его предложение и образовавших так называемую Дармштадтскую колонию архитекторов, был и Йозеф Ольбрих, один из самых ярких представителей течения модерна – венского сецессиона. Так вот, вроде как именно его главный вход, напоминающий очертанием греческую заглавную букву «омега», «передрали» архитекторы в доме Правдиной.

А кроме того, повторяющееся стилизованное изображение розы, свойственное художнику Хансу Кристиансену, тоже из той компании.

Но обвинить архитекторов в плагиате никому даже не пришло в голову, потому что целью герцога Эрнста-Людвига Гессен-Дармштадтского как раз и было: берите и переносите на местную почву.

Вот так появился этот особняк, ставший одним из красивейших зданий московского модерна.

А вот про его создателя-владельца со странным именем Аполлос ничего толком не известно.

Вроде как в 1910 году он продал свой дом московскому купцу, автолюбителю и одному из первых автогонщиков России Сергею Капцову, на своем автомобиле La Buire участвовавшему в автопробеге Санкт-Петербург – Севастополь и получившему приз Первого русского автомобильного клуба и приз Императорского российского автомобильного общества. Текстильные фабриканты и щедрые благотворители Капцовы жертвовали на приюты для бедных, подарили городу Капцовский корпус (функционирующий и ныне) Алексеевской психиатрической больницы, школы и гимназию № 1520. С их именем связано развитие подмосковного города Фрязино, где у них была текстильная фабрика.

«Екатерина Брашнина вышла замуж за **Сергея Капцова** в 1904 году в возрасте 16 лет. В 1909 году у них родился сын Александр – полный тезка своего знаменитого деда, основателя капцовской гимназии. Умерла Екатерина Ивановна в 1975 году» (фото и факты с сайта Коммерсант. Ru. Автопилот).

После революции двое из трех братьев Капцовых – Сергей, к тому времени член Малого Совнаркома, и Михаил, продолжавший семейный бизнес, – были арестованы. Михаил расстрелян, а Сергею расстрел заменили 10 годами ИТЛ. «Но после, скорее всего, выпустили, потому что умер Сергей Капцов в Москве в 1932 году от тифа. Его жена Екатерина пережила мужа на сорок с лишним лет» (*Баранцев И.* Сайт www.oldmos.ru).

О судьбе самого здания в советское и наше, постсоветское

время практически ничего не известно. Одно время оно пришло в такую ветхость, что его чуть не снесли. Хорошо, одумались, отреставрировали. Но на сайте «Архнадзор», 09.11.2009 есть вот такая информация: «Появление большого мансардного окна грубо искажает оригинальный силуэт завершения здания…»

А это значит, что «подноводелали»…

Доходный дом М.Н. Миансаровой на Сухаревской площади, № 12 (1908–1912)

Когда выходишь из метро «Сухаревская» вправо, то сразу видишь этот необычный (для нашего времени) дом с изумрудными изразцами. «Образец модерна!» – воскликнем мы, уже несколько поднаторев в определении характерных деталей этого стиля. Подумаем и добавим: «Неорусский модерн». И будем правы!

В XVIII веке на этом месте площадью почти в 2,5 гектара располагался Полковой артиллерийский двор с большим прудом, окруженным деревянными строениями. В них размещались канцелярия, правление, амбары, лазарет и другие службы. Сюда перекочевала образованная еще в 1701 году артиллерийская школа – одно из первых учебных заведений Москвы.

Доходный дом М.Н. Миансаровой

В 1851 году этот обширный участок земли в Сретенской части приобрел московский купец 1-й гильдии, действительный статский советник и один из крупнейших миллионеров России **Иван Степанович Ананов** (1811–1888).

Иван Степанович (Ованес Степаносович) родился в семье крестьянина из Карабаха, закончил духовную семинарию. В 1850-х годах вместе с женой, Марией Ивановной, переехал на постоянное жительство в Москву, где вступил сразу в 1-ю купеческую гильдию: видать, денежки водились! Вскоре он стал крупнейшим московским домовладельцем, которому в городе принадлежало 9 особняков.

И.С. Ананов был не только одним из богатейших людей России конца XIX века, бизнес которого был и в Первопрестольной, и в Тифлисе и Кутаиси, но и щедрым благотворителем.

К тому же это был образованный человек – член совета правления Московского Лазаревского института восточных языков, поэтому такое значение придавал обучению детей. В 1876 году, после смерти супруги Марии Ивановны, Иван Степанович учредил в ее память в Тифлисе при женском монастыре Святого Степаноса училище «Мариамян – Овнанян» «для девиц армяно-григорианского исповедания, преимущественно сирот и детей неимущих родителей». В Московском Лазаревском институте он оплачивал содержание десяти пансионеров. Был также старшим членом совета попечителей Касперовского приюта для бедных армян в Москве.

Ананов выделил значительные средства для: уплаты Выкупных платежей бедным крестьянам Московской, Кутаисской, Тифлисской губерний; помощи русским крестьянам-староверам для переселения их на пустующие земли в Закавказье. На основанные им именные стипендии в Москве учились крестьянские дети в прогимназиях, Московском университете, Петровской академии, Московской школе земледелия.

Ананову доверили стать казначеем на строительстве памятника императору Александру II Освободителю в Кремле. Упокоился Иван Степанович на армянском Ваганьковском кладбище в Москве. На месте захоронения выстроена часовня.

Но вспоминаем мы этого человека не за его добрые дела – хотя и стоило бы… Садовую-Сухаревскую прямо за домом, о котором идет речь, пересекает переулок, который в 1887 году назвали в его честь – Анановский, теперь – Ананьевский. На средства Ивана Степановича он был замощен и освещен фонарями.

И.С. Ананов подарил двум дочерям по участку под строительство. Одна из них – вот тут пошли такие разночтения! – Елена (или Глена?), которая была замужем за известным московским адвокатом Аршаком Месроповичем Миансаровым, приглашает архитектора С.К. Родионова для постройки доходного

дома. Кстати, признаюсь, так и не смогла выяснить, почему дом называется «М.Н. Миансаровой», откуда взялись такие инициалы – не ясно. В некоторых источниках он вообще значится, как «Доходный дом Гутмана – М.Н. Миансаровой».

Какие бы непонятки не случились с инициалами владелицы, здание, которое сразу прозвали «Домом с изразцами», получилось таким нарядным! Его фасады облицованы цветной керамической плиткой, изготовленной в мамонтовской мастерской «Абрамцево» и в мастерской «Кикерино». «Контраст белых, густо-зеленых и золотых облицовочных плиток в сочетании с полихромным изразцовым фризом, облицовкой кокошника в венчающей части и отдельными полихромными изразцовыми вставками создает необычную, броскую фасадную композицию, не имеющую аналогов…»

На нижнем этаже располагались магазины, на верхних – комфортабельные квартиры. Впрочем, сейчас то же самое.

(Подробности о семье Ананова: http://noev-kovcheg. ru/mag/2013-15/4032.html#ixzz2q5CxluoM сайт «Ноев ковчег», статья Марины и Гамлета Мирзоян «Москва армянская»).

А теперь об авторе «Дома с изразцами».

Сергей Константинович Родионов (**1859–1925**) – русский и советский архитектор, реставратор, преподаватель и общественный деятель. Один из мастеров московского модерна, эклектики и церковной архитектуры. Автор планировочного и архитектурного решения Новодевичьего кладбища в Москве.

Родился во Владимире в семье потомственного дворянина. Окончил в 1883 году Московское училище живописи, ваяния и зодчества со званием классного художника архитектуры и Большой серебряной медалью. Позже продолжил обучение в Императорской Академии художеств.

Но более чем к живописи его влекло к архитектуре. Сначала он поработал в провинции: с 1885 по 1889 год был городским архитектором Клина, потом вернулся в Москву. Он строил дома, церкви и серьезно занимался вопросами изучения, сохранения и реставрации архитектурных памятников. Состоял членом Комитета по реставрации Успенского собора в Кремле, участвовал в реставрации Новодевичьего монастыря.

В 1916 году Родионов стал председателем Русско-Славянского союза. Преподавал на Московских строительных курсах, читал курс строительного искусства. После Октябрьской революции С.К. Родионов заведовал музеем Нескучного сада, был архитектором по охране памятников старины и членом строительной комиссии Наркомпроса. Производил работы по

реставрации Китайгородской стены. Читал курсы лекций по реставрации и истории искусств.

С.К. Родионов был женат на княжне С.Н. Шаховской, поэтому вхож в самые верхние слои света и пользовался везде и всегда заслуженным уважением. Владел собственным доходным домом в Борисоглебском переулке и поместьем в Дмитровском уезде.

Скончался в Москве в 1925 году. Похоронен в Новодевичьем монастыре.

Дом И.К. Баева, проспект Мира, № 30 (1909)

На проспекте Мира, бывшей 1-й Мещанской улице, сохранилось немало зданий в стиле модерн. Вот одно из них, которое находится рядом с потрясающей красоты Аптекарским огородом, – дом И.К. Баева, который, впрочем, вошел в историю под другим названием – «Дом Брюсова». Участок, на котором возведен особняк, сменил немало владельцев, пока у купца П.Г. Молчанова в 1895 году его купил купец 2-й гильдии Кузьма Денисович Баев. У него было три сына – как в сказке! Но дураков среди них замечено не было, напротив, и в бизнесе способные, и в благотворительных делах щедрые.

Братья Баевы (Иван-старший, Иван-младший, Кузьма) – крупнейшие благотворители, московские купцы. Пожертвования семьи Баевых на благотворительность оценивались в 903 тысячи рублей. В 1880–1902 годах эти средства пошли на устройство больниц, богадельни, на студенческие стипендии и пособия бедным невестам.

Семья Баевых переселилась в Москву из Коломны в 1850-х годах. Обувной фирме «Баев Иван Денисович-старший с братьями», основанной в 1860 году, принадлежали магазин на Маросейке и обувная фабрика в Большом Златоустинском переулке.

Дом И.К. Баева

Главой семьи являлся Иван Баев-старший (1828–1899), он состоял в московском купечестве с 1860 года, сначала во 2-й, затем в 1-й гильдии. Брак Баева-старшего был бездетным, возможно, именно это обусловило огромный размер пожертвований – 468 тысяч рублей. (1883–1899, совместно с женой Анной). Распорядителями капиталов были Московское городское общественное управление и Московское купеческое общество. При жизни Баев жертвовал на стипендии детям в Московских мещанских училищах (1883 – 35 тысяч рублей), на пособия бедным невестам (1884 – 36 тысяч рублей), на строительство Алексеевской психиатрической больницы (1889 – 200 тысяч рублей, совместно с женой).

Благотворители Баевы: Анна Васильевна и ее муж Иван-старший

По завещанию было внесено на стипендии в Мещанских училищах еще 89 тысяч рублей и на пособия бедным невестам 100 тысяч рублей. Стипендии позволили 25 бедным детям не только обучаться в Мещанских училищах, но и обеспечили их питанием, одеждой, обувью.

Иван Баев-младший (1849 – после 1916) был совладельцем семейной фирмы. В 1890-х годах он являлся старостой церкви Святой Живоначальной Троицы на Капельках. За регулярную помощь дому призрения и ремесленного образования бедных детей в Санкт-Петербурге Иван Баев-младший был награжден тремя орденами и в 1899 году пожалован званием почетного члена этого заведения за попечительство. Кузьма Баев (1852–1908) – также совладелец семейной фирмы, был гласным (депутатом) Московской городской думы в 1901–1908 годах.

В 1900 году Кузьма и Иван Баев-младший пожертвовали Московскому городскому общественному управлению 422 410 рублей на устройство дома призрения имени Ивана Баева-старшего для неизлечимо больных – 100 тысяч рублей на постройку и 300 тысяч рублей в капитал на содержание больных, 2410 рублей на покупку инвентаря. В 1902 году они также в память о старшем брате передали 20 тысяч рублей на достройку церкви Коронационного убежища – благотворительного заведения

для «лиц, нуждающихся в уходе, призрении и заботе о себе», открытого в Сокольниках в 1901 году в память о коронации Николая II» (с сайта «Русофонд. Помогаем помогать»).

Старый дом с участком на 1-й Мещанской по наследству перешел к Ивану-младшему.

«Иван Кузьмич затевает перестройку старого дома и поручает его строительство архитектору Владимиру Ивановичу Чагину…

Чагин блестяще справился с поставленной перед ним задачей. Сохранив крепкий каркас прежнего дома, он совершенно преобразил его внешний вид и частично изменил внутреннюю планировку.

Архитектор решил образ дома как коттедж в стиле скандинавского модерна. Вход он сделал в виде пристроенной к дому с правой стороны башни с остроконечной – «под готику» – крышей, над жилой частью надстроил третий этаж в виде мансарды с широким трехстворчатым окном, необходимым для достаточного освещения помещения в условиях хмурых северных широт. Внешняя отделка дома скупа, но выразительна, в ней нет никаких фигуративных изображений, только геометрические линии.

Впечатление северной архитектуры дома-особняка усиливали стволы росших перед ним в палисаднике деревьев, сквозь которые открывался на него вид с улицы…» (*Муравьев В.* Истории московских улиц).

Семья хозяина особняка, потомственного почетного гражданина, купца 1-й гильдии, совладельца Торгового дома «Иван Денисович Баев-старший с братьями», Ивана Кузьмича Баева занимала второй этаж с большой мансардой. Квартира на первом этаже сдавалась внаем.

Жизнь полна парадоксов… Это я к тому, что великий поэт Серебряного века **Валерий Яковлевич Брюсов** (1873–1924) не скрывал своего отношения к стилю модерн:

Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной,
Когда кругом пруда реки Неглинной, где
Теперь разводят сквер, лежал пустырь огромный
И утки вольные жизнь тешили в воде…
…Когда на улице звон двухэтажных конок
Был мелодичней, чем колес жестокий треск,
И лампы в фонарях дивились, как спросонок,
На газовый рожок, как на небесный блеск…
…Но изменилось все! Ты стала в буйстве злобы

Все сокрушать, спеша очиститься от скверн,
На месте флигельков восстали небоскребы,
И всюду запестрел бесстыдный стиль модерн…

Вот так и припечатал! А поди ж ты, – именно в этом доме, самом что ни есть модерновом, он поселился в августе 1910 года с женой Иоанной Матвеевной и прислугой Аннушкой и прожил до конца своей жизни.

«Я живу уже не на Цветном бульваре, – сообщает Брюсов в письме Андрею Белому от 27 августа 1910 года. – Мой новый адрес: 1-я Мещанская, д. 30 (Баева), кв. 2, вход со двора».

Вскоре москвичи стали называть этот особняк «Домом Брюсова», на что домовладелец И.К. Баев вздыхал и привычно поправлял: «Этот дом не Брюсова, а мой, а Брюсов здесь живет на квартире».

Если честно, только имя знаменитого поэта и спасло дом от сноса, но об этом чуть позже.

Квартира Брюсова из пяти комнат была на первом этаже. В самой большой комнате, выходящей окнами на улицу, разместился кабинет хозяина, в котором была огромная библиотека в пять тысяч томов. Книги на английском, французском, итальянском, испанском, немецком и чешском языках. Античная литература в подлинниках.

В.Я. Брюсов

С кабинетом соседствовала спальня, малая гостиная, столовая и комната прислуги, окна которых выходили во двор.

Авторитет поэта в литературных кругах и Москвы, и

Петербурга был непререкаемым. Брюсов возглавлял влиятельный символистский журнал «Весы», руководил издательством «Скорпион», его критические и литературоведческие статьи публиковались и в других изданиях – журнале «Русская мысль», альманахе «Северные цветы». Он выпустил более десяти своих поэтических сборников и несколько прозаических произведений, самые известные из которых – романы «Огненный ангел» и «Алтарь победы». Прославился он и как переводчик. Первым перевел на русский язык стихотворения Поля Верлена и Эмиля Верхарна. Ему русский читатель обязан тем, что герои «Фауста» Гете и «Энеиды» Вергилия заговорили на понятном для нас языке. Валерий Яковлевич переводил не только с европейских языков, но и, например, с армянского – на основе своих переводов он составил антологию армянской поэзии «с древнейших времен до наших дней». На протяжении многих лет Брюсов был также директором Московского литературно-художественного кружка, а потом возглавил созданный им Литературный институт.

До революции еженедельно по средам у Брюсова собирались поэты, «…читались стихи, – вспоминает Николай Асеев, – комментировались вновь вышедшие сборники, велись споры о тонкостях поэтического мастерства…»

На разговор за чашкой чая сюда часто захаживали Константин Бальмонт, Андрей Белый, поэт, переводчик и дипломат Юргис Балтрушайтис, Сергей Есенин, Игорь Северянин, Владислав Ходасевич, Владимир Маяковский, Марина Цветаева, художники Александр Бенуа, Евгений Лансере и многие другие.

После революции «среды» прекратились, но дом Брюсова всегда был открыт для молодых поэтов.

После смерти В.Я. Брюсова Иоанна Матвеевна сохраняла квартиру такой, какой она была при жизни мужа, и с готовностью встречала поэтов и литературоведов, занимавшихся изучением жизни и творчества Брюсова. Но в 1930-х годах посещения дома Брюсова сошли на нет…

В 1960-х годах часть помещений дома заняла районная библиотека, а после смерти Иоанны Матвеевны в 1965 году библиотеке отошла и вся квартира с кабинетом Валерия Яковлевича.

Только в феврале 1971 года сбылась мечта вдовы поэта, которая столько приложила к этому сил, – открылся музей В.Я. Брюсова.

Но по трагическому стечению обстоятельств дом дважды горел и был определен «на снос». Но, к счастью, уцелел, был отреставрирован, и в 1999 году там открылся филиал Государственного литературного музея – «Музей Серебряного

века русской поэзии» и мемориальный кабинет В.Я. Брюсова.

Владимир Иванович Чагин (1865–1948) был известным архитектором, но, к сожалению, даже приличной фотографии одного из «ярких представителей московского модерна, автора многочисленных построек в Москве и Санкт-Петербурге» (как отзывается о нем Википедия), разыскать не удалось.

Обрывочные биографические сведения: закончил Виленское реальное училище, потом Академию художеств со званием классного художника 1-й степени.

«В.И. Чагин являлся ярким приверженцем архитектурного модерна в его петербургской трактовке. Большинство проектов и построек в этом стиле Чагин выполнил совместно с архитектором В.И. Шене» (Википедия).

Среди самых известных построек архитектора: строительство Сандуновских бань (по проекту Б.В. Фрейденберга и С.М. Калугина), корпус Хлудовской богадельни (совместно с архитекторами В.И. Шене и Б.В. Фрейденбергом), собственный доходный дом на Большой Лубянке, № 24 и др.

После Октябрьского переворота он был вполне привечен новой властью, спроектировал и построил немало жилых зданий в Москве. Скончался 25 мая 1948 года. Похоронен на 23-м участке Введенского кладбища.

Список книг и статей, из которых можно почерпнуть много полезных фактов об истории Москвы и московского модерна

Нащокина М.В. Архитекторы московского модерна.
Нащокина М.В. Московский модерн.
Романюк С. Из истории московских переулков.
Бурышкин П. Москва купеческая.
Бурышкин П. 1000 лет русского предпринимательства.
Гиляровский В. Москва и москвичи.
Баранов Е. Проклятый дом.
Баранов Е. Москвоведение.
Колодный Л. Москва в улицах и лицах.
Муравьев В. Истории московских улиц.
Вострышев М. Московские обыватели.
Зодчие Москвы XV–XIX веков.
Сытин П. Из истории московских улиц.
Пыляев М. Старая Москва.
Александров Ю. Москва заповедная.
Варенцов Н. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое.
Вересаев В. Записки врача.
Бахрушин Ю.А. Воспоминания.
Стадников А.В. Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (конец XIX – начало XX в.).
Соколов И.А. Чаеторговцы Российской империи: библиографическая энциклопедия.
Федорец А. Савва Морозов.
Чумаков В. Русский капитал. От Демидовых до Нобилей.

notes

Примечания

1

См. об этом с. 135.

2

Та самая, что сыграла роковую роль в жизни Саввы Морозова.

3

Об этом интересно рассказано в статье Ирины Гузеевой «Захоронение Грачевых на Введенском кладбище» на сайте «Библиотека «Благовещенье».

4

Д р а д е д а м (от *фр.* drap de dames – «драп для дам») – легкая шерстяная ткань с ворсом с разнообразными тканными рисунками.

5

Пусть вас не вводят в заблуждение нерусские имена: старообрядцы любили называть детей именами библейских святых.

Об этом подробнее в главе 3.

7

Кинокомпания «Россфильм». Режиссер Я. Назаров, сценарий Л. Соколовой.

Подробнее в рассказе о МХТ.

Подробнее о ней в главе 1 в рассказе о ресторане «Прага».

Подробнее о ней рассказывается в главе об особняке Дерожинской, с. 237.

Об этом – чуть позже, в рассказе о С.И. Мамонтове.

12

Так переиначили их отчество Аслановичи.

13

Фотографии братьев Тарасовых, кроме Николая, найти не удалось.